

ISSN 3033-6929

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

**ТРУДЫ КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XXVI

Электронный сборник научных трудов

Под общей редакцией
Н.Б. Крыласовой, Н.С. Смертиной

Пермь
ПГГПУ
2025

**УДК 902/904
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)
Т782**

Т782 **Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск XXVI : электронный сборник научных трудов / под общей редакцией Н.Б. Крыласовой, Н.С. Смертиной ; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Пермь, 2025. – ISSN 3033-6929. – URL: <http://www.vestnik5.pspu.ru>. – Текст (визуальный) : электронный.**

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции», основанная в 2001 г. А.М. Белавиным. В ноябре 2024 г. прошла ежегодная Региональная научно-практическая конференция «Археологические и этнографические исследования университетов», посвященная памяти профессора Андрея Михайловича Белавина. Сборник включает статьи, содержащие материалы докладов проведенной конференции.

Статьи могут быть интересны специалистам в области археологии и истории, преподавателям и студентам профильных факультетов вузов, сотрудникам музеев.

**УДК 902/904
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)**

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, проф. *Н.Б. Крыласова*;
канд. ист. наук, доц. *Н.С. Смертина*;
д-р ист. наук, проф. *Е.Л. Лычагина*;
канд. ист. наук, доц. *Ю.А. Подосёнова*;
канд. ист. наук, доц. *А.Н. Сарапулов*

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© Коллектив авторов, 2025
© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2025

От редакторов

В ноябре 2024 г. состоялась Региональная научно-практическая конференция «Археологические и этнографические исследования университетов». Мероприятие было посвящено памяти профессора Андрея Михайловича Белавина (05.07.1958 – 14.03.2024).

В рамках научной конференции было представлено более 20 докладов, подготовленных научными сотрудниками Камской археолого-этнографической экспедиции ПГГПУ, Камской археологической экспедиции ПГНИУ, Института гуманитарных исследований УрО РАН, ПРОО «Археологи Прикамья» и учеными из Оренбургского государственного педагогического университета. Участники конференции презентовали последние исследования в сфере археологии и этнографии, а также поделились воспоминаниями об Андрее Михайловиче Белавине.

Одним из событий конференции стало открытие выставки, посвященной профессору А.М. Белавину и созданию Камской археолого-этнографической экспедиции.

Надеемся, что материалы сборника окажутся полезными
начинающим и практикующим археологам!

УДК 902/903

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-26-4-10

Е.Л. Лычагина^{1,2}**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА
ОЗЕРА НЮХТИ КРАСНОВИШЕРСКОГО г. о. ПЕРМСКОГО КРАЯ***¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
Российская Федерация²Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Российская Федерация

Аннотация. Представлены результаты разведки по восточному берегу озера Нюхти. Озеро расположено на водоразделе двух притоков реки Язьвы, имеет форму, близкую к округлой, малую среднюю глубину. В ходе разведки был пройден маршрут протяженностью 4 км, сделано 4 зачистки обнажений, в которых культурного слоя выявлено не было. То есть новых археологических памятников в процессе разведки не найдено.

Одной из задач разведки было определение границ поселений Нюхти I и Нюхти II. Поселения были открыты в 2013 г. А.Ф. Мельничуком и отнесены к камской неолитической культуре.

На поселении Нюхти I был разбит разведочный раскоп площадью 16 м², а также 3 шурфа, площадью 1 м² и 3 зачистки. Из зачистки № 2 был отобран материал на спорово-пыльцевой анализ. Коллекция памятника состоит из 78 изделий из камня и 15 фрагментов керамики. Все предметы могут быть отнесены к камской неолитической культуре.

На поселении Нюхти II было разбито 2 шурфа площадью 1 м² и 3 зачистки. Из зачистки № 3 были отобраны материалы для OSL-анализа с целью датирования дюны, на которой расположены памятники. Около шурфа 2013 г. были найдены 2 небольших отщепа (чешуйки). Отираясь на найденные предметы и архивные материалы, памятник, предварительно также может быть отнесен к периоду неолита.

Ключевые слова: Северное Прикамье, археологическая разведка, стоянка, неолит, камская культура

E.L. Lychagina^{1,2}**ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE EASTERN SHORE OF LAKE
NYUKHTI, KRASNOVISHERSKY URBAN DISTRICT, PERM REGION**¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation²Perm State University, Perm, Russian Federation, Perm, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of exploration along the eastern shore of Lake Nyukhti. The lake is located on the watershed of two tributaries of the Yazva River, has a shape close to round, and a small average depth. During the exploration, a 4-km route was covered, 4 cleanups of outcrops were made, in which no cultural layer was found. That is, no new archaeological sites were found during the exploration.

One of the objectives of the exploration was to determine the borderlines of the settlements of Nyukhti I and Nyukhti II. The settlements were discovered in 2013 by A.F. Melnichuk and attributed to the Kama Neolithic culture.

At the Nyukhti I settlement, an exploratory excavation of 16 m² was made, as well as 3 pits of 1 m² and 3 cleanups. Material for spore-pollen analysis was selected from cleanups No. 2.

The collection of the settlement consists of 78 stone products and 15 ceramic fragments. All items can be attributed to the Kama Neolithic culture.

At the Nyukhti II settlement, 2 pits of 1 m² each and 3 cleanups were made. From cleanups No. 3, materials were selected for OSL analysis in order to date the dune on which the sites are located. Near the 2013 pit, 2 small flakes were found. Based on the objects found and archival materials, the site can also be tentatively attributed to the Neolithic period.

Keywords: Northern Prikamye, archaeological exploration, site, Neolithic, Kama culture

Введение

В августе 2024 г. отрядом КАЭЭ ПГГПУ под руководством Е.Л. Лычагиной были проведены разведочные работы на восточном берегу озера Нюхти в Красновишерском городском округе Пермского края.

Целью работ было определение/уточнение границ территории объектов археологического наследия: с целью постановки на государственный учет ранее выявленных объектов археологического наследия Нюхти I поселения, Нюхти II поселения, а также поиск новых археологических памятников.

Красновишерский городской округ находится в северо-восточной части Пермского края в долине реки Вишера. Одно из крупных озер Пермского края – озеро Нюхти – расположено на водоразделе двух притоков реки Язьвы – Колынвы и Глухой Вильвы. Расчет морфометрических показателей озера был проведен в 2023 г. группой исследователей с географического факультета ПГНИУ [Оценка морфометрических параметров …, 2024, с. 109–123]. Площадь озерной котловины составила 5,41 км², максимальная длина – 3,696 км, ширина – 1,996 км (относится к озерам с формой, близкой окружной), длина береговой линии – 10 242 м (относится к озерам со слабоизрезанным берегом), максимальная глубина – 2,8 м, средняя глубина – 1,1 м (т.е. это озеро с очень малой глубиной) [Оценка морфометрических параметров …, 2024, с. 116, табл. 1].

Озеро Нюхти приурочено к перегибу сопряженных складок, где «соляное зеркало» достигло минимальных отметок на определенном этапе геоморфологического развития территории [Лаврова, Галинова, Богомаз, 2021, с. 80–81]. По характеру водообмена озеро Нюхти является сточным. Из него вытекает ручей Исток. Берега озера очень сильно заболочены (особенно западный берег). Лесистость водосбора составляет 60 % общей площади. Значительная часть территории занята различными типами сосновых лесов. Водосбор сильно заболочен, вокруг озера расположена часть Губдорско-Кольшвенского болота. Комплекс озера и болота представляет собой единое ландшафтное образование [Лепихин, Мирошниченко, Богомолов, 2009, с. 77].

В настоящее время вокруг озера ведется добыча нефти компанией «Лукойл». Строительство автомобильной дороги сделало возможным активное посещение озера отдыхающими, что негативно сказывается на санитарном состоянии водного объекта [Лепихин, Мирошниченко, Богомолов, 2009, с. 97].

Поселения Нюхти I, Нюхти II были выявлены в ходе археологической разведки, проведенной А.Ф. Мельничуком в 2013 г. в пределах Красновишерского района Пермского края, по листу № 675 [Мельничук, 2013, с. 4]. На поселении Нюхти I был разбит разведочный раскоп площадью 16 м², в котором были обнаружены фрагменты керамики и изделий из камня, относящиеся к неолиту. На поселении Нюхти II был разбит шурф площадью 1 м², в котором было найдено 20 предметов из камня. По аналогии с поселением Нюхти I данный

памятник также был отнесен к неолиту. Материалы раскопок были представлены в нескольких докладах на конференциях разного уровня и публикациях [Мельничук, Чурилов, Карманов, 2018, с. 51; Неолит Северного Прикамья …, 2013, с. 66–71].

Однако работ по определению границ обоих памятников проведено не было, заявления о включении объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия, в Единый государственный реестр объектов культурного наследия подано не было. В связи с этим возникла необходимость осмотра обоих памятников и проведения на них работ для включения в единый государственный реестр.

Ход работ

Начальной точкой маршрута была северо-восточная оконечность озера, где фиксировалась сильная заболоченность береговой линии. Далее маршрут пролегал вдоль восточного берега озера с севера на юг (рис. 1). Маршрут проходил через небольшие песчаные дюны, которые использовались как места для отдыха. На одной из таких дюн была предпринята зачистка обнажения (зачистка № 1). Следов культурного слоя в ней не выявлено, осмотр местности вокруг зачистки также не выявил каких-либо артефактов.

Далее маршрут проходил через территорию поселений Нюхти I и Нюхти II, на которых были произведены работы по определению границ памятников (подробнее об этом ниже).

Маршрут был продолжен далее в южном направлении. Стоит отметить, что сразу же за поселением Нюхти II автомобильная дорога заканчивается и пройти вдоль берега озера можно только по небольшим местами заболоченным тропинкам. Поэтому юго-восточное побережье озера не подвергалось значительному воздействию антропогенного фактора. В ходе разведки на береговых возвышениях было сделано еще 3 зачистки обнажений, однако ни одна из них не выявила наличия культурного слоя или каких-либо артефактов. Конечной точкой маршрута стала юго-восточная оконечность озера. Протяженность маршрута составила 4 км.

Поселение Нюхти I

На поселении Нюхти I был разбит раскоп площадью 16 м², а также 3 шурфа, площадью 1 м² и 3 зачистки с целью установления границ памятника. Из зачистки № 2 был отобран материал для спорово-пыльцевого анализа (отправлен в ИЭРИЖ УрО РАН). Каких-либо объектов (остатков очагов, хозяйственных ям) в раскопе и шурфах обнаружено не было.

Коллекция, собранная в результате исследований 2024 г., состоит из 93 предметов: 78 изделий из камня и 15 фрагментов керамики.

К каменному инвентарю относятся: нуклеус, пренуклеус, 4 скола с нуклеусов, 8 неопределенных сколов, 16 отщепов, 7 пластин и их фрагментов, 3 орудия и 38 чешуек (рис. 2). Для их изготовления использовался кремень серого цвета с различными оттенками (в том числе халцедоновый полупрозрачный кремень), окремнелый известняк, яшма, кремнистый сланец. На 9 предметах присутствуют следы воздействия высоких температур.

Нуклеус был изготовлен из серого кремня, призматической формы с одной ударной площадкой, его размеры: 16 × 20 × 15 мм. Пренуклеус (рис. 2: 3) представлен фрагментом плитчатого кремня с намеченной ударной площадкой, его размеры: 33 × 26 × 9 мм. Все сколы с нуклеусов представлены продольными формами.

Случайные сколы, осколки имеют небольшие размеры (до 3 см), половина из них побывала в огне. Отщепы представлены целыми формами (14 экз.) и проксимальными частями (2 экз.). Их размеры: длина – 17–25 мм, ширина – 11–29 мм, толщина – 3–10 мм (рис. 2: 1–2, 7). Все предметы относятся к категории мелких (до 3 см). Два отщепа имеют следы воздействия огня, у одного изделия частично сохранилась галечниковая корка. К чешуйкам были отнесены мелкие отщепы (длиной менее 10 мм), не несущие следов вторичной обработки.

Среди пластин выделяются целые формы – 2 экз. (обе относятся к категории неправильных), проксимальные – 2 экз., дистальные – 2 экз. и медиальные – 1 экз. части (рис. 2: 4–6). Размеры: длина – 12–21 мм, ширина – 7–21 мм, толщина – 2–7 мм. При этом необходимо отметить, что большинство пластин (6) относится к категории узких (ширина 7–9 мм). Из коллекции выбивается массивное сечение пластины (рис. 2: 4), размером: 12 × 21 × 7 мм.

К орудиям было отнесено 3 предмета.

Скребок (рис. 2: 8) был изготовлен на дистальном фрагменте отщепа из бежевой яшмы, относится к типу концевых (кругой дорсальной ретушью обработан дистальный конец изделия). Его размеры: 18 × 25 × 6 мм.

Нож (рис. 2: 9) был изготовлен на целом удлиненном отщепе из серо-коричневого кремня. Лезвие длиной 20 мм было оформлено полукруглой дорсальной ретушью. Размеры орудия: 49 × 24 × 11 мм.

Заготовка орудия (рис. 2: 10) представляет собой отдельность сырья (серый кремень) со следами двусторонней обработки. Ее размеры: 48 × 33 × 25 мм.

Описанная коллекция каменного инвентаря сходна с результатами раскопок А.Ф. Мельничука. В коллекции 2013 г. также превалировали находки мелких отщепов, чешуек, бессистемных сколов, встречались пренуклеусы и неправильные пластины. Среди орудий ведущую роль играли скребки и ножи [Мельничук, 2013, с. 29–30].

В раскопе было обнаружено 8 небольших фрагментов от расслоившейся керамики светло-коричневого, коричневого цветов. На 2 фрагментах зафиксированы отпечатки гребенчатого штампа (рис. 3: 1–2). Интерес представляет фрагмент плоского дна (?), в котором визуально фиксируется примесь крупного шамота. Он также был орнаментирован по краю гребенчатыми отпечатками (рис. 3: 3).

В непосредственной близости от раскопа были обнаружены еще 7 фрагментов керамики, предположительно от 3 сосудов.

Сосуд 1 представлен 1 фрагментом венчика и 1 стенки. Цвет светло-коричневый, толщина 11 мм, венчик округло-уплощенный, без наплыва. Сосуд был орнаментирован диагональными рядами косого гребенчатого штампа (рис. 3: 4). Использование косой гребенки характерно для памятников раннего этапа камской неолитической культуры [Лычагина, 2013, с. 52].

Сосуд 2 представлен 3 фрагментами стенок. Цвет светло-коричневый, толщина 11 мм. Сосуд был орнаментирован рядами длинного прямого гребенчатого штампа (рис. 3: 5–6).

Сосуд 3 представлен 2 фрагментами стенок. Цвет светло-коричневый, толщина 7 мм. Сосуд был орнаментирован тонкими отпечатками «шагающей гребенки» (рис. 3: 7).

Описанная нами керамика является типичной для камской неолитической культуры [Лычагина, 2022, с. 58–59]. Для нее характерна большая толщина стенок, плотный чешепок, примесь шамота в формовочной массе, в орнаментации преобладает мотив «шагающей гребенки» и вертикальных, диагональных, горизонтальных рядов гребенчатого штампа.

Судя по отчету А.Ф. Мельничука, описанные нами сосуды соотносятся с сосудами № 2–4 из раскопа 2013 г. [Мельничук, 2013, с. 28–29].

Рассмотренная нами коллекция не противоречит отнесению памятника к камской неолитической культуре. Для нее характерно изготовление орудий на мелких и средних отщепах, превалирование дорсальной ретуши, добавление в формовочную массу керамики крупных фракций шамота, орнаментация гребенчатым штампом. Все эти черты характерны для камского гребенчатого неолита [Лычагина, 2020].

Поселение Нюхти II

На поселении Нюхти II было разбито 2 шурфа, площадью 1 м² и 3 зачистки с целью установления границ памятника.

В непосредственной близости от шурфа 2013 г. было найдено 2 небольших отщепа (чешуйки), изготовленных из темно-серого и коричневого кремня. Исходя из предыдущих датировок памятника и найденного инвентаря, он также может быть предварительно отнесен к камской неолитической культуре.

Заключение

В ходе проведения разведки по восточному берегу озера Нюхти был пройден маршрут протяженностью 4 км, сделано 4 зачистки обнажений, в которых культурного слоя выявлено не было. Таким образом, новых археологических памятников в процессе разведки не найдено.

Помимо этого, были проведены работы по установлению границ уже известных археологических памятников – поселений Нюхти I и Нюхти II и поданы заявления в государственную инспекцию Пермского края о включении объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия, в Единый государственный реестр объектов культурного наследия. В результате оба памятника были включены в перечень выявленных объектов культурного наследия Пермского края.

На поселении Нюхти I был разбит разведочный раскоп площадью 16 м², а также 3 шурфа, площадью 1 м² и 3 зачистки с целью установления границ памятника. Из зачистки № 2 был отобран материал на спорово-пыльцевой анализ.

Коллекция памятника состоит из 93 предметов (78 изделий из камня и 15 фрагментов керамики). Все предметы могут быть отнесены к камской неолитической культуре.

На поселении Нюхти II было разбито 2 шурфа, площадью 1 м² и 3 зачистки с целью установления границ памятника. Из зачистки № 3 были отобраны материалы для OSL-анализа с целью датирования дюны, на которой расположены памятники. Около шурфа 2013 г. были найдены 2 небольших отщепа (чешуйки). Опираясь на найденные предметы и архивные материалы, памятник предварительно также может быть отнесен к периоду неолита.

Для обоих памятников были сделаны топографические планы с использованием GNSS-рovera.

Перспективность дальнейшего изучения памятников вызывает вопросы, так как их территория в значительной степени разрушена остатками костровищ и современных ям. В летнее время площадки памятников непрерывно используются как места отдыха жителями Красновишерска, Соликамска, Березников и т.д. Наиболее интересная часть поселения Нюхти I уже была изучена, а шурфы и зачистки на поселении Нюхти II не выявили артефактов на расстоянии от шурфа 2013 г. (это в том числе касается береговой линии). По всей видимости, в данном случае уместно говорить не о поселении, а о кратковременной стоянке, связанной с поселением Нюхти I.

Библиографический список

1. Лаврова Н.В., Галинова О.В., Богомаз М.В. К вопросу об образовании озера Нюхти в северной части Соликамской депрессии // Геология и полезные ископаемые Западного Урала. – 2021. – С. 80–82.
2. Лепихин А.П., Мирошниченко С.А., Богомолов А.В. Особенности влияния объектов нефтедобычи на экологическое состояние озера Нюхти // Водное хозяйство России. – 2009. – № 5. – С. 76–98.
3. Лычагина Е.Л. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. – Пермь : ПГГПУ, 2020.

4. *Лычагина Е.Л.* Неолит Среднего Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья. – Пермь : ПГГПУ, 2022. – С. 51–74.
5. *Лычагина Е.Л.* Ранний неолит Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 50–57.
6. *Мельничук А.Ф.* Отчет об археологических полевых работах на территории Красновишерского района Пермского края в 2013 г. // Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 450.
7. *Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В., Карманов В.Н.* Неолит бассейна р. Вишеры Пермского края // XXI Уральское археологическое совещание : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. А.А. Выборнов. – Самара : Изд-во СГСПУ : Порт-Принт, 2018. – С. 49–51.
8. *Неолит Северного Прикамья. Итоги изучения / В.П. Денисов, А.Ф. Мельничук, М.С. Бурмасов, Э.В. Чурилов // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2013. – С. 66–71.*
9. *Оценка морфометрических параметров озер болотных котловин севера пермского Прикамья / П.Ю. Санников, С.В. Копытов, Е.А. Игошева и др. // Географический вестник = Geographical bulletin. – 2024. – № 2 (69). – С. 109–123. – DOI: 10.17072/2079-7877-2024-2-109-123.*

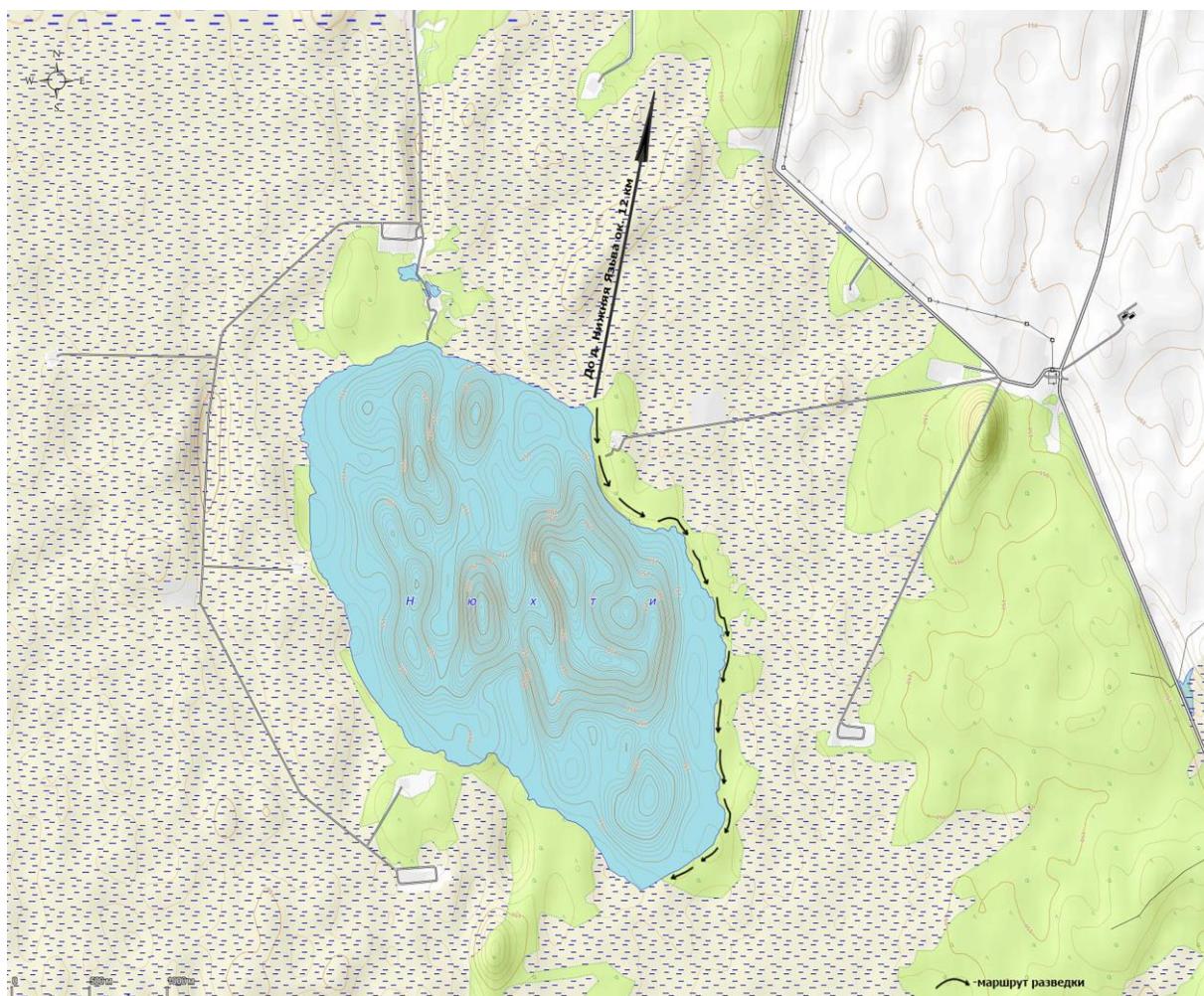

Рис. 1. Маршрут разведки

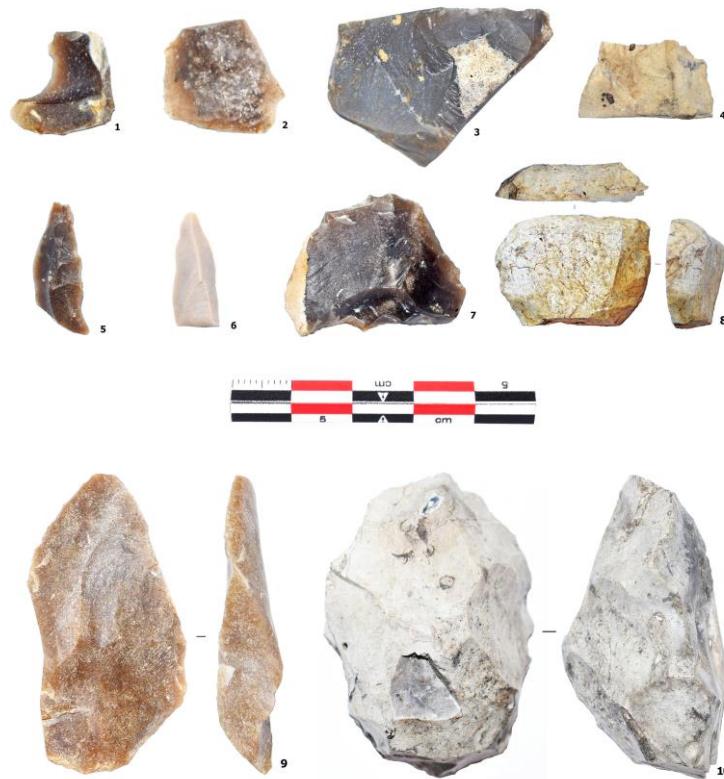

Рис. 2. Поселение Нюхти I. Каменный инвентарь: 1–2, 7 – отщепы; 3 – пренуклеус; 4–6 – пластины; 8 – скребок; 9 – нож; 10 – заготовка орудия

Рис. 3. Поселение Нюхти I. Керамика

УДК 902.21

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-26-11-15

Д.А. Демаков¹, И.Д. Павлюткин², В.С. Мальцев³
ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ ПО ЛЕВОМУ БЕРЕГУ
РЕКИ ВЕСЛЯНЫ В ГАЙНСКОМ МУНИЦИПАЛЬНОМ ОКРУГЕ
ПЕРМСКОГО КРАЯ*

^{1, 2, 3}Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
 Российская Федерация

Аннотация. Представлены первые результаты археологической разведки, проведенной отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции по левому берегу р. Весляны от устья р. Дозовки до пос. Оныл в Гайнском муниципальном округе Пермского края.

В результате археологических полевых работ сделаны зачистки и проведена шурфовка надпойменных террас р. Весляны и дюн в ее пойме. Дополнительно изучены берега р. Дозовки. Новых археологических памятников не обнаружено. Выявлено сильное антропогенное воздействие на территорию разведки, проведены анализ и выявление причин его происхождения.

Вероятно, высокая антропогенная нагрузка на эту территорию связана с хозяйственной деятельностью на протяжении XX в. (поселки ссыльнопоселенцев, лесосплав, проект строительства Верхнекамской ГЭС).

Ключевые слова: археологическая разведка, р. Весляна, шурф, зачистка, антропогенное воздействие

D.A. Demakov¹, I.D. Pavlyutkin², V.S. Maltsev³
THE RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL SURVEY ON THE LEFT BANK
OF THE VESLYANY RIVER IN THE GAYNSKY MUNICIPAL DISTRICT
OF PERM KRAI

^{1, 2, 3}Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Abstract. The first results of the archaeological survey conducted by the Kama archaeological and ethnographic expedition teams along the left bank of the Veslyany River from the mouth of the river are presented. Check-ups to the village It was located in the Gaynsky municipal district of the Perm Region.

As a result of archaeological fieldwork, the upper floodplain terraces of the Veslany River and the dunes in its floodplain were cleaned and sintered. Additionally, the banks of the Dozovka River have been studied. No new archaeological sites have been discovered. A strong anthropogenic impact on the exploration area was revealed, the analysis and identification of the causes of its origin were carried out.

Probably, the high anthropogenic load on this territory is associated with economic activity during the 20th century (settlements of exiled settlers, forest rafting, the Verkhnekamsk hydroelectric power plant construction project).

Keywords: archaeological exploration, Veslana river, pit, cleaning, anthropogenic impact

© Демаков Д.А., Павлюткин И.Д., Мальцев В.С., 2025

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-68-10023,
<https://rscf.ru/project/23-68-10023/>

В сентябре 2024 г. отрядом КАЭЭ ПГГПУ под руководством Дениса Александровича Демакова проведена археологическая разведка по левому берегу р. Весляны.

Река Весляна – левый приток р. Камы, является притоком первого порядка. Начало река берет в болотистой местности около юго-восточной границы Усть-Куломского района Республики Коми, где протекает первые свои 7 км, а остальные 259 км – по северо-западной и центральной части Гайнского района Пермского края. Впадает в р. Каму около с. Усть-Весляна. Руслу реки весьма извилистое, особенно в верхнем течении. Уровень воды подвержен значительным колебаниям.

Археологическая разведка проводилась с целью поиска памятников каменного и бронзового веков и проверки положений диссертационного исследования, которые гласили, что для данных памятников характерно расположение на берегах рек (Камы и притоков первого-второго порядков), в светлохвойных и смешанных лесах, в подзолистых почвах. Они занимают площадки террас высотой от 3 до 8 м, находятся от современного водотока на расстоянии до 300 м и от бровки террасы меньше чем на 25 м [Демаков, 2023].

Район разведки по всем признакам соответствовал заявленным требованиям. Весляна является в границах Пермского края единственным притоком первого порядка, в нижнем течении которого на данный момент не известно археологических памятников.

Разведка проходила по следующему маршруту – от устья р. Дозовка до п. Оныл (протяженность 8 км) (рис. 1). В ходе подготовки к разведке при работе с картами и спутниковыми снимками на маршруте были выделены наиболее перспективные места для поиска памятников – выделяющиеся в рельефе террасы и дюны, поросшие хвойным лесом, располагающиеся как непосредственно на берегу реки, так и в отдалении от нее и которые пересекали дороги, благоприятствующие сбору подъемного материала.

Однако реальность внесла свои корректиры в разведку. Весь маршрут был пройден в пешем порядке. В ходе первоначального прохождения маршрута на местности было зафиксировано, что данная территория подверглась активному антропогенному воздействию. По всей территории маршрута проходит насыпная дорога, поднятая над местностью на 2–3 метра. Грунт для создания насыпи брался непосредственно на местности, в результате чего часть перспективных для обнаружения археологических памятников участков была разрушена. Сбор подъемного материала на такой дороге являлся бесперспективным.

Территории, выходящие непосредственно на берег Весляны, также подверглись антропогенным изменениям. Здесь проведены берегоукрепительные работы, встречаются остатки разрушенных каменных зданий и деревянных построек.

На сохранившихся участках нами были проведены земляные работы – шурфовка и зачистка обнажений, которые, к сожалению, не дали никаких материалов.

В связи с тем, что первоначальный маршрут был пройден намного быстрее, чем планировалось, нами было принято решение удалиться от берега Весляны и изучить берега р. Дозовки на протяжении 4 км от ее устья. В ходе пешего изучения данной территории были осмотрены грунтовые дороги, пересекающие ее, а также проведены земляные работы (1 шурф и 3 зачистки). Обнаружить новые археологические памятники также не удалось.

По итогам разведки было принято решения выяснить причины столь высокой антропогенной нагрузки на данную территорию.

Первым предположением о причинах такого рода ландшафтных изменений стало строительство Камской и Верхнекамской ГЭС.

Камская ГЭС была не только одной из крупнейших строек СССР, но и одной из самых проблемных. В истории ее строительства выделяют два больших периода:

- 1) с 1932 г. до консервации стройки в 1937 г.;
- 2) с момента возобновления работ в 1944 г. до запуска гидроагрегатов в середине 1950-х гг.

Однако малоизвестно, что после заморозки стройки в 1937 г. из-за наличия сложного геологического строения в основании будущей гидроэлектростанции более перспективным было признано сооружение Соликамской (Верхнекамской) ГЭС в районе поселка Тюлькино.

По проектному заданию 1940 г. электростанция должна была быть оборудована 6 турбинами, которые обеспечивали бы мощность 540 МВт [Глушков, 2023].

Для реализации проекта планировалась переброска стока северных рек Печоры и Вычегды (объемом около 4 и 3 км³ соответственно) в русло реки Камы и создание общего водохозяйственного комплекса. Но и этот проект не был реализован, помешала Великая Отечественная война.

К идее строительства Верхнекамской ГЭС вернулись в 50-х гг. XX в., уже после ввода в эксплуатацию гидроэлектростанции близ г. Перми. Рассматривалось два перспективных варианта размещения плотины ГЭС: выше и ниже устья р. Весляны.

Из Протокола совещания по вопросу организации движения и путевым работам на В. Каме в связи с постройкой Верхне-Камского гидроузла в районе р. Весляны [ГАПК. Ф. р-196. Оп. 2. Д. 78] становится ясно, что по расчетам специалистов отдела «Большая Волга» гидроэнергопроекта оптимальные расчетные показатели станции должны быть следующими: НПГ (нормальный подпорный горизонт – стандартный уровень воды в водохранилище) 142 см (современный показатель – 137 см), это бы обеспечило судоходную глубину до 0,9 м при оптимальном соотношении экономических затрат и получаемой энергии.

Однако на совещании подобный проект был отвергнут ввиду недостаточной пропускной способности гидроузла для сплавляемого леса. Рекомендовано рассмотреть проект, предусматривающий НПГ 148 см, гарантирующий судоходную глубину до 1,12 м.

Примерная область затопления при НПГ 142 см отображена в приложениях (рис. 2).

В 1964 г. разрабатывается новое проектное задание, по которому должно быть создано водное соединение общей площадью 1 547,9 тыс. га из трех непосредственно связанных друг с другом водохранилищ: Усть-Войского на р. Печоре, Усть-Куломского на р. Вычегде, Верхне-Камского на р. Каме. Но документов по подготовке и реализации этого проекта в указанном районе найти не получилось.

Второй зацепкой к объяснению крупного антропогенного воздействия стало обнаружение нами мемориала политическим заключенным, работавшим на этой территории. В районе р. Дозовки было три поселения для спецпереселенцев, трудпоселенцев и иного спецконтингента.

К Усть-Черновскому сельсовету относился поселок Верх-Дозовка, спецпоселок из типовых домов в три улицы с мельницей. Было построено здание спецкомендатуры. Находились здесь раскулаченные, затем крымские татары. Остатки строений сохранились по настоящее время.

В 18–20 км выше по течению реки Дозовки располагались еще два поселения, относящиеся к Серебрянскому сельсовету:

1) Дозовка, спецпоселок заложен в 1929 г. в устье ручья Ыжит-Шор при впадении в реку Дозовка. На 15.01.1932 г. – 284 хозяйства переселенцев;

2) Лежнёвка, спецпоселок ниже с. п. Дозовка по течению речки. Существовал в 1920–1930 гг. [Кривошёков, Гудовщиков, 2006, с. 8–9].

На карте, приложенной к протоколу совещания по вопросу организации движения на В. Каме, на месте этого поселка отмечена тракторная база, остатки которой, вероятно, и были нами обнаружены (рис. 2).

Никаких конкретных документов по берегоукрепительным работам нами найдено не было, но видится разумным полагать, что причины столь высокой антропогенной нагрузки на данную территорию лежат в освоении этой территории в 30–40-х гг. XX в., лесосплавной деятельности и проектных работах по строительству Верхнекамской ГЭС.

Однако мы не оставляем надежды найти здесь новые археологические памятники. На 2025 г. нами запланирован еще один разведочный маршрут на данной территории, который будет проходить от п. Оныл до п. Сосновая.

Библиографический список

1. Глушков А.В. Строительство Камской гидроэлектростанции в 1930-е гг.: факторы неуспеха // Люди и стройки: социокультурный портрет эпохи первых пятилеток : сб. науч. ст. по материалам VII Всерос. науч.-практ. конф. (Пермь – Красновишерск, 29–30 окт. 2022 г.). – Пермь : ПГГПУ, 2023. – С. 320–330.
2. Демаков Д.А. Среда обитания и селитебные предпочтения населения Верхнего и Среднего Прикамья (мезолит-бронзовый век) : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.3. – Барнаул, 2023. – 399 с.
3. Кривошёков А.М., Гудовщиков Г.Л. Места расселения и трудоиспользования спецконтингента на территории Коми-Пермяцкого округа 1929–1954 гг. (карта-схема и описание). – Кудымкар : Мемориал, 2006. – 71 с.
4. ГАПК. Ф. р-196. Оп. 2. Д. 78.

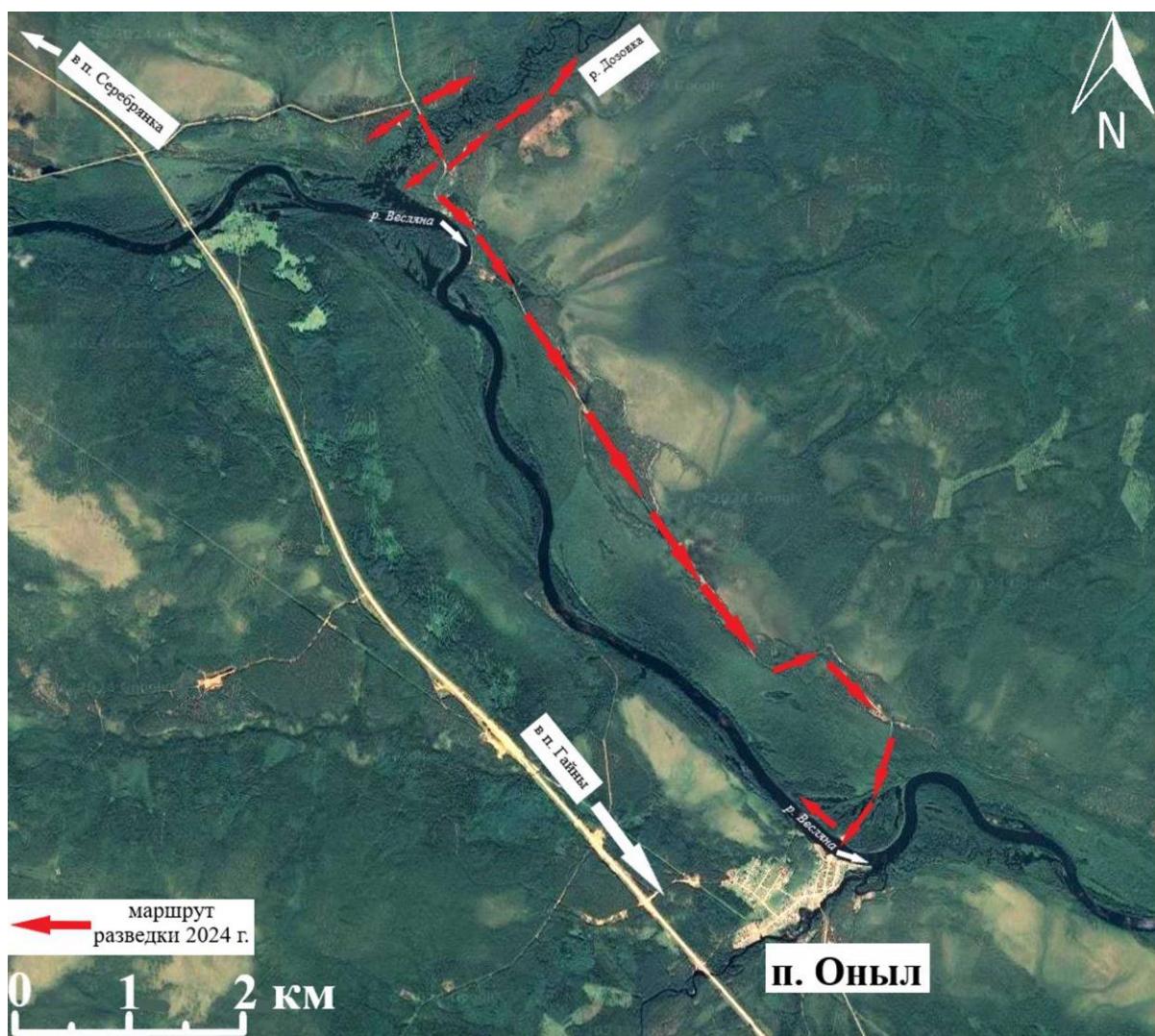

Рис. 1. Маршрут археологической разведки

Рис. 2. Примерная область затопления близ устья
р. Довжовки при НПГ 142 см

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-26-16-22

А.Ю. Смертина^{1,3}, А.Р. Смертин^{2,3}**РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ НА ГРУППЕ ПОСЕЛЕНИЙ
КАМЕННОГО ВЕКА «ПРОТОКА I–III» НА СРЕДНЕЙ КАМЕ**¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
Российская Федерация²Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, Российская Федерация³Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Российская Федерация

Аннотация. Представлены результаты рекогносцировочных работ на группе поселений Протока I–III, расположенных на правом берегу р. Камы на юго-западной окраине г. Перми. Основной задачей работ выступала фиксация жилищных впадин и проверка наличия культурного слоя рядом с ними. Всего было выявлено четыре жилищных впадины, произведено три зачистки обнажения, вскрыто два шурфа (общей площадью 2 м²). Полученные в шурфах керамические и кремневые артефакты позволяют подтвердить подлинность впадин и отнести поселения к гаринской энеолитической культуре. Причем поселения Протока I–II имели долговременный характер (наличие жилищ), в то время как поселение Протока III являлось сезонной стоянкой. Памятники перспективны для полноценных раскопок в будущем.

Ключевые слова: археологическая разведка, поселение, шурф, каменный век, энеолит, Пермское Предуралье, река Кама

А.Ю. Smertina^{1,3}, А.Р. Smertin^{2,3}**THE RESULTS OF RECONNAISSANCE WORK ON THE GROUP
OF THE SETTLEMENTS OF THE STONE AGE «PROTOKA I–III»
ON THE MIDDLE KAMA RIVER**¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation²Institute of Humanitarian Studies Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm,
Russian Federation³Perm State University, Perm, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the results of reconnaissance work on a group of settlements Protoka I–III. The sites were located on the right side of the Kama River on the southwestern outskirts of Perm. The main task of the work was to fix housing hollows and check the presence of a cultural layer. In total, four housing hollows were identified, three outcroppings were carried out, and two pits (with a total area of 2 m²) were opened. The ceramic and flint artifacts obtained in the pits make it possible to confirm the authenticity of the hollows and attribute the settlements to the Garinskaya Chalcolithic culture. Moreover, the settlements of Protoka I–II had a long-term character (the presence of hollows), while the settlement of Protoka III was a seasonal parking lot. The sites are promising for full-fledged excavations in the future.

Keywords: archaeological reconnaissance, settlement, pit, Stone Age, Eneolithic, Perm Pre-Urals, Kama River

Введение

В августе 2024 г. отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции была проведена археологическая разведка на территории объектов культурного наследия «Протока I, поселение», «Протока II, поселение», «Протока III, поселение». Памятники располагаются в 2,6–3,7–4,8 км к юго-западу от микрорайона Крымский Кировского района г. Перми (рис. 1).

Данная местность представлена всхолмленным равнинным рельефом в долине среднего течения р. Камы. Поверхность покрыта лесом, который входит в подзону южной тайги.

Ранее исследователями хронологическая принадлежность памятников у р. Протока определялась финалом каменного века (неолит-энеолит). Необходимость разведочных работ на памятниках со слоями посленеолитического времени связана с новым импульсом их исследования в первой четверти XXI в. как в плане раскопок новых памятников, так и в вопросах накопления базы абсолютных датировок [Лычагина, Выборнов, Кулькова, 2023, с. 6]. Поэтому в русле данного направления необходимо проведение разведок как основной части подготовки к полноценным раскопкам малоизученных памятников в будущем.

Для науки памятники были открыты сотрудником КАЭ ПГУ В.П. Мокрушиным в 1987 г. Исследователь установил границы, произвел зачистки обнажений, определил слой, снял планы и провел фотофиксацию.

Исследователем зафиксирована типичная для всех трех памятников стратиграфическая ситуация: 1 – почвенно-дерновый слой – 3–5 см; 2 – темно-коричневый песок с фрагментами лепной посуды и кремневыми отщепами, мощностью до 40–50 см; 3 – материк – желтый мелкозернистый песок [Мокрушин, 1987].

На памятниках найдены части керамических сосудов с гребенчатым орнаментом поздней левшинской стадии камского неолита и обломки пористой посуды энеолитической гаринской культуры. Единично были встречены фрагменты зауральской керамики с примесью талька аятской культуры. Вместе с этим обнаружены отщепы, ножевидные пластины, скребки и наконечники стрел с двусторонней обработкой [Мокрушин, 1987].

Отдельно обследование поселения Протока I было произведено в 1988 г. в ходе археологической разведки И.Ю. Серебровой. В ходе работ было выявлено до 20 жилищных застадин и обнаружен крупный тонкий отщеп из черного кремня [Сереброва, 1988]. В 1990 г. памятник был обследован Н.Е. Соколовой и П.А. Корчагиным. Были найдены отщеп и фрагмент пористой керамики.

Позднее все три поселения осматривались в рамках инвентаризации памятников археологии Пермской области В.П. Мокрушиным в 2001 г. (уточнен план и определена площадь памятников). Исследователь зафиксировал только две жилищных впадины. В 2011 и 2016 гг. памятники обследовались М.Л. Перескоковым в рамках мониторингов объектов археологического наследия Пермского края. Были зафиксированы грабительские вкопы, разрушающие культурный слой. На памятнике уточнена топографическая ситуация и произведена фотофиксация [Перескоков, 2016].

В настоящее время поселения подвергаются антропогенному воздействию. По продольной оси площадки памятников пересекает экотропа. Склон и терраса используются мотоциклистами в развлекательных целях. Также зафиксировано несколько туристических ям.

Результаты исследований

Исходной точкой маршрута археологической разведки была юго-западная окраина микрорайона Крым Кировского района г. Перми. Отряд двигался против течения р. Камы вдоль берега до окрестностей озера Большое Ласьвинское. Осмотр других мест в границах маршрута археологической разведки не дал положительных результатов.

Протока I, поселение

Поселение располагается на правом берегу р. Камы, в 70 м к востоку от устья р. Протоки (правого притока р. Камы), на первой надпойменной террасе, возвышающейся на 8–10 м над низкой поймой. Площадь памятника – до 5,48 га.

Памятник ограничен крутыми склонами в пойму с западной, южной и северной сторон, имеет небольшое повышение от западной границы к восточной (переход надпойменной террасы в коренной берег). Вся восточная половина поселения занята постройками заброшенного ДОЛ «Спутник».

Протока I, поселение относится к каменному веку и датируется V–III тыс. до н. э.

В ходе текущей разведки была зафиксирована только одна жилищная впадина. Рядом с ней на мотоциклетной дороге был найден подъемный материал – чешуйка из кремня. К западу от впадины было решено предпринять зачистку обнажений и шурfovку.

Всего на площадке памятника было заложено две зачистки обнажений, шириной 1 и 0,6 м, один шурф 1×1 м (1 м^2).

В результате разбитого к западу от впадины шурфа удалось зафиксировать стратиграфию (рис. 3): сразу под тонким дерново-почвенным слоем следовала серо-коричневая насыщенная супесь (культурный слой) мощностью 0,27–0,65 м, археологический материк представлен желтым увлажненным песком. Большинство находок сделаны в серо-коричневой насыщенной супеси (культурный слой). На прорисовке приложен план горизонта 5 (-0,55 м), так как именно до этого уровня встречались находки (рис. 3). При разборе шурфа был обнаружен керамический материал (21 экз.), сколы (2 экз.), отщеп (1 экз.), чешуйки (6 экз.), заготовка орудия (1 экз.).

Культурный слой имеет большую мощность именно по направлению к предполагаемой жилищной впадине. Большая мощность культурных напластований и наличие выразительных артефактов могут свидетельствовать о том, что это подлинная жилищная впадина.

Произведенные зачистки обнажений на склоне террасы в пойму показали схожую стратиграфическую ситуацию. В одной из зачисток было зафиксировано скопление переотложенного слоя над культурными напластованиями, образовавшимися, по-видимому, при строительстве лагеря.

Практически все артефакты, найденные на памятнике, были обнаружены в шурфе. Среди них керамика и каменный инвентарь. Основным сырьем для каменных изделий выступает кремень (90 %). Одно изделие было выполнено из кварцитопесчанника (10 %).

Основная масса находок является отходами производства – первичный отщеп – 1 экз.; сколы – 2 экз.; чешуйки – 6 экз. Первичный отщеп (25×18 мм) целый и имеет галечниковую корку. К сколам отнесены два предмета (24×15 мм и 24×7 мм). На памятнике была обнаружена заготовка орудия, выполненная из плитчатого кремня, с обеих сторон фиксируются корка, следы бифасиальной обработки (рис. 2: 6). Подобная каменная индустрия характерна для памятников гаринской энеолитической культуры Прикамья (Чашкинское озеро II, стоянка, Бор I, поселение) [Лычагина, 2022б, с. 75–96].

Керамический материал представлен мелкими фрагментами глиняной посуды (21 экз.). Цвет коричневый, песочный. В формовочной массе (по излому) фиксируется примесь в виде выщелоченной органики, из-за чего керамика является пористой. В отличие от керамического материала с других памятников гаринской культуры Прикамья, данные фрагменты являются несколько более плотными, что позволяет предположительно относить их к раннему периоду гаринской культуры. Внутренняя часть керамики имеет следы заглаживания. Толщина стенок 3–6 мм. На данных фрагментах фиксируется орнамент в виде горизонтальных рядов диагонально поставленных отпечатков гребенчатого штампа и насечек (рис. 2: 1–5). Таким образом, керамический материал также принадлежит к энеолитическому периоду (подобные по составу и структуре фрагменты керамики зафиксированы на памятниках Чашкинское озеро II, стоянка, Бор I, поселение) [Лычагина, 2022; Бадер, 1961].

Исходя из представленной материальной культуры, мы можем сделать вывод, что поселение (и жилище, рядом с которым был выполнен шурф) относится к гаринской энеолитической культуре и предварительно датируется IV–III тыс. до н. э.

Далее отряд продвигался на соседнее поселение, которое отделено понижением террасы и безымянным ручьем.

Протока II, поселение

Поселение располагается на правом берегу р. Камы, в 28 м к востоку от русла р. Протоки (правого притока р. Камы), на первой надпойменной террасе, возвышающейся на 8–10 м над низкой поймой. Площадь памятника – до 23,13 га.

Памятник ограничен крутыми склонами в пойму с западной, южной и северной сторон, имеет небольшое повышение от западной границы к восточной (переход надпойменной террасы в коренной берег).

Согласно определению предшествующих исследователей, памятник относится к каменному и бронзовому веку и датируется IV–II тыс. до н. э.

В ходе текущей разведки были зафиксированы три однообразные жилищные впадины овальной формы. Поблизости со второй впадиной, на экстропе был найден подъемный материал – кремневая чешуйка. Здесь же, к востоку от впадины, было решено разбить шурф.

В шурфе удалось зафиксировать стратиграфию: сразу под дерново-почвенным слоем следовала серо-коричневая насыщенная супесь (культурный слой) мощностью 0,33–0,39 м, археологический материк представлен желтым увлажненным песком. Большинство находок сделаны в серо-коричневой насыщенной супеси (культурный слой). При разборе шурфа был обнаружен керамический материал (6 экз.), отщеп (1 экз.), чешуйка (1 экз.), заготовка орудия (1 экз.).

Культурный слой имеет большую мощность именно по направлению к предполагаемой жилищной впадине. Однако следует отметить меньшую мощность культурного слоя и меньшую концентрацию находок в шурфе, по сравнению с поселением Протока I. Тем не менее наличие культурных напластований и артефактов может говорить о том, что это также подлинная жилищная впадина.

Большинство артефактов с памятника происходят из шурфа. Среди них керамика и каменный инвентарь.

Сырьем для каменных изделий выступают кремень и сургучная галька.

Основная масса находок является отходами производства – первичный отщеп – 1 экз.; чешуйка – 1 экз. Отщеп (23 × 19 мм) является целым. На предмете фиксируется воздействие огня. Была обнаружена заготовка орудия (рис. 2: 7), выполненная из сургучной гальки. Заготовка (24 × 23 мм) была изготовлена на отщепе. Предмет подвергся тепловой обработке.

Подобная каменная индустрия характерна для памятников гаринской энеолитической культуры Прикамья (Чашкинское озеро II, стоянка, Бор I, поселение) [Лычагина, 2022; Бадер, 1961].

Кроме того, на памятнике были обнаружены мелкие фрагменты глиняной посуды (6 экз.). Цвет коричневый, песочный. В формовочной массе (по излому) фиксируется примесь в виде выщелоченной органики, из-за чего керамика является пористой. Толщина стенок 3–7 мм. На данных фрагментах не фиксируется орнамент. Керамический материал также принадлежит к энеолитическому периоду и аналогичен комплексу поселения Протока I.

Исходя из представленной материальной культуры, мы можем сделать вывод, что поселение (и жилище, рядом с которым был выполнен шурф) относится к гаринской энеолитической культуре (IV – пер. пол. II тыс. до н. э.).

После окончания работ на поселении Протока II отряд переместился к югу-юго-востоку по направлению к последнему известному памятнику в маршруте разведки.

Протока III, поселение

Поселение располагается на правом берегу р. Камы, в 60 м к востоку от озера Большое Ласьвинское на первой надпойменной террасе, возвышающейся на 8–10 м над низкой поймой. Площадь памятника – до 23,97 га.

Памятник ограничен плавными склонами в пойму со всех сторон.

Согласно определению предшествующих исследователей, памятник датируется IV–II тыс. до н. э.

В центральной части памятника зафиксирован большой карстовый провал, который ранее не фиксировался исследователями.

Ранее и в ходе текущей разведки на памятнике не было зафиксировано жилищных впадин. Ввиду этого было решено произвести зачистку обнажения на окраине карстовой воронки с целью уточнения наличия культурного слоя и стратиграфии памятника.

Всего на площадке памятника была заложена одна зачистка обнажения шириной 1 м. В ней зафиксирована аналогичная первым двум поселениям последовательность слоев: под дерново-почвенным слоем следовала серо-коричневая насыщенная супесь (культурный слой) мощностью 0,08–0,37 м, археологический материк представлен желтым песком.

В культурном слое был обнаружен ребристый скол размером 33 × 5 см из серого кремня с галечниковой коркой. Подобная каменная индустрия характерна для памятников неолита-энеолита Прикамья [Лычагина, 2022а; Лычагина, 2022б].

Отсутствие на памятнике жилищных впадин может предварительно говорить о его сезонном использовании (недолговременная стоянка).

Заключение

В ходе полевых разведочных исследований было обследовано 3 известных объекта археологического наследия – группа поселений у р. Протока (правого притока р. Камы), с каждого из которых был получен археологический материал.

Шурфы на поселениях Протока I–II позволили подтвердить наличие культурного слоя вблизи выявленных впадин, которые имеют древнее происхождение и жилищный характер. На территории поселения Протока III не было найдено жилищных впадин. Вероятно, первые два памятника имели долговременный характер, третий памятник являлся сезонной стоянкой. Данные гипотезы нуждаются в проверке путем полноценных раскопок как общей поверхности памятников, так и жилищных впадин.

Произведенные работы в целом подтверждают датировки предыдущих исследователей. Большая часть артефактов относится к энеолитическому времени – гаринской культуре Прикамья, предварительно к ее ранней малоизученной стадии.

Коллекция была передана на временное хранение в Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ [Смертина, 2025].

Библиографический список

1. Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. – 1961. – № 99.
2. Лычагина Е.Л. Отчет о раскопках стоянки Чашкинское Озеро II в муниципальном образовании г. Березники Пермского края в 2021 году по открытому листу 0465-2021 // Архив МАЭ ПГГПУ. – Пермь, 2022.
3. Лычагина Е.Л. Неолит Среднего Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья : учеб. пособие / под ред. Н.Б. Крыласовой. – 2-е изд., испр. и доп. – Пермь : ПГГПУ, 2022а. – С. 51–74.
4. Лычагина Е.Л. Энеолит Среднего Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья : учеб. пособие / под ред. Н.Б. Крыласовой. – 2-е изд., испр. и доп. – Пермь : ПГГПУ, 2022б. – С. 75–96.
5. Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Новые данные о хронологии энеолитических памятников Камы и Камско-Вятского междуречья // Вестник Пермского университета. История. – 2023. – № 1 (60). – С. 5–18.
6. Мокрушин В.П. Отчет о полевых исследованиях в Пермской области в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1.
7. Перескоков М.Л. Отчет по 3 этапу государственного контракта № 44 от 06.05.2016 по подготовке материалов для мониторинга объектов археологического наследия Пермского края. – Пермь, 2016. – 184 с.
8. Протока I, поселение // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. VII. Д. 26.
9. Протока II, поселение // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. VII. Д. 27.
10. Протока III, поселение // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. VII. Д. 28.

11. Сереброва И.Ю. Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Краснокамска. – Пермь, 1988 // Архив ИА РАН. Р-1.

12. Смертина А.Ю. Отчет об археологической разведке на территории объектов культурного наследия федерального значения «Протока I, поселение», «Протока II, поселение», «Протока III, поселение», а также по правому берегу р. Кама в районе оз. Малое Ласьвинское на западной окраине Кировского района г. Перми Пермского края в 2024 г. // Архив МАЭ ПГГПУ. – Пермь, 2025.

Рис. 1. Карта расположения группы поселений Протока I–III на п. б. р. Камы и ЮЗ окраине г. Перми

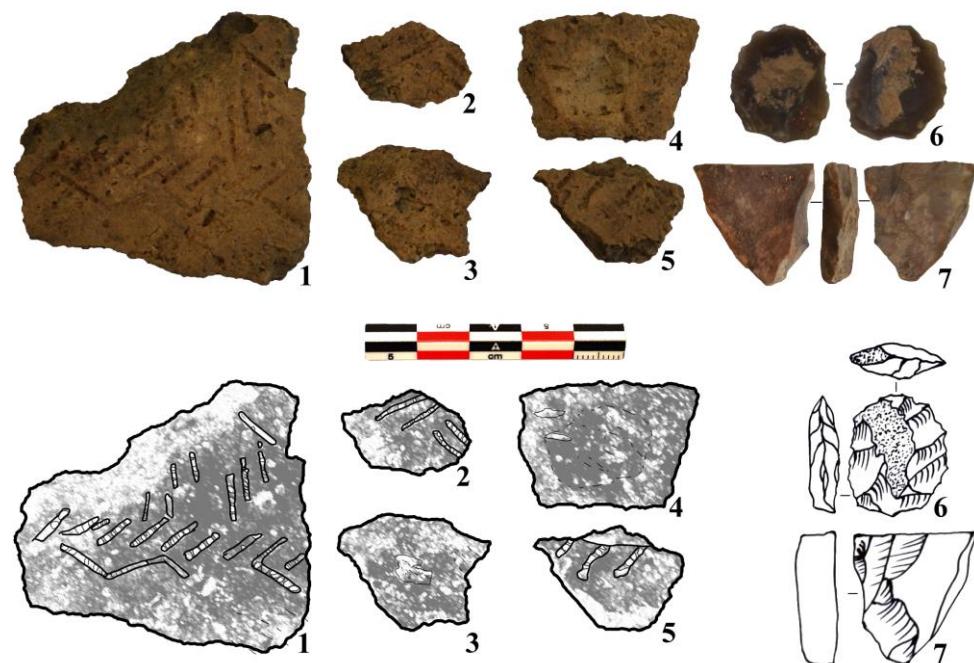

Рис. 2. Находки каменного века: 1–5 – керамика; 6–7 – кремневая заготовка орудия; 1–6 – Протока I, поселение; 7 – Протока II, поселение

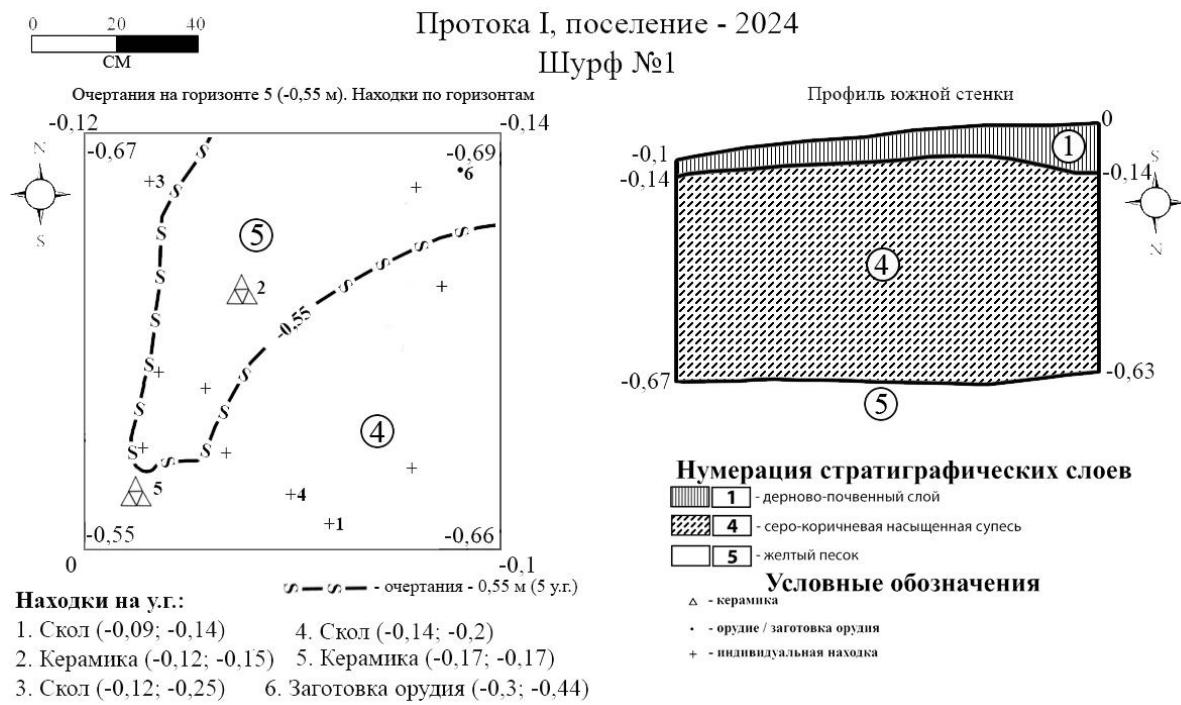

Рис. 3. Протока I, поселение, шурф 1. Планиграфия и стратиграфия

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-26-23-29

Л.В. Половников**РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В БАССЕЙНЕ
р. ЛОЛОГ В ПРЕДЕЛАХ КОЧЕВСКОГО И КОСИНСКОГО
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОКРУГОВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ В 2020 ГОДУ**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь,
Российская Федерация

Аннотация. Дается информация о полевых результатах, полученных в ходе археологической разведки в 2020 г. в Кочевском и Косинском муниципальных округах. Были проанализированы архивные материалы, с их помощью получилось разыскать археологические памятники, определить границы, сделать актуальные топографические планы. На городище Пармайлово I был заложен шурф, находки из которого были отнесены к родановской археологической культуре.

Ключевые слова: памятник, разведка, селище, городище, могильник

L.V. Polovnikov**THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION IN
THE LOLOG RIVER BASIN IN THE KOCHEVSKY AND KOSINSKY
MUNICIPAL DISTRICTS OF THE PERM TERRITORY IN 2020**

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

Abstract. Perm national research polytechnic university, Perm, Russia **Abstract.** The article provides information on the field results obtained during the archaeological survey conducted in 2020 in the Kochevsky and Kosinsky municipal districts. Archival materials were analyzed, which helped to locate archaeological sites, determine their boundaries, and create up-to-date topographic plans. A test pit was excavated at the hillfort of Parmaylovo I, and the findings from this excavation were attributed to the Rodanov archaeological culture.

Keywords: archaeological site, exploration, settlement, settlement, burial ground

В 2020 г. отрядом КАЭЭ была проведена археологическая разведка в бассейне р. Лолог в пределах Кочевского и Косинского муниципальных округов Пермского края. Протяженность маршрута составила 14 км. В ходе проведенных работ было обследовано 9 археологических памятников

Митино II, селище

Находится в 1,1 км к югу от д. Пармайлово, на правом берегу безымянного ручья (левого притока р. Кычдез). Площадь памятника 29 010 м² [Половников, 2022].

Селище выявлено Н.В. Соболевой в 1982 г. На пахоте собраны фрагменты раннесредневековой керамики, по ней селище датировано V–VI вв. [Соболева, 1982]. В 2014 г. памятник осмотрен С.И. Абдуловой. Было заложено три шурфа. Культурный слой не обнаружен [Абдулова, 2014, с. 38–39].

Состояние памятника на момент осмотра в 2020 г.

Распашка не ведется, площадка застает смешанным лесом. Используется для выпаса скота и как покос у местных жителей. Подъемного материала не обнаружено.

Пармайлово I, городище

Памятник расположен в 1,2 км к северу от д. Пармайлово в урочище «Карайн». Площадь памятника 280 м² [Половников, 2022].

Городище известно с XIX в. И.Я. Кривошёков упоминает, что близ д. Пармайловой в урочище «Карайн» есть чудской могильник, где им в 1886 г. наблюдались могильные холмики [Кривошёков, 1914, с. 88]. Сотрудник Кудымкарского музея И.И. Крохалев в 1938 г. сообщил М.В. Талицкому, что могильник является городищем [Талицкая, 1952, с. 175].

В 1956 г. городище осмотрела экспедиция под руководством В.Ф. Генинга. Кроме названия «Карайн» у местного населения городище фигурирует под названиями «Пасский лог» и «Чучкой лог» [Генинг, 1957]. В рамках мониторинга объектов археологического наследия (далее – ОКН) городище обследовано С.И. Абдуловой в 2014 г. Ранее на городище отмечалось наличие двух валов. Однако в ходе обследования 2014 г. был зафиксирован лишь один вал, высота его около 1 м [Абдулова, 2014, с. 43–44]. Городище датировано IV–VI вв. [Еговкина, Стоянов, 1956, с. 5–6]. Однако в «Материалах к археологической карте» указана другая датировка: X–XIII вв. [Памятники …, 1996, с. 269].

Состояние памятника на момент осмотра в 2020 г.

Памятник не подвергается антропогенному воздействию, зарастает смешанным лесом, в том числе и вал. Второй (внешний) вал, вероятно, был распахан в ходе осуществления сельскохозяйственных работ.

Ранее исследователи не смогли определить археологическую культуру, к которой относится памятник и точную датировку, нами было решено заложить разведочный шурф площадью 16 м² для уточнения культурной принадлежности и определения перспективности его дальнейшего исследования.

В ходе раскопок был обнаружен культурный слой мощностью до 0,33 м. Найдено 18 железных предметов.

Материальная культура

1. Наконечники стрел и их фрагменты (рис. 1: 1–4), все относятся к одношипным чешковым. Сечение пера – плоское, черешка – прямоугольное. У одного сечение пера – ромбовидное, черешка – прямоугольное. Такие наконечники обнаружены при раскопках городищ: Рачево, Кудымкарское, Роданово, Анюшкар, Запоселье, Рожественское, Вакинское селище. Наконечники относятся к типу 28 по А.Ф. Медведеву. Исследователь датирует их XI–XIII вв. [Медведев, 1966, с. 62, табл. 30А/25, 18/8]. Наконечники насаживались на древки стрел и служили для ловли рыбы [Медведев, 1966, с. 56, 62] во время нереста или когда она плавала поверху [Хозяйство …, 2017, с. 41].

2. Зубила (рис. 1: 5–6).

3. Заклепка (рис. 1: 7).

4. Фрагменты гвоздей (рис. 1: 8–9).

5. Фрагменты ножей (рис. 1: 10–11).

6. Язычок пряжки (рис. 1: 13).

7. Фрагмент ременной гарнитуры аскизского типа (рис. 1: 12). Возможно, кольцо от накладки. Подобные элементы найдены на селищах: Остолоповское, Чакмы, Мурхихинское, Билярское городище [Руденко, 2000, с. 86–89].

8. Фрагмент втулки (рис. 1: 17).

9. Пластина (рис. 1: 15).

10. Накладка ременной гарнитуры аскизского типа (рис. 1: 14). Относится к типу Б16В по типологии К.А. Руденко. Исследователь относит ее к вытянутым коротким, объемным без подвесок. Накладка имеет шлемовидное основание и «перетяжку» в верхней половине щитка [Руденко, 2000, с. 48, рис. 4ф]. Пряжки украшали ремни либо были наконечниками ремней или концевых ремешков [Руденко, 2000, с. 48]. Данные пряжки распространяются на булгарской периферии [Руденко, 2003, с. 68–79]. По мнению А.М. Белавина

и Н.Б. Крыласовой, аскизские предметы имели хождение в Предуралье, скорее всего, на протяжении домонгольского периода [Белавин, Крыласова, 2008, с. 311]. Верхняя граница бытования данных вещей – XI–XII вв.

11. Фрагмент пружины неподвижного (нутяного) замка (рис. 1: 18). Пружина относится к комбинированному типу неподвижных замков по типологии А.С. Хорошева [Хорошев, 1997, с. 16–17, табл. 7/17]. Датируются X–XIV вв. Замки с такими пружинами могли использоваться для ларцов и сундуков [Кудрявцев, 2012, с. 122].

12. Предмет неопределенного типа (рис. 1: 16).

Материальная культура представляет временной промежуток X–XIV вв. Памятник можно отнести к родановской археологической культуре. Изученная площадь относится к периферии, она находится у края городища и примыкает к логу. Этим объясняется отсутствие остатков жилых и хозяйственных построек. Не выявлено очажных конструкций и ям. Не обнаружено находок, которые могут относиться бронзолитейному производству – находки металлического лома или отходов производства. Массовый материал (керамика, кости животных) отсутствует. Мощность культурного слоя и отсутствие следов построек свидетельствует о том, что в этом месте может проходить граница памятника. Либо городище могло использоваться в качестве убежища. Данное предположение следует подтвердить дальнейшими полевыми работами.

Пармайлово, могильник

Могильник находится в 1,7 км от северной окраины д. Пармайлово, на склоне надпойменной террасы, служащей водоразделом р. Вежайки и безымянного ручья. Площадь памятника 9284 м² [Половников, 2022].

Памятник выявлен в 1956 г. Л.М. Еговкиной и Б.Е. Стояновым. На тот момент могильник распахивался. У местного населения известен как Бадь-Яйн. Местные жители сообщили археологам, что до распашки здесь были видны ямы от могил, ориентируясь на которые, трое местных крестьян пытались вести раскопки, но «ничего интересного, кроме костей не нашли». Найденный на могильнике медный котел, а также соотнесение имеющихся в Чердынском музее подковки и ральника, найденных в окрестностях д. Пармайлово еще до революции, позволили исследователям датировать могильник X–XIV вв. [Еговкина, Стоянов, с. 5–6]. В рамках мониторинга ОКН городище обследовано С.И. Абдуловой в 2014 г. [Абдулова, 2014, с. 46–47].

Состояние памятника на момент осмотра в 2020 г.

Памятник не подвергается антропогенному воздействию. Мыс, на котором располагается площадка памятника, имеет прямоугольную форму, полого спускается к востоку, на момент осмотра заастала сосняком. Подъемного материала не обнаружено. Состояние удовлетворительное.

Пеклайб I, могильник

Могильник находится в 1,5 км к северо-востоку от д. Пеклайб, на правом берегу небольшого рч. Вежайка. Площадь могильника 4 043 м² [Половников, 2022].

Первые сведения о могильнике получены в 1950 г. В.К. Нилоговым: «Пеклайбский могильник Чазевского с/совета расположен на Урочище Граньсай в 2 километрах на запад от д. Пеклайб...» [Нилогов, 1950].

В 1956 г. могильник обследован отрядом Кудымкарского музея под руководством В.Ф. Генинга. Обнаружено два кургана на опушке, они распахивались. Остальные располагались в лесу. Вскрыт один курган, дано описание костных останков и вещевого материала [Генинг, Голдина 1973, с. 106]. Обследованный памятник В.Ф. Генинг отнес к наиболее раннему времени, связанному с «заселением данного края» – IV–VI вв. н. э. [Генинг, Еговкина, Стоянов, 1957 с. 2].

В 1982 г. могильник обследован Н.В. Соболевой. Было обнаружено 6 курганных насыпей – 4 в лесу и 2 на пашне, один из них был раскопан. В 1982 г. следы курганов на пашне не прослеживались, при осмотре пахоты находок не обнаружено. В лесу заметен один курган [Соболева, 1982].

В рамках мониторинга ОКН Д.В. Шмуратко в 2014 г. Был найден один курган с сильно оплывшей насыпью [Шмуратко, 2014, с. 57–61].

Состояние памятника на момент осмотра в 2020 г.

Пойма ручья пересохла. Площадка могильника зарастает молодыми елями, следы курганов не прослеживаются, за исключением одной сильно оплывшей насыпи в лесу диаметром около 4–5 м. Интерпретировать ее как курган затруднительно.

Пеклыб I, селище

Селище расположено в 1,2 км к северо-западу от д. Пеклыб, на правом берегу рч. Вежайка. Площадь памятника 4 066 м² [Половников, 2022].

Памятник открыт в 1982 г. Н.В. Соболевой: «На краю поля найдены мелкие фрагменты керамики серого и светло-коричневого цвета. В тесте – примесь раковины. На одном из фрагментов заметны отпечатки шнура в виде параллельных линий. Керамика аналогична керамике I и II Митинских селищ. Памятник может быть датирован IV–VI вв. При зачистке края пашни сразу под пахотой прослеживается материк, таким образом, мощность культурного слоя не превышала 0,30 м. В настоящее время разрушен пахотой» [Соболева, 1982].

В рамках мониторинга ОКН могильник обследован Д.В. Шмуратко в 2014 г. Был заложен один шурф, культурного слоя нет [Шмуратко, 2014, с. 61–63].

Состояние памятника на момент осмотра в 2020 г.

Площадка памятника задернована, порастает елями. С севера она ограничена лесным массивом, с запада – поймой р. Вежайка. Состояние удовлетворительное. Подъемного материала не обнаружено. Не подвергается антропогенному воздействию.

Пеклыб II, могильник

Памятник расположен в 1,5 км. от д. Пеклыб, на левом берегу рч. Устин-Пальник-шор. Площадь памятника 1 927 м² [Половников, 2022].

В 1956 г. памятник обследован отрядом под руководством В.Ф. Генинга. Обнаружены семь курганов. Четыре кургана находятся в лесу и три на пашне. Диаметр насыпей 4–6 м, высота до 0,5 м. Относятся к харинской культуре IV–V вв. [Генинг, Еговкина, Стоянов, 1957].

В 1982 г. памятник был обследован Н.В. Соболевой. На тот момент насыпи курганов сохранились плохо. Три кургана распаханы. Четыре в лесу порастают елями [Соболева, 1982]. В рамках мониторинга ОКН могильник обследован Д.В. Шмуратко в 2014 г. [Шмуратко, 2014, с. 65–67].

Состояние памятника на момент осмотра в 2020 г.

Западная часть площадки памятника покрыта лесом, восточная часть зарастает молодыми елями. В западной (залесенной) части памятника зафиксированы сильно оплывшие курганы, все ограблены. В восточной части памятника следов насыпей не зафиксировано.

Пеклыб II, селище

Находится в 0,25 км от д. Пеклыб, на левом берегу рч. Вежайка. Площадь памятника 1 944 м² [Половников, 2022].

Памятник открыт в 1956 г. отрядом под руководством В.Ф. Генинга. Культурный слой разрушен пахотой. Жители д. Пеклыб рассказывали, что при распашке находили косу, топор, нож. У жителей селища известно как Коз-яйн, что на русском языке читается как «сосняк» [Генинг, Еговкина, Стоянов, 1957].

В рамках мониторинга ОКН могильник обследован Д.В. Шмуратко в 2014 г. Заложен один шурф, культурного слоя нет. Памятник может быть датирован эпохой Средневековья IX–XIV вв. [Шмуратко, 2014, с. 63–65].

Состояние памятника на момент осмотра в 2020 г.

Площадка памятника зарастает сосняком, ее пересекает проселочная дорога к старой молочной ферме. Со слов местных жителей, на селище когда-то располагался пруд «холодильник» для хранения молочных фляг с фермы. Подъемного материала нет. Состояние памятника удовлетворительное.

Чазево I (Шойна-Ыб), могильник

Расположен в 3,2 км к северо-западу от с. Чазево, в 0,18 км от рч. Шойна-Ыб. Площадь памятника 5 967 м² [Половников, 2022].

О «чудском» могильнике вблизи д. Подъячево сообщает И.Я. Кривошёков: «В полутора верстах от селения находится урочище Шойна-Ыб (по-русски могильное поле), известно местному населению как чудской могильник. На могильнике в 1889 г. насчитывалось 19 могильных холмиков, подвергшихся обработке кладоискателей» [Кривошёков, 1914, с. 114–116].

В 1950 г. могильник осмотрел В.К. Нилогов, тогда же насчитывалось 18 вкопов размером 5 × 5 м [Нилогов, 1950]. Через шесть лет были проведены раскопки двух курганов [Генинг, Еговкина, Стоянов, 1957]. В 1982 г. могильник посетила Н.В. Соболева. Был установлен факт, что местные жители совершают на памятнике тризну: «...до сих пор окрестные старушки приходят сюда в день поминовения умерших, поют, танцуют, но рассказывать об этом не любят...» [Соболева, 1982].

В ходе осмотра памятника в 2006 г. было выявлено 11 крупных и 9 мелких грабительских вкопов, в том числе 37 курганов. В 2007 г. были проведены раскопки под руководством В.В. Мингалева: вскрыто 131 м², 4 кургана, 17 ям [Мингалев, 2009, с. 125–133].

В 2014 г. памятник был осмотрен Д.В. Шмуратко, зафиксированы 37 сильно расплывшихся курганных насыпей. В центральной части памятника установлен поминальный столб. Лес вокруг площадки активно вырубался. Памятник датирован «харинским временем» – V–VI вв. [Шмуратко, 2014, с. 86–91].

Состояние памятника на момент осмотра в 2020 г.

Могильник известен окрестным жителям под названием Шойна-Ыб (Могильное поле). Новых грабительских вкопов обнаружено не было. Состояние неудовлетворительное. Площадка завалена елью и сосной – последствия ветровала. Пойма ручья сильно заболочена с обеих сторон. Подъемного материала нет.

Шойна-Ыб, поселение

Селище расположено в 2,9 км к северо-западу от д. Чазево на левом берегу рч. Шойна-Ыб. Площадка памятника имеет небольшой склон в сторону русла ручья. Площадь памятника 11 553 м² [Половников, 2022].

Памятник открыт в 1982 г. Н.В. Соболевой. На пахоте собран подъемный материал: мелкие фрагменты лепных сосудов серого и коричневого цвета. В тесте отмечается примесь песка и мелкотолченой раковины. Один венчик орнаментирован по верхнему срезу прямыми оттисками зубчатого штампа. По керамике селище датировано V–VI вв. [Соболева, 1982].

В 2007 и в 2014 гг. памятник был осмотрен Д.В. Шмуратко. Подъемного материала не обнаружено. Памятник использовался под покос местными жителями [Шмуратко, 2007, с. 17–18].

Состояние памятника на момент осмотра в 2020 г.

Состояние памятника удовлетворительное. С запада площадка памятника ограничена мелколесьем и смешанным лесом. В 160 м к северо-востоку от селища проходит грунтовая дорога Чазево – Карчой. Площадка памятника задернована. Используется под покос и выпас скота. Подъемного материала нет.

В ходе проведения археологической разведки было зафиксировано разрушение объектов археологического наследия в результате воздействия природных и антропогенных факторов. Для их сохранности требуется интенсивный контроль органов по охране объектов культурного наследия. В разведочном шурфе на городище Пармайлово I было обнаружено 18 находок, которые отнесены к родановской археологической культуре. Дальнейшее исследование памятника является перспективным.

Библиографический список

1. *Абдулова С.И.* Отчет о выполнении работ по государственному контракту № 72 от 10 июня 2014 г. «Проведение мониторинга состояния объектов археологического наследия Пермского края, расположенных на территории Коми-Пермяцкого округа» // Архив МАЭ ПГГПУ. – Пермь, 2014.
2. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь : ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. – 603 с.
3. *Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. – 1973. – Вып. 12. – С. 58–121.
4. *Генинг В.Ф., Еговкина Л.М., Стоянов В.Е.* Отчет об археологических исследованиях в Коми-Пермяцком нац. округе в 1956 г. // Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1956 г. – Ижевск // Архив КА Центра археологических исследований при Центре классического образования УрФУ им. Б.Н. Ельцина (УрГУ). 1957. Ф. II. Д. 221.
5. *Еговкина Л.М., Стоянов В.Е.* Отчет об исследовании археологических памятников на территории Юксеевского с/с Кочевского района и Чазевского с/с Косинского района Коми-Пермяцкого округа. 1956 г. // Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П.С. Субботина-Пермяка. Ф. 926. О. 1. Д. 8.
6. *Кривошёков И.Я.* Словарь географо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии, с приложением карты бассейна р. Камы и иллюстрациями. – Пермь : Электро-Типография Труд, 1914. – 839 с.
7. *Кудрявцев А.А.* Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // Российская археология. – 2012. – № 4. С. 119–124.
8. *Медведев А.Ф.* Ручное и метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-36. – М. : Наука, 1966. – 184 с.
9. *Мингалев В.В.* Керамика Чазевского могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь, 2009. – Вып. VI. – С. 125–133.
10. *Нилогов В.К.* Личный архив, 1950 // Архив Косинского этнографического музея. ГАПО. Ф. р927. Оп. 1. Д. 290.
11. *Памятники истории и культуры Пермской области. Т. I. Материалы к археологической карте Пермской области.* – Пермь, 1996. – 299 с.
12. *Половников Л.В.* Отчет об археологической разведке бассейне р. Лолог в пределах Кочевского и Косинского районов Пермского края за исключением территории земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению в 2020 г. (открытый лист № 2096-2020 от 24 сентября 2020 г.) // Архив МАЭ ПГГПУ. – Пермь, 2022.
13. *Руденко К.А.* О верхней границе бытования вещей аскизского облика в Поволжье и Прикамье // Проблемы истории России. – Вып. 5. На перекрестке эпох и традиций / отв. ред. А.Т. Шашков. – Екатеринбург : Волот, 2003. – С. 68–79.
14. *Руденко К.А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татарская археология: Тюрко-степное средневековье. – 2000. – № 1-2 (6-7). – С. 42–102.
15. *Соболева Н.В.* Отчет об археологических разведках в бассейне р. Косы в Кочевском и Косинском районах Коми-Пермяцкого Автономного округа и в бассейне р. Обвы Ильинского района Пермской области осенью 1982 г. // Архив Отдела по охране объектов культурного наследия Министерство культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края.
16. *Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Кама // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. – № 27, вып. IV. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – 228 с.

17. *Хозяйство, торговля и военное снаряжение средневекового Предуралья* : учеб. пособие / А.М. Белавин, А.В. Данич, Н.Б. Крыласова и др. – Пермь : ПГГПУ, 2017. – 106 с.

18. *Хорошев А.С. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура. Археология*. – М. : Наука. 1997. – С. 14–17.

19. *Шмуратко Д.В. Отчет о выполнении работ по Госконтракту на проведение мониторинга состояния объектов археологического наследия Пермского края, расположенных на территории Коми-Пермяцкого округа с Министерством культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края № 72 от 10 июня 2014 г. (Косинский муниципальный район) // Архив МАЭ ПГГПУ*. – Пермь, 2014.

20. *Шмуратко Д.В. Отчет об археологической разведке в пределах Косинского района Пермского края проведенной в июле-августе 2007 г. // Архив МАЭ ПГГПУ*. – Пермь, 2007.

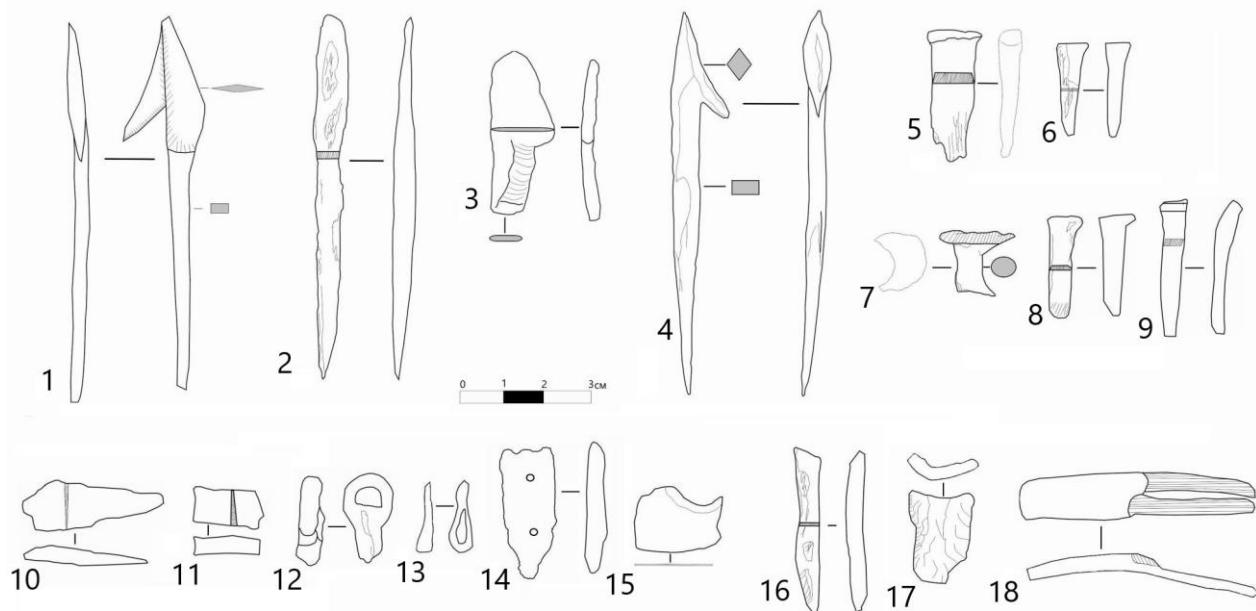

Рис. 1. Найдки городища Пармайлово I:

1–4 – наконечники стрел и их фрагменты; 5–6 – зубила; 7 – заклепка; 8–9 – фрагменты гвоздей; 10–11 – фрагменты ножей; 12 – фрагмент ременной гарнитуры аскизского типа; 13 – язычок пряжки; 14 – накладка ременной гарнитуры аскизского типа; 15 – пластина; 16 – предмет неопределенного типа; 17 – фрагмент втулки; 18 – фрагмент пружины неподвижного (нутяного) замка

УДК 902.21, 351.853

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-26-30-38

Н.С. Смертина (Батуева)¹, П.Р. Смертин², М.Е. Шмырина¹
ИТОГИ РАБОТ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИЙ ОБЪЕКТОВ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ (2023–2024 гг.)

¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
 Российская Федерация

²Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Пермь,
 Российская Федерация

Аннотация. Представлен краткий обзор археологических разведок, проводимых в 2023–2024 гг., целью которых было определение границ территорий нескольких объектов археологического наследия, расположенных в Пермском крае. В результате работ были определены границы следующих объектов: «Рочиб I, селище», «Рочиб II, селище», «Калиньята I, селище», «Калиньята II, селище», «Калиньята V, селище», «Кропани I, селище», «Кропани II, селище» (Ильинский городской округ), «Запальта III, селище» (Краснокамский городской округ), «Гари I, селище», «Гари III, селище», «Гари IV, селище», «Гарюшки III, селище», «Снегири I, селище», «Троицкое I, селище», (Кунгурский муниципальный округ), «Шаква VIII, стоянка» (Берёзовский муниципальный округ), «Ирьяк I, селище», «Осока III, селище» (Осинский городской округ). После заключения статьи также представлены результаты археологических раскопок, не входящих в комплекс мероприятий по определению границ. Раскопки проводились на памятниках «Имасы, могильник» (Гайнский муниципальный округ) и «Усть-Буб I, городище» (Сивинский муниципальный округ). Работа позиционируется как введение в научный оборот неопубликованных данных, что может быть полезным для будущих исследователей указанных памятников.

Ключевые слова: археология, определение границ, памятник археологии, охрана памятников, археологическая разведка, шурф

Благодарности: авторы выражают благодарность А.В. Даничу за общую организацию и координацию работ по определению границ памятников.

N.S. Smertina (Batuева)¹, P.R. Smertin², M.E. Shmyrina¹
THE RESULTS OF THE WORK ON DEFINING THE BOUNDARIES OF THE
TERRETORIES OF ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE PERM KRAI (2023–2024)

¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

²Perm Federal Research Center of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm,
 Russian Federation

Abstract. The article presents a brief overview of archaeological exploration in 2023–2024. Their goal is to define the boundaries of several archaeological heritage sites in the Perm Krai. The boundaries of the following objects have been defined: "Rochib I, settlement", "Rochib II, settlement", "Kalinjata I, settlement", "Kalinjata II, settlement", "Kalinjata V, settlement", "Kropani I, settlement", "Kropani II, settlement" (Ilyinsky city district), "Zapalta III, settlement" (Krasnokamsk city district), "Gari I, settlement", "Gari III, settlement", "Gari IV, settlement", "Garyushki III, settlement", "Snegiri I, settlement", "Troitskoye I, settlement", (Kungursky municipal district), "Shakva VIII, type-site" (Berezovsky municipal district), "Iryak I, settlement", "Osoka III, settlement"

(Osinsky city district). The results of the excavations are also presented, which is not part of the complex of boundary determination measures. Excavations were carried out at the monuments "Imasy, burial ground" (Gaynsky municipal district) and "Ust-Bub I, hill fort" (Sivinsky municipal district). The work is positioned as an introduction to the scientific circulation of unpublished data. This may be useful for future researchers.

Keywords: archaeology, definition of boundaries, archaeological sites, protection of monuments, archaeological exploration, hole

Acknowledgments: the authors would like to thank A.V. Danich for the overall organization and coordination of the work on defining the boundaries of the monuments.

Введение

В 2023 и 2024 гг. по заданию Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия были совершены две археологические разведки, целью которых являлось определение границ нескольких объектов археологического наследия [Батуева, 2023; Батуева, 2024]. Эти работы продолжали специальные мероприятия 2022 г. и серию мониторингов 2011–2016 гг., проводимых сотрудниками археологических экспедиций ПГНИУ и ПГГПУ на территории Пермского края также по заданию инспекции [Чуйкина, Батуева, 2023].

Большая часть памятников были успешно локализованы, определены границы их территорий. Некоторые объекты рекомендовано снять с государственного учета, поскольку они были утрачены. Работы были проведены ООО «Гильдия археологов» по открытому листу, выданному на имя Н.С. Батуевой.

Итоги археологических полевых работ 2023–2024 гг.

Краснокамский городской округ

«Запальта III, селище» было открыто И.В. Караваевым в 1981 г., им был снят план, где локализовано селище [Караваев, 1981]. В 1999 и 2005 гг. в рамках инвентаризации памятников археологии Пермской области памятник был осмотрен В.П. Мокрушиным, которым на основании данных И.В. Караваева и собственного визуального осмотра были определены границы памятника. В ходе проведенных исследований 2023 г. культурных напластований на территории селища обнаружено не было, но было найдено два неорнаментированных фрагмента керамики, лощило. Выяснино, что культурный слой полностью уничтожен в результате хозяйственной антропогенной деятельности, о чем также говорят результаты предыдущих исследований [Скорнякова, 2011]. Установить границы памятника возможно лишь по нахождению артефактов в шурфах. Результаты работ и обнаруженный материал говорят о том, что памятник можно отнести к периоду железного века.

Кунгурский муниципальный округ

«Гари I, селище» было открыто в 1974 г. А.В. Малышкиным, им собран подъемный материал, рекогносцировочных работ для выявления культурного слоя и определения границ памятника не проводилось. Селище датировано железным веком (I тыс. до н. э.) [Малышкин, 1974].

В ходе работ 2023 г. в одном из шурфов был зафиксирован слой, интерпретируемый как остатки культурного слоя, никаких объектов и артефактов обнаружено не было. Датировка памятника возможна лишь исходя из данных, полученных в ходе работ предыдущих исследователей – I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Почти вся площадка памятника разрушена.

«Гари III, селище» было обнаружено в 1974 г. А.В. Малышкиным, им собран подъемный материал в виде фрагментов лепной керамики с отисками зубчатого штампа и ямочными вдавлениями и шлифованное тесло [Малышкин, 1974]. Селище было датировано эпохой раннего железа – первой половиной I тыс. н. э. Схожие работы были проведены исследователем в 1975 г.

В результате проведенных работ в 2023 г. в нескольких шурфах был зафиксирован культурный слой, а также была обнаружена неорнаментированная лепная керамика, характерная для поселений железного века. Границы территории ОАН уточнены, определены по ландшафту и результатам выполненных шурфов. Сохранившаяся часть памятника невелика, большая его часть размыта.

«Гари IV, селище» было открыто в 1974 г. А.В. Малышкиным, им был собран подъемный материал в виде фрагментов лепной керамики с отисками гребенчатого штампа и насечками по срезу венчика. Также найдено глиняное прядильное колесо, медная поясная пряжка и точильный брускок [Малышкин, 1974]. Селище было отнесено к гляденовской, ломоватовской культурам. Разведочные работы были повторены исследователем и в 1975 г. [Малышкин, 1975].

При проведении работ в 2023 г. был обнаружен культурный слой в шурфах и археологические артефакты – фрагменты лепных сосудов. По результатам проведенных исследований и обнаруженной керамики памятник можно отнести к периоду Средневековья – ко второй половине I тыс. н. э. Границы территории ОАН уточнены, определены по ландшафту и результатам полевых работ. Памятник сильно зарастает молодой порослью, борщевиком, постепенно размывается и ежегодно затапливается, но является перспективным для исследования.

«Гарюшки III, селище» обнаружено в 1974 г. А.В. Малышкиным [Малышкин, 1974]. Как и данные первооткрывателя, проведенные в 2013 г. исследования Н.С. Горшковой позволили сделать вывод о том, что памятник полностью разрушен и для раскопок непригоден [Горшкова, 2013].

В ходе работ 2023 г. выяснено, что почти вся площадка памятника разрушена в результате береговой эрозии и активной застройки территории. На некоторых незанятых участках памятника зафиксированы остатки культурного слоя. Установить датировку памятника возможно лишь по данным предыдущих исследователей – гляденовская культура, вторая половина I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э. Селище непригодно для проведения исследований.

«Снегири I, селище» впервые описывается в акте технического осмотра состояния памятника археологии, составленном Г.Т. Ленц и Н.В. Кулябиной в 2000 г. во время инвентаризации объектов археологического наследия. Достоверных сведений о местонахождении культурного слоя и предметов материальной культуры нет, съемки плана и земляных работ не проводилось.

При проведении полевых исследований в 2023 г. наличие культурного слоя подтвердилось лишь в проведенной зачистке обнажения. Стратиграфические слои совпадают со слоями, зафиксированными в ходе исследований 2013 г., проведенных Н.С. Горшковой [Горшкова, 2013]. В результате исследований датировка памятника неволинским временем не подтвердилась, поскольку в зачистке был фрагмент керамики, относимый к эпохе Нового времени. Культурные слои селища почти полностью уничтожены антропогенной деятельностью.

«Троицкое I, селище» выявлено в 1982 г. И.В. Караевым по подъемному материалу в виде лепной керамики, памятник был отнесен к сыворотинской культуре. В 1983 г. селище было осмотрено В.А. Обориным [Оборин, 1983].

В результате проведенных в 2023 г. работ подъемного материала обнаружено не было, в шурфах были отмечены хорошо различимые культурные напластования, скрывающиеся под обильным слоем балласта. По данным земляных работ были установлены границы селища. Датировка памятника возможна лишь на основании работ предыдущих исследований (артефактов найдено не было) – VI–IX вв. н. э. (неволинская культура). Вероятно, селище имело обширную площадь, а позже частично разрушено в результате распашки и сооруже-

ния мелиоративных систем, поэтому зафиксирована лишь его часть, расположенная непосредственно по берегу р. Ирени. Состоянию селища в настоящий момент ничего не угрожает, но его изучение может быть затруднено из-за высокой глубины залегания культурного слоя.

Берёзовский муниципальный округ

«Шаква VIII, стоянка» выявлено в 1984 г. И.Ю. Пастушенко, им был собран подъемный материал, снят план памятника. Земляных работ не проводилось, стоянка отнесена к V–IV тыс. до н. э. [Пастушенко, 1984]. В 1999 г. в рамках инвентаризации памятников археологии Пермской области памятник был осмотрен Н.В. Соболевой. На основании визуального осмотра и данных предыдущих исследований были определены границы памятника. В 2006 г. в рамках мониторинга А.В. Васильевой стоянка вновь была осмотрена.

В ходе полевых работ 2023 г. в шурфах были найдены артефакты и остатки культурного слоя, перемешанного с пахотой. Найдены фрагменты керамики и фарфора XIX – нач. XX в. Исходя из результатов работ определяется датировка памятника – V–IV тыс. до н. э. (каменный век, неолит); XIX – нач. XX в. (Новое время). Границы территории памятника были определены по геоморфологической ситуации, топографическому плану первооткрывателя и подтверждены шурфами 2023 г. Культурный слой полностью разрушен в результате антропогенной деятельности, изучение памятника видится неперспективным.

Осинский городской округ

«Ирьяк I, селище» было обнаружено в 1956 г. Ю.А. Поляковым, на пашне найдены фрагменты лепной керамики, фрагменты кальцинированных костей [Поляков, 1956]. В 2000 г. памятник был осмотрен В.П. Мокрушиным, произведена глазомерная съемка на основе топографического плана первооткрывателя. В 2008 и 2013 гг. Е.В. Чуйкиной проводился мониторинг памятника [Чуйкина, 2013]. В ходе предварительных работ было выявлено разночтение отчетных материалов, а также по проведенным полевым работам не было обнаружено культурных слоев, отмечено некорректное нанесение границ селища на землеустроительную карту и памятник не был локализован.

В результате работ 2023 г. культурных напластований обнаружено не было, но в одном из шурfov найден неорнаментированный фрагмент лепной керамики. Вероятно, культурный слой оказался полностью уничтожен в ходе антропогенной деятельности. Установить наличие памятника на территории возможно лишь по случайным находкам. Изучение памятника неперспективно.

«Осока III, селище» было открыто 1986 г. В.П. Мокрушиным, был найден фрагмент керамики [Мокрушин, 1986]. В 1999 г. селище было повторно осмотрено исследователем, границы нанесены на выкопировку землеустроительной карты.

В результате проведенных полевых работ в 2023 г. на территории памятника были обнаружены остатки культурного слоя, уточнена территория селища. Судя по всему, культурный слой селища очень сильно поврежден и практически полностью распахан. Памятник может быть полностью утрачен из-за регулярной распашки территории.

Ильинский городской округ

«Рочиб I, селище» открыто Н.В. Соболевой в 1981 г., была сделана зачистка обнажения, собран подъемный материал и снят план памятника. Согласно плану, площадка памятника была вытянута узкой полосой по кромке берега [Соболева, 1981]. Изначально селище носило название «Роцупское I, селище», а получило свое современное название после работ, проведенных в 2005 г. А.Ф. Мельничуком. В 2011 г. А.В. Усовым при проведении мониторинга памятников были проведены земельные работы, которые показали отсутствие культурного слоя и артефактов на территории селища [Усов].

В результате работ 2024 г. можно заключить, что отсутствие артефактов, каких-либо объектов и прочих признаков культурного слоя позволяет предположить, что слои памятника полностью уничтожены в процессе интенсивной береговой абразии Камским водохранилищем.

«Рочиб II, селище» открыто Н.В. Соболевой в 1981 г., были сделаны несколько зачисток обнажений, собран подъемный материал и снят план памятника. Согласно плану, площадка памятника подовальной формы вытянута по кромке берега [Соболева, 1981]. Изначально селище носило название «Рощупское II, селище», и получило свое современное название после работ, проведенных в 2005 г. А.Ф. Мельничуком. В 2011 г. А.В. Усовым при проведении мониторинга памятников были проведены земельные работы, которые показали отсутствие культурного слоя и артефактов на территории селища [Усов].

При проведении работ в 2024 г. были совершены несколько зачисток обнажений и шурпов, найдено несколько фрагментов лепной керамики. На основании проведенных полевых исследований можно обосновать границы данного объекта археологического наследия. Памятник привязан не к берегу р. Обвы, а к правому берегу безымянного ручья, впадающего в нее. Возможно, имеющиеся ранее культурные слои селища вдоль берега р. Обвы были уничтожены в ходе процесса берегоукрепления. Датировка памятника возможна лишь исходя из данных, полученных в ходе работ предыдущих исследователей (III–IX вв. н. э.). Уточнить датировку не представляется возможным, поскольку найденные фрагменты керамики невелики по размеру, не имеют орнамента. Сохранившейся части селища ничего не угрожает, памятник перспективен для исследования.

«Калинята I, селище», «Калинята II, селище» открыты Н.В. Соболевой в 1981 г., была выполнена зачистка обнажения, собран подъемный материал и сняты планы памятников [Соболева, 1981]. Оба селища были датированы IV–VIII вв. и отнесены к ломоватовской культуре. В 2005 гг. в ходе инвентаризации и мониторинга памятников А.Ф. Мельничуком были уточнены адреса памятников, их границы. В 2011 г. А.В. Усовым были проведены земельные работы, которые показали отсутствие культурного слоя и артефактов на территории памятников [Усов].

В результате работ 2024 г. были подтверждены выводы об уничтожении обоих селищ в результате интенсивной береговой абразии Камским водохранилищем, на что указывает отсутствие артефактов, каких-либо объектов и признаков культурного слоя.

«Калинята V, селище» было обнаружено в 1981 г. Н.В. Соболевой, был проведен сбор подъемного материала, сделана зачистка и снят план памятника [Соболева, 1981]. В 2005 г. в ходе мониторинга памятников Ильинского района А.Ф. Мельничуком был уточнен адрес памятника, его границы. В 2011 г. А.В. Усовым при проведении мониторинга памятников были проведены земельные работы, которые показали отсутствие культурного слоя и артефактов на территории селища [Усов]. Сделано предположение, что культурные слои памятника полностью уничтожены в результате разрушения берега Камским водохранилищем.

В результате исследований 2024 г. мы можем заключить, что культурные слои селища практически полностью уничтожены в процессе антропогенной деятельности и интенсивной береговой абразии Камским водохранилищем. Тем не менее локально удалось зафиксировать сохранившийся культурный слой и определить границы памятника. Селище можно датировать на основании данных предыдущих исследователей (IV–VIII вв.). Отсутствие подъемного материала на осыпавшейся части берега, пляже и в воде вызывает вопросы. Вероятно, обнаруженная небольшая сохранившаяся часть памятника является его южной периферией, и поэтому концентрация артефактов очень низка, а артефакты с разру-

шенной части уже смыты водой. Возможно, именно периферийность сохранившейся части памятника помешала однозначно локализовать его в ходе работ 2011 г. Так, большая часть памятника полностью смыта водами Камского водохранилища. Памятник нуждается в срочных аварийных охранно-спасательных раскопках, иначе он рискует быть полностью утрачен в ближайшие годы.

«Кропани I, селище» было обнаружено в 1981 г. Н.В. Соболевой, был собран подъемный материал, сделана зачистка обнажения и снят план памятника [Соболева, 1981]. Селище было датировано IV–VIII вв. и отнесено к ломоватовской культуре. В 2005 г. в ходе мониторинга памятников Ильинского района А.Ф. Мельничуком был уточнен адрес памятника, проведена фотофиксация, составлена карта обследования, памятник нанесен на картографический материал. В 2011 г. А.В. Усовым при проведении мониторинга памятников были проведены земельные работы, которые показали отсутствие культурного слоя и артефактов на территории селища [Усов]. В ходе изучения архивных материалов было установлено, что территория, отображенная на фотоматериалах мониторинга 2005 г., соответствует плану первооткрывателя – Н.В. Соболевой 1981 г., однако на картографическую основу памятник был нанесен неверно. Вероятно, здесь ввел в заблуждение общий план расположения памятников из отчета 1981 г., где на общем плане памятники расположены неверно, что противоречит в том числе топографическим планам первооткрывателя.

В ходе работ 2024 г. были обследованы «изначальная» и «новая» площадки памятника. По береговой линии вдоль «изначальной» площадки памятника в воде было найдено несколько фрагментов керамики, по распространению которой установлены границы памятника. Совершение зачисток и шурфов результатов не дали – культурного слоя не обнаружено. Датировка памятника возможна по данным предыдущих исследователей (IV–VIII вв.). Таким образом, бывшая площадка селища полностью размыта, памятник разрушен.

«Кропани II, селище» было обнаружено в 1981 г. Н.В. Соболевой, был проведен сбор подъемного материала, сделана зачистка обнажения и снят план памятника [Соболева, 1981]. В 1999 и 2005 гг. в ходе инвентаризации и мониторинга памятников был уточнен адрес памятника, его границы. В 2011 г. А.В. Усовым при проведении мониторинга памятников были проведены земельные работы, которые показали отсутствие культурного слоя и артефактов на территории селища [Усов]. Данный памятник, так же как и «Кропани I, селище», был неверно нанесен на землеустроительные карты в ходе работ 2005 г.

В результате работ 2024 г. была обследована «изначальная» и «новая» площадки памятника. Культурных напластований, артефактов в шурфах и на дневной поверхности обнаружено не было. Сделан вывод, что слои памятника полностью уничтожены в процессе интенсивной береговой абразии Камским водохранилищем.

Заключение

Археологические работы были проведены на 17 объектах археологического наследия в 5 муниципальных образованиях Пермского края. В 15 случаях было подтверждено существование памятников, их границы удалось определить, 4 можно считать полностью утраченными (селища Рочиб I, Калинята I и I, Кропани II), причина их утраты – береговая эрозия, возникшая под влиянием Камского водохранилища. Сильно поврежденными и неперспективными для исследований оказались 7 памятников (селища Запальта III, Гари I, Гарюшки III, Снегири I, Троицкое I, Ирьяк I, стоянка Шаква VIII). Селища Калинята V, Кропани I и Осока III находятся на грани исчезновения. Перспективным видится изучение селищ Рочиб II, Гари III и Гари IV, давших самый определенный результат.

В 2023 г. отрядом КАЭЭ ПГГПУ были совершены небольшие археологические раскопки на территории могильника у д. Имасы в Гайнском муниципальном округе [Смертин, 2025]. Могильник впервые упоминается в отчете Императорской археологической комиссии, говорится о его осмотре В.Л. Борисовым [Отчет Императорской … , 1902, с. 88]. Дальнейшие работы тоже ограничивались только осмотром, была сделана лишь одна зачистка, не давшая почти никаких результатов [Брюхова, 2015].

В ходе последних работ на территории памятника зафиксированы ряды кругообразных западин, на одной из которых был разбит раскоп. Вскрыта площадь 16 м², исследована яма. Археологических артефактов, каких-либо конструкций и скелетных останков обнаружено не было. Появление западин на значительной части территории памятника, вероятно, связано с существованием на этом месте строений д. Имасы, известной еще с XVI в. [Кри-вощёков, 1914, с. 388]. Могильник мог быть неверно локализован в ходе археологических мониторингов первой четверти XXI в. Целесообразным видится проведение поисковых работ для его обнаружения и последующего изучения.

В 2024 г. отрядом КАЭЭ ПГГПУ под руководством М.Е. Шмыриной были проведены раскопки на территории памятника археологии Усть-Буб I, городище, расположенного возле д. Летягино Сивинского муниципального округа. Памятник известен с XIX в. Впервые обследован В.П. Мокрушиным в 1983 г., впоследствии изучен А.В. Старковым в 1987 г.

Заложенные в центральной части городища шурфы дали представление о материальной культуре городища. Основу находок составили фрагменты керамических сосудов, также были встречены наконечники стрел, ножи, фрагменты бронзовых украшений. Исследователями городище было отнесено к кругу памятников поломско-чепецкого типа [Крыласова, Старков, Терехин, 1989, с. 71].

В 2024 г. в предваловой части городища был разбит раскоп площадью 24 м². Культурный слой городища мощностью до 0,5 м представлен красно-коричневым суглинком, насыщенным галькой. Материальная культура городища состоит в основном из костей животных, небольших фрагментов керамических сосудов, в состав теста которых добавлена дробленая раковина. Индивидуальные находки немногочисленны и представлены железным наконечником стрелы и оселком. Для уточнения данных о городище необходимы дальнейшие раскопки в центральной части памятника.

Библиографический список

1. Батуева Н.С. Отчет об археологических разведках с осуществлением локальных земляных работ в Ильинском г. о. Пермского края, на территории объектов культурного наследия федерального значения «Рочиб I, селище», «Рочиб II, селище», «Калинята I, селище», «Калинята II, селище», «Калинята V, селище», «Кропани I, селище», «Кропани II, селище» (открытый лист № Р018-00103-00/01263940 от 28 июня 2024 г.) : в 3 т. – Пермь, 2024 // Архив ГКБУК КЦОП.

2. Батуева Н.С. Отчет об археологических разведках с осуществлением локальных земляных работ в Берёзовском м. о., Кунгурском м. о., Осинском г. о., Краснокамском г. о. Пермского края, на территории объектов культурного наследия федерального значения «Снегири I, селище», «Троицкое I, селище», «Гарюшки III, селище», «Гари I, селище», «Гари III, селище», «Гари IV, селище», «Шаква VIII, стоянка», «Запальта III, селище», «Ирьяк I, селище», «Осока III, селище» (открытый лист № 2120-2023 от 26 июня 2023 г.) : в 3 т. – Пермь, 2023 // Архив ГКБУК КЦОП.

-
3. *Брюхова Н.Г.* Отчет о комплексном обследовании объекта археологического наследия «Имасы, могильник». – Пермь, 2015 // Архив ЛАЭИ ПГГПУ.
4. *Горшкова Н.С.* Отчет о проведенных археологических полевых работах в бассейне р. Камы на территории Кунгурского района Пермского края в 2013 г. // Архив ГИООКН ПК.
5. *Караваев И.В.* Отчет о разведке в бассейне р. Сюзьва в Краснокамском и Нытвенском районах Пермской области в 1981 г. // Архив КАЭ ПГНИУ. Д. 12.
6. *Кривошёков И.Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии, с приложением карты бассейна р. Камы и иллюстрациями. – Пермь : Электро-тиография «Труд», 1914. – 839 с.
7. *Крыласова Н.Б., Старков А.В., Терехин А.А.* Разведки в Сивинском, Чусовском и Горнозаводском районах Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар : КНЦ УрО АН СССР, 1989. – С. 70–72.
8. *Малышкин А.В.* Отчет об археологической разведке по р. Сылве в Пермском и Кунгурском районах Пермской области. 1974 г. // Архив ИА РАН Ф. Р-1. Д. 5543.
9. *Малышкин А.В.* Отчет об археологической разведке по р. Сылве в Пермском и Кунгурском районах Пермской области. 1975 г. // Архив КАЭ ПГНИУ Д. 109.
10. *Мокрушин В.П.* Отчет о полевых исследованиях в Пермской области в 1986 г. // Архив КАЭ ПГНИУ. Д. 14.
11. *Оборин В.А.* Отчет о раскопках в Кунгурском районе Пермской области в 1983 г. // Архив ПКМ 20712/3257. Л. 27.
12. *Отчет Императорской археологической комиссии за 1900 год.* – СПб. : Типография главного управления уделов, 1902. – 173 с.
13. *Пастушенко И.Ю.* Отчет о разведочных работах в Берёзовском и Кунгурском районах Пермского края в 1984 г. // Архив МКПК Ф. 3. Оп. 2. Д. 319/2.
14. *Поляков Ю.А.* Археологическая разведка 1956 года в Осинском районе // Архив В.А. Оборина ПОКМ 20712/5898.
15. *Скорнякова С.В.* Заключение о результатах археологического обследования памятника археологии «Запальта III, селище» в Краснокамском районе Пермского края в 2011 г. // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. 6. Д. 18.
16. *Смертин П.Р.* Отчет о раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Имасы, могильник» в Гайнском муниципальном округе Пермского края в 2023 году (открытый лист № 2472-2023 от 11.07.2023). – Пермь, 2025 // Архив ЛАЭИ ПГГПУ.
17. *Соболева Н.В.* Отчет о разведке в бассейне р. Обзы в 1981 // Архив КАЭ ПГНИУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 261.
18. *Усов А.В.* Заключение об осмотре памятника археологии «Рочиб I, селище» (Средневековье, III–X вв.) // Рочиб I, селище // Архив ГИООКН ПК. Ф. 2. Оп. 7. Д. 69.
19. *Чуйкина Е.В.* Отчет о проведении археологических полевых работ на территории Бардымского и Осинского муниципальных районов Пермского края в 2013 году : в 3 т. // Архив КАЭ ПГНИУ.
20. *Чуйкина Е.В., Батуева Н.С.* Определение границ территорий объектов археологического наследия Пермского края в 2022 г. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XXII. – Пермь : ПГГПУ, 2023. – С. 89–94.

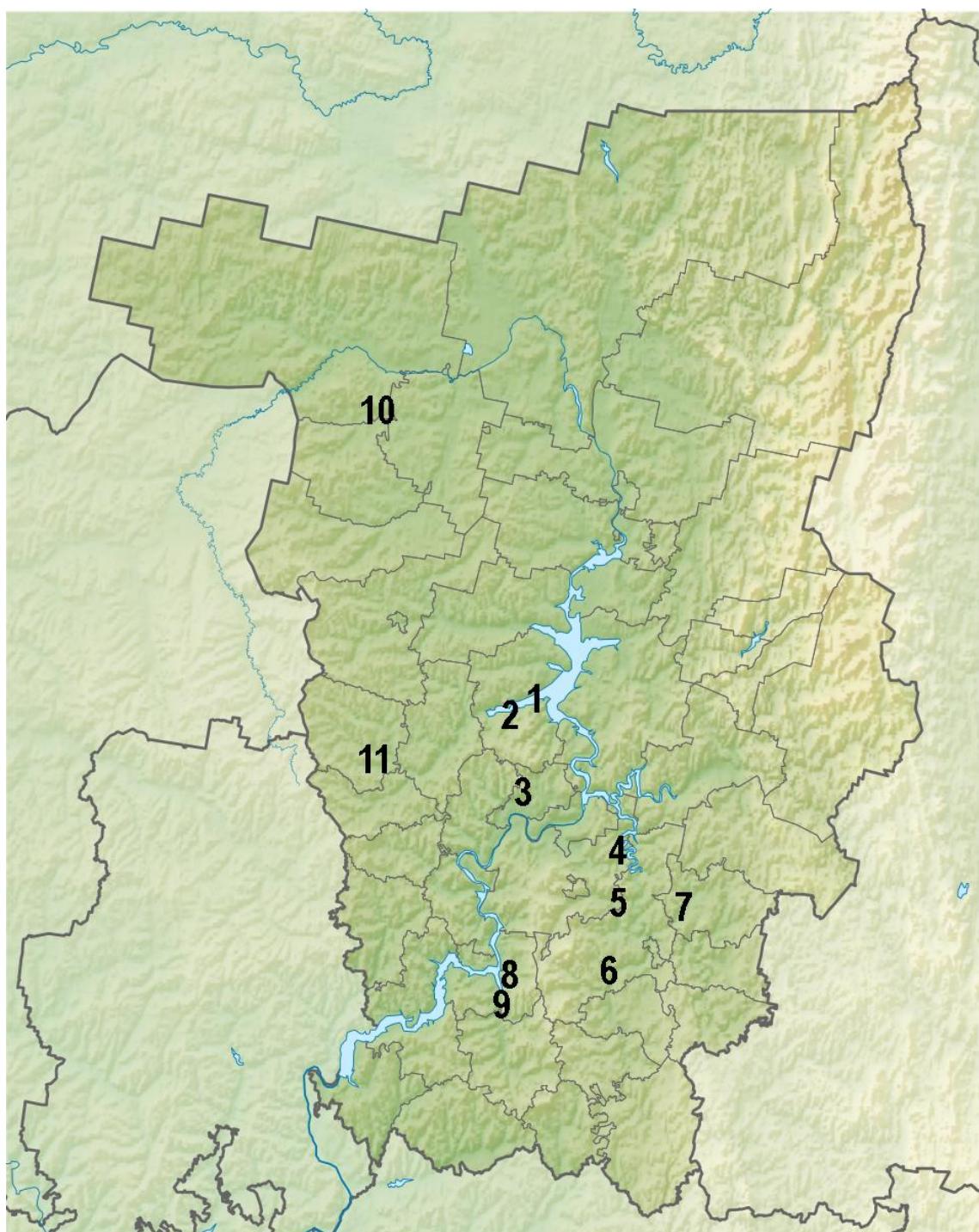

Рис. 1. Обследованные памятники на карте Пермского края:

- 1 – «Рочиб I, селище», «Рочиб II, селище», «Калинята I, селище», «Калинята II, селище», «Калинята V, селище»; 2 – «Кропани I, селище», «Кропани II, селище»; 3 – «Запальта III, селище»; 4 – «Гари I, селище», «Гари III, селище», «Гари IV, селище», «Гарюшки III, селище»; 5 – «Снегири I, селище»; 6 – «Троицкое I, селище»; 7 – «Шаква VIII, стоянка»; 8 – «Ирьяк I, селище»; 9 – «Осока III, селище»; 10 – «Имасы, могильник»; 11 – «Усть-Буб I, городище»

УДК 902.2

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-26-39-50

А.В. Данич

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА БЯНОВСКОМ I, МОГИЛЬНИКЕ В 2024 ГОДУ

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
Российская Федерация

Аннотация. Одним из интереснейших средневековых памятников Пермского Предуралья является Баяновский I, могильник, который находится рядом с деревней Бояново Добрянского городского округа Пермского края. Могильник изучался в 1951, 1953, 2005–2021, 2023–2024 гг. За 21 год исследований на площади 3 262,64 м² было изучено 538 погребений. Данная статья дает краткую характеристику работ 2024 г. и вводит в оборот одно из погребений данных исследований.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, погребение, Баяновский I, могильник, сабля, нож, пряжка, браслет, чекан, удила

A.V. Danich

FIELD RESEARCH AT BAYANOVSKY I BURIAL GROUND IN 2024

Perm State University of Humanities and Education, Perm, Russian Federation

Abstract. One of the most interesting medieval monuments of the Permian Urals is Bayanovsky I, a burial ground located near the village of Boyanovo in the Dobryansky Urban District of the Perm Territory. The burial ground was studied in 1951, 1953, 2005–2021, 2023–2024. Over 21 years of research, 538 burials were studied on an area of 3,262.64 sq. m. This article gives a brief description of the works of 2024 and introduces one of the burials of the research data.

Keywords: Permian Urals, burial, Bayanovsky I, burial ground, saber, knife, buckle, bracelet, chisel, bit

Одним из интереснейших средневековых памятников Пермского Предуралья является Баяновский I, могильник, который находится в 170 м к северо-западу от деревни Бояново Перемской сельской администрации Добрянского городского округа Пермского края, на правом берегу р. Исток, правого притока р. Вильвы, левого притока р. Косьвы, левого притока р. Камы, на гребне пологого холма, являющегося древним берегом реки Косьвы, в 2 км к юго-востоку от современного русла р. Косьвы.

Памятник был обнаружен весной 1951 г. при разработке карьера, из которого брали грунт для насыпи строящейся железной дороги Лёвшино – Кизел, которым была разрушена часть памятника.

В 1951, 1953 гг. на могильнике были произведены раскопки отрядом Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета под руководством В.А. Оборина. За период полевых работ было изучено 17 погребений, отнесенных к IX–X вв. [Оборин, 1953; Оборин, 1965].

В сентябре 2004 г. памятник был осмотрен сотрудником Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета В.В. Ильиных. Были обнаружены следы грабительских раскопок площадью около 1 500 м². Всего было насчитано 52 свежие грабительские ямы и более 40 старых. На поверхности грабительских ям был собран подъемный материал – около 200 находок.

В 2005–2021, 2023 гг. работы на могильнике были продолжены отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета под руководством А.В. Данича. Было исследовано 510 погребений, которые можно датировать IX – первой половиной X в. [Данич, 2007; Данич, 2016; Данич, 2020].

Данная статья посвящена кратким итогам полевых исследований 2024 г.

В этом году на памятнике было заложено 2 сектора (рис. 1). Сектор А занимал квадраты Я-Б'/7-12 условной сетки раскопок и примыкал с запада к сектору Б 2023 г. и с юга к сектору А 2017 г., секторам А-Б 2016 г. Общая площадь вскрытой поверхности составила 72 м².

На секторе было исследовано 5 погребений, расположенных в одном ряду, и одна грабительская яма. Ориентировка могильных ям разнообразна: 3 погребения ориентированы ССВ-ЮЮЗ, одно погребение СЗ-ЮВ и одно погребение ССЗ-ЮЮВ. Погребения продолжают ряд, идущий с запада на восток, раскопа 2021 г.

Сектор Б занимал квадраты В'-И'/16-18 условной сетки раскопок и примыкал с запада к раскопу 2021 г., сектору А 2023 г. и с юга к сектору Б 2023 г. Общая площадь вскрытой поверхности составила 71,14 м².

На секторе было исследовано 6 погребений, расположенных 4 рядами, 1 яма и 5 столбовых ямок. Ориентировка могильных ям: первый ряд – 1 погребение ССВ-ЮЮЗ; второй ряд – 3 погребения С-Ю; 3 погребения – 1 погребение ССВ-ЮЮЗ; 2 погребения СВ-ЮЗ; третий ряд – 1 погребение ССВ-ЮЮЗ; четвертый ряд – 1 погребение – С-Ю. Погребения продолжают ряды, идущие с запада на восток, раскопов 2017–2019, 2021, 2023 гг.

В ходе работ были исследованы останки 12 индивидов, происходящие из 7 погребений. Все кости плохой сохранности. В основном сохранились зубы или эмаль коронок зубов, некрупные фрагменты черепа, фрагменты длинных костей конечностей. Иногда в погребении фиксируется только тлен и очертания костей.

Шесть погребенных определены как юные индивиды до 25 лет. В пяти могилах кости принадлежат взрослым людям. Один ребенок, вероятно, умер в младенческом возрасте. Пол погребенных по антропологическим останкам не удалось определить ни в одном случае.

В большинстве погребений было захоронено по одному индивиду. В погребении № 533 были захоронены одновременно два человека. В погребении № 534 одновременно были похоронены 4 взрослых и ребенок.

Во всех могилах погребенные были уложены на спину, головой на север с небольшими отклонениями. Ноги выпрямлены.

На данном участке могильника можно отметить большое количество захороненных юных индивидов и наличие парного и коллективного погребений.

Сопровождающий погребения вещевой материал представлен топорами, наконечниками стрел, височными кольцами, ножами, бронзовыми подвесками, поясами с бронзовыми накладками и пряжками, стеклянными и каменными бусинами и др.

Погребения имеют овально-подпрямоугольную форму и отвесные или наклонные стени, плавно переходящие в ровное дно. Глубина могильных ям 0,60–0,71 м от поверхности.

Погребение совершено по обряду ингумации – в погребениях отсутствуют кальцинированные кости, прокалы, мощные углисто-зольные пятна. Следов огня нет и на украшениях.

Таким образом, судя по расположению инвентаря и остатков костяков в захоронениях, можно говорить о том, что погребенные лежали ногами к реке. Этот обряд захоронения умерших отмечен в Прикамье с эпохи раннего железа.

Остатки погребальных сооружений не обнаружены. Исходя из того, что случаев взаимопроникновений погребений на могильнике практически не обнаружено, можно предположить наличие наземных сооружений.

На присутствие культа коня указывают многочисленные находки костей и зубов данного животного. По мнению Е.П. Казакова, данное явление наиболее характерно для угорского мира [Казаков, 2001, с. 160].

В целом, основываясь на обряде погребения и вещевом материале, погребения, исследованные в этом году, можно датировать первой половиной X в.

Таким образом, за двадцать один год исследований Баяновского I, могильника на площади 3 262,64 м² было изучено 538 погребений.

Рамки данной статьи не позволяют рассмотреть подробно все 11 погребений, изученных в этом году, поэтому остановимся на вводе в научный оборот только одного мужского погребения № 532 (рис. 2–3, 5).

Данное погребение зафиксировано на квадратах Г'-Д'/16-17 в виде пятна неправильной прямоугольной формы, на материковом слое. Погребение ориентировано по линии ССВ-ЮЮЗ, зафиксировано на глубине 2,87–3,07 м от условного нуля раскопа. Его размеры 2,25 × 0,76 м, максимальная глубина -3,22 м от условного нуля раскопа (-0,68 м от поверхности). Дно ровное. Все стенки, кроме южной, вертикальные. Южная стенка плавно понижается ко дну погребения на протяжении 0,46 м.

В погребении обнаружено следующее.

1. Тлен черепа (гл. -3,08–3,09 м) (рис. 2). Найден в северной части погребения, почти на центральной линии.
2. Тлен серебряной маски на фрагменте меха (гл. -3,08 м) (рис. 2). Находился на тлене черепа погребенного, на уровне глаз. Вероятно, это была серебряная маска-наглазник с прямым нижним краем и овальным верхним.

3. Серебряное проволочное височное кольцо подтреугольной формы с многогранником на одном из концов (гл. -3,08 м) (рис. 2; 3/3). Найдено с правой стороны от тлена черепа, на уровне нижней челюсти. Тип Ж-5 по типологии височных украшений Баяновского I, могильника [Подосёнова, Данич, 2019, с. 51].

Данное изделие является сборным. Литой многогранник нанизан и припаян на один из концов проволочки. Место перехода проволочной основы к многограннику подшлифовано.

В немалом количестве аналогии проволочным украшениям подтреугольной формы с многогранником или утолщением в основании встречены в материалах поломской археологической культуры [Иванов, 1998, с. 201, рис. 19/3; Генинг, 1962, табл. I/5; Семёнов, 1988, с. 25–29, рис. 1/5; Сунгатов, 1993, с. 97].

В меньшем количестве они обнаружены в материалах булгарских памятников [Казаков, 1978, с. 17–19; Казаков, 1971, табл. XXI/31] и в материалах памятников Ветлужско-Вятского междуречья [Архипов, 1973, рис. 17/2].

На основе количественного анализа исследователи предполагали, что такие изделия являлись наиболее характерными для населения поломской археологической культуры в IX–X вв. или в конце VIII–IX вв. [Казаков, 1978, с. 17–19; Перевозчикова, 2009, с. 86], а памятники ломоватовской и неволинской археологических культур рассматривали как дальнюю периферию, на которую попадали лишь единичные экземпляры [Перевозчикова, 2009, с. 86]. Однако полевые археологические изыскания на памятниках ломоватовской археологической культуры, проводимые в последнее десятилетие, показывают практически равномерное распределение данных изделий как в материалах ломоватовской, так и в материалах поломской археологических культур.

4. Серебряное проволочное височное кольцо овально-подтреугольной формы (гл. -3,08 м) (рис. 2; 3/4). Датируется IX–XI вв. [Подосёнова, 2009а, с. 14]. Тип Ж-4 по типологии височных украшений Баяновского I, могильника [Подосёнова, Данич, 2019, с. 51]. В верхней части кольца сохранился фрагмент подвеса из тонкого кожаного ремешка. Кольцо находилось под нижней челюстью погребенного. Наблюдения при разборе погребений Баяновского I, могильника показали, что изделия могли не только пришиваться или нанизываться на основу головного убора, но и подвешиваться. В качестве подвесов использовались: кожаные ремешки, пришивавшиеся или завязывавшиеся на кольцо-дужку (погр. 6, 16, 33, 59, 60, 240, 247, 374); свитые кожаные шнурочки; кожаные тоненькие шнурочки, как свитые из двух нитей, так и одинарные, с нанизанными бронзовыми, каменными и стеклянными бусинами (погр. 276, 283, 392, 441). Украшения на подвесах располагались в погребении в районе остатков зубов или челюсти погребенного [Подосёнова, Данич, 2019, с. 52].

Проволочные височные кольца овально-подтреугольной формы встречаются на памятниках Пермского Предуралья VIII–XI вв.: Редикарском, Баяновском, Рождественском, Огурдинском могильниках [Подосёнова, 2009, с. 77], Питер (Степаново Плотбище) могильнике [Данич, 2017, с. 56–57, рис. 1/39, 43–45].

Аналогичные кольца известны в Удмуртском Предуралье: в Поломском I, Качкашурском, Мыдлань-шай, Тольёнском, Омутницком могильниках [Генинг, 1962, табл. I/1, 3; Иванов, 1998, с. 205, 247, рис. 23/15, 62/1; Семёнов, 1985, рис. 2/3]; в Сылвенском поречье: в Бродовском могильнике [Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXI/15]; в Ветлужско-Вятском междуречье, где они распространяются в IX–XI вв. [Никитина, 2002, с. 99–100]; в Нижняя Стрелка, Дубовском, Юмском могильниках [Никитина, 2002, с. 356, 392, рис. 24/13, 56/10–12; Архипов, 1973, с. 20, рис. 17/1, 3]; на территории Волжской Булгарии – в Танкеевском могильнике [Казаков, 1971, с. 136, табл. XXI, рис. 28].

Наибольшее количество и раннее появление овально-подтреугольных височных украшений, по сравнению с другими территориями, позволяет сделать вывод о том, что они являются наиболее специфичными для территории Прикамья. Этого же мнения придерживаются А.Г. Иванов и Т.Б. Никитина [Никитина, 2002, с. 99; Иванов, 1998, с. 67].

5. Сабля слабоизогнутая (гл. -3,08–3,16 м) (рис. 2; 3/5). Общая длина – 77 см, ширина клинка у рукояти – 30 мм, толщина клинка – 6 мм. Находилась с левой стороны погребенного. Вероятнее всего, была положена между рукой и телом погребенного, так же как и топор № 6.

Длина обоюдоострого окончания клинка – 14 см, толщина – 5 мм. Наличие обоюдоострого окончания приносило определенные плюсы в пешем бою, который преобладал в лесной зоне. При рубящем действии правая рука и правый бок оставались открытыми, в то время как при колющемся ударе тело оставалось защищенным. И, как правило, точечные ранения в грудь или живот оказываются смертельными, а сильные резаные раны имеют свойства зарастать. С прямой саблей, используемой в основном для колющих ударов, трудно обращаться, сидя на быстродвижущемся коне. Прямое лезвие теряет свою ценность по мере того, как перемещается по длинной плоскости, в то время как изогнутое лезвие объединяет все моменты в ударном центре, где изгиб наибольший. Также надо признать, что конному воину легче наносить удар «с оттяжкой», чтобы причинить противнику больше повреждений.

Максимальный изгиб сабли приходится на вторую треть, т.е. на среднюю часть клинка. Аналогии клинкам с изгибом до 1 см известны в погребениях Больше-Тиганского могильника, датирующегося концом VIII – первой половиной IX в., в Дмитриевском могильнике IX в. [Кочкаров, 2008, с. 26], в могильниках енисейских кыргызов этого же времени [Худяков, 1980].

Длина рукояти – 10 см, ширина – 2,5 см. Она является важным элементом сабли. Для ранних типов сабель отклонение рукояти к лезвию клинка было одним из главных формообразующих показателей, так как слабо искривленный однолезвийный клинок за счет наклона рукояти получил тот режущий эффект, который характерен для сабли. У нашей сабли наклон сильный и составляет 15°. К хвостовику рукояти прикреплялись две деревянные накладки.

Клинковое оружие несет в себе сочетание двух функций – поражение противника и отражение ударов. Последнюю функцию выполняет железное перекрестье. Перекрестье данной сабли прямое, брусковидное, размером 12 × 72 мм. Данная длина и толщина вполне достаточны для того, чтобы обеспечить ее выполнение, что косвенно свидетельствует об определенном развитии фехтовального искусства. Перекрестье выполняло защитную функцию – задерживало скольжение оружия противника по полосе клинка и не давало соскользнуть руке на клинок. Данный тип перекрестьй датируется IX–X вв.

Такие перекрестья встречены в Пермском Предуралье на Аверинском II, могильнике, Баяновском I, могильнике, Питер (Степаново Плотбище) могильнике, Рождественском городище [Данич, 2022, с. 124–125].

Данные перекрестья имеют многочисленные аналогии в древностях VIII–IX вв. [Кочкаров, 2008, с. 32; Худяков, 1986, с. 191–195; Крыганов, 1989, с. 101, рис. 2/1]. В большом количестве встречаются в алтайских материалах IX–X вв. [Кочкаров, 2008, с. 32];

6. Топор-чекан с узким продолговатым треугольным лезвием и молотковидным обушком (гл. -3,10 м) (рис. 2; 3/6). Поперечное сечение обушка круглое. Эти молотковидные обушки служили, помимо своего боевого назначения, противовесом к лезвию и способствовали более точному удару. Данный тип топоров датируется IX – нач. XI в. Находился с левой стороны погребенного, вероятнее всего, был положен между рукой и телом погребенного, так же как и сабля № 5.

При относительно большой массе и малой площади поражения чеканы имели значительную пробивную мощность. Чекан – универсальное оружие: мог использоваться в бою как против легковооруженного врага, так и против противника в защитном снаряжении. Основным его недостатком является то, что узколезвийные топоры могли легко застрять, что приводило к обезоруживанию воина. Во избежание этого лезвие максимально выдвигалось вперед и вниз или уменьшался угол насада топора [Святкин, 2001, с. 48].

В Восточной Европе чеканы появляются у скифов в VI в. до н.э. Позднее они встречаются у сармато-аланских племен и известны в раннесредневековых древностях Кавказа, Прикубанья и среднего Поволжья [Кирпичников, 1966, с. 33]. В VIII–IX вв. чеканы распространяются от Прикамья до Венгрии и Чехии. Они бытовали у мордовских племен Среднего Поволжья [Алихова, 1959, с. 24, рис. 4/7, 8; Иванов, 1962, табл. XXXIX/3], у Волжских Булгар [Измайлова, 1997, с. 77, 80], в Западном Поволжье [Кочкаров, 2008, с. 67], у чжурчжэней, киданей, енисейских кыргызов, алтайских тюрок, хазар, печенегов [Плетнёва, 1967, с. 158, рис. 43/21–25], калякуповцев [Соловьёв, 1987, с. 95], встречены в материалах Древней Руси [Алешковский, 1960, с. 73, рис. 1/6, 9; Кирпичников, 1966, с. 33].

В Пермском Предуралье аналогичные топоры обнаружены в погребениях 18, 53, 59, 67, 71, 107, 116, 128, 133, 140 Баяновского I, могильника Запоселье, могильнике Пыштайн, селище Вакино [Данич, 2015, с. 74].

7. Три разделителя ремня, выполненных из бронзовых колец. Сам кожаный ремень не сохранился. К ремню разделители крепились при помощи 2 железных прямоугольных пластин с приостренными краями размером 2 × 5,8 см (гл. -3,14 м) (рис. 2; 3/7). Пластины сильно окислены, поэтому невозможно установить точный способ крепления к ремню. Всего выделяются 4 зоны, каждая из которых имела в длину примерно 25–30 см. Два разделителя находились с боковых сторон поясного ремня, а один находился на задней стороне ремня. Разделители были снабжены третьей металлической пластиной (сохранилась у двух колец), к которым, вероятнее всего, были прикреплены свободно свисающие ремешки. Поясные кольца диаметром 3 см имеют круглое сечение дрота. Застегивался ремень при помощи пряжки № 8 (рис. 4).

Аналогичные пояса с кольцевыми разделителями встречены в могильниках Марийского Поволжья – с 3 кольцами в погр. 4 Выжумского могильника [Никитина, 2023, с. 41–43, рис. 12]; с 2 кольцами по бокам в погребении 45 Дубовского могильника [Никитина, 2023, с. 50–53, рис. 24]; с 3 орнаментированными кольцами в погребении 16 могильника «Нижняя стрелка» [Никитина, 2023, с. 79–83, рис. 50]; с 4 кольцами в погребении 5 Юмского (Загребинского) могильника [Никитина, 2023, с. 113–116, рис. 85].

8. Бронзовая пряжка с лировидной рамкой и узким прямоугольным приемником (гл. -3,14 м) (рис. 2; 3/8). Найдена в центральной части погребения. Являлась поясной пряжкой. Такие пряжки распространялись в Пермском Предуралье с IX в. [Голдина, 1985, табл. IX/1, 3–6, 9–12; Голдина, Кананин, 1989, рис. 70/11], известны на Рождественском могильнике [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 197/1–3, 7], Питер (Степаново Плотбище) могильнике [Данич, 2017, с. 52, рис. 2/1–4, 11–12].

Аналогичные пряжки известны на Большетиганском могильнике IX–X вв. [Казаков, 1992, рис. 20/104–105, 108], в курганах Южного Урала IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис. 42/6, 25; 47/16; Мажитов, 1993, рис. 4/276], в материалах IX–X вв. Варнинского могильника [Семёнов, 1980, табл. XI/3, 5, 10], на Тольянском могильнике в Удмуртии [Семёнов, 1988, рис. 2/1], в материалах мыдланьской стадии поломской культуры (конец VIII–IX вв.) [Голдина, 2004, рис. 177/4], в Верхне-Салтовском могильнике [Хоружая, 2009, рис. 10/3].

9. Нож с четкими уступами как со стороны лезвия, так и со стороны спинки (гл. -3,15 м) (рис. 2; 3/9). Находился у пояса с правой стороны погребенного.

10. Бронзовый восьмигранный дротовый браслет с прямосрезанными концами и тремя группами кружкового орнамента, расположенными на трех верхних гранях (гл. -3,14 м) (рис. 2; 3/10). Находился на правой руке погребенного.

Такие браслеты являются характерными для памятников Пермского Предуралья IX – начала XI в., известны в поломских могильниках IX–X вв. [Генинг, 1962, с. 42, табл. II/9; Иванов, 1998, рис. 19/9; Семёнов, 1980, табл. II/33–34; Семёнов, 1985, рис. 3/1–2; Семёнов, 1985а, рис. 13/3], раннебулгарских могильниках IX–X вв. [Казаков, 1992, рис. 22/18; 62/1–2; 73/43], в курганах Южного Урала IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис. 44/8; 56/5]. Браслеты, продолжающие традиционные раннебулгарские изделия ломоватовского происхождения, известны на булгарских памятниках X–XI вв. [Казаков, 1991, с. 122; Хузин, 1999, рис. 7/7–8], в могильниках Марийского Поволжья [Архипов, 1973, с. 144, рис. 31]. Во второй половине XI в. они выходят из употребления.

11. Тлен шкуры (гл. -3,15 м) (рис. 2). Находился на дне погребения, под вещевым материалом. Вероятно, выстилала дно гробовища.

12. Двусоставные удила с кольчатыми псалиями (гл. -3,20 м) (рис. 2; 3/12). Обнаружены почти на центральной оси погребения, ниже пояса. Вероятно, находились между ног погребенного.

Данные удила состоят из двух прямых грызел-звеньев. Они имеют подвижные одинарные трензельные кольца из дрота круглого сечения, продетые по одному в приемные кольца грызел и выполняющие одновременно функции псалиев и поводных колец. Такие удила использовались для туюзных, т.е. малочувствительных лошадей.

Данные удила соответствуют типам Г-І и Г-ІІ классификации Г.А. Фёдорова-Давыдова, по многочисленным аналогиям, широко датированным им IX–XIV вв. [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 18, 20]. Бесконечные новые аналогии подтверждают массовое распространение этих типов удила в разные периоды на обширной территории. Универсальность и популярность кольчатых удила отмечал А.Н. Кирпичников. В его классификации это тип IV, появляющийся на Руси в IX–X вв. и доминирующий в XII–XIII вв. [Кирпичников, 1973, с. 16–17, рис. 4/IV].

Кольчатые удила появились в Среднем Поволжье и Приуралье еще в первой половине I тыс. н. э. [Смирнов, 1952, с. 135, табл. XXXIII, 4].

Аналогии удила данного подтипа находим на городищах и селищах Волжской Булгарии X–XIII вв. и на памятниках Южного Урала XII – нач. XIII в. [Казаков, 1991, с. 103, рис. 36, 21–22; Руденко, 2000, с. 54, рис. 14, 21; Иванов, Кригер, 1988, рис. 16, 1–2].

13. Зуб лошади (гл. -3,14 м) (рис. 2). Обнаружен у юго-восточной стенки погребения. Вероятнее всего, находился в слое земли, которым заполнено погребение.

Судя по положению костей, покойный был уложен на спину головой на СВ.

Кости в погребении принадлежат взрослому человеку.

Погребение заполнено темно-коричневым суглинком. В верхней центральной части погребения имеется заполнение из темно-серого суглинка размером 0,38 × 1,17 м и глубиной до 0,12 м от уровня фиксации.

Благодаря работам 2024 г. была найдена еще одна граница памятника. На данный момент могильник почти полностью изучен. В 2025 г. работы на могильнике будут продолжены.

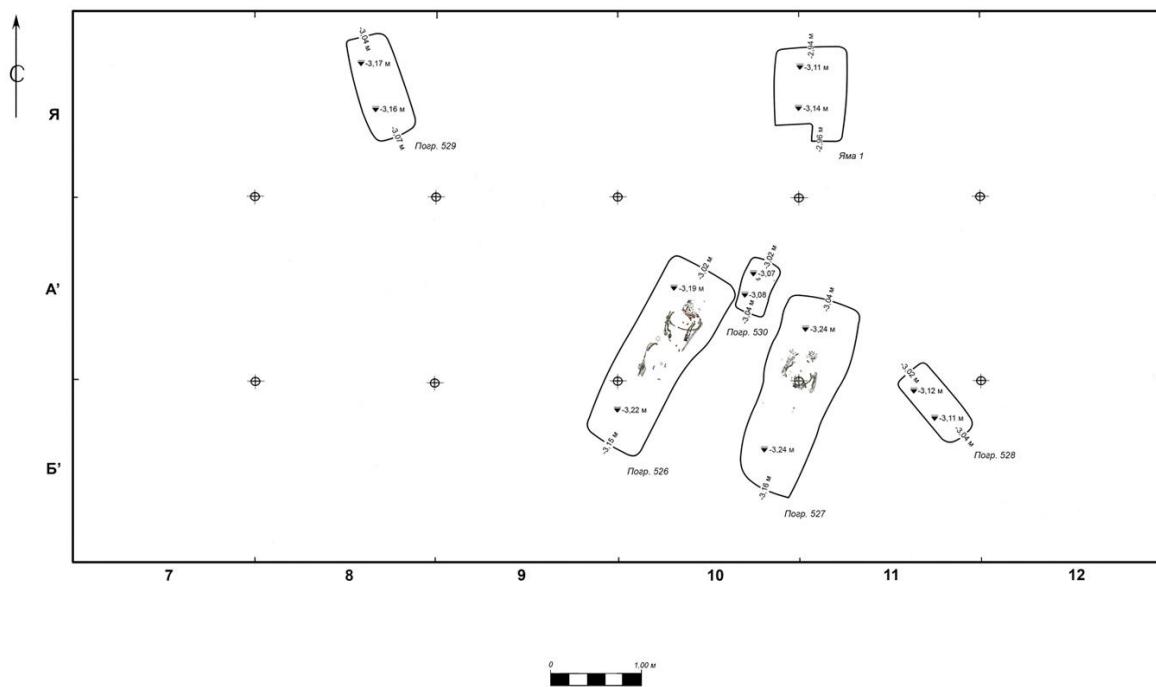
Библиографический список

1. Алецковский М.Х. Курганы русских дружиинников XI–XII вв. // Советская археология. – 1960. – № 1. – С. 70–90.
2. Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I – начала II тысячелетия н. э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. – Саранск, 1959. – С. 13–54.
3. Архипов Б.А. Марийцы IX–X вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во, 1973. – 200 с.

-
4. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь : ПГГПУ, 2008. – 603 с.
 5. Генинг В.Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. ВАУ. – Свердловск : УрГУ, 1962. – Вып. 3. – С. 7–111.
 6. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2004. – 422 с.
 7. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1985. – 280 с.
 8. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1990. – 174 с.
 9. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск : УрГУ, 1989. – 215 с.
 10. Данич А.В. Исследование могильников Баяновского I и Питер (Степаново Плотбище) в Пермском крае // Археологические открытия. 2018 год. – М. : Ин-т археологии РАН, 2020. – С. 356–360.
 11. Данич А.В. Исследования Баяновского могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XI. Противоаварийные исследования памятников археологии Пермского края. – Пермь : ПГГПУ, 2016. – С. 36–43.
 12. Данич А.В. История изучения Баяновского могильника // Доклады XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конференции (Пермь, ПГГПУ, 31 января – 4 февраля 2007 г.). – Пермь : ПГГПУ, 2007. – С. 22–26.
 13. Данич А.В. Классификация топоров Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. X. – 2015. – С. 71–124.
 14. Данич А.В. Сабли Пермского Предуралья // Военная археология : сб. материалов НИЦ. Вып. 7. – М. ; Тула : ИА РАН : Куликово поле, 2022. – С. 118–161.
 15. Данич А.В. Элементы поясной гарнитуры (ременные пряжки) Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная : сб. науч. тр. к 50-летнему юбилею Н.Б. Крыласовой. – Пермь : ПГГПУ, 2017. – С. 50–59.
 16. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск : УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 308 с.
 17. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – М. : Наука, 1988. – 91 с.
 18. Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. – Моршанск, 1962. – 232 с.
 19. Иванова М.Г. Новые исследования на Солдырском могильнике Чемшай // Погребальные памятники Прикамья. – Ижевск, 1987. – С. 4–25.
 20. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – нач. XIII в. – Казань ; Магадан, 1997. – 213 с.
 21. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1991. – 176 с.
 22. Казаков Е.П. Волжские болгары и угорский мир Урало-Поволжья // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. междунар. науч. конф. – Оренбург : ОГПУ, 2001. – С. 160.
 23. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М. : Наука, 1992. – 335 с.
 24. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М. : Наука, 1978. – 132 с.
 25. Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Северного Поволжья. – Казань, 1971. – С. 94–155.
 26. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // Свод археологических источников. – 1966. – Вып. Е-1-36. – 214 с.
 27. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Свод археологических источников. – 1973. – Вып. Е-1-36.

28. *Кочкаров У.Ю.* Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). – М. : Таус, 2008.
29. *Крыганов А.В.* Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1989.
30. *Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М. : Наука, 1981. – 164 с.
31. *Мажитов Н.А.* Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–IX вв.) // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа : УНЦ ИИЯЛ РАН, 1993. – С. 119–140.
32. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья. – Йошкар-Ола, 2002.
33. *Никитина Т.Б.* Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. – Будапешт, 2023. – 227 с.
34. *Оборин В.А.* Баяновский могильник на р. Косьве // Ученые записки ПГУ. – 1953. – Т. IX, вып. 3; Труды КАЭ. Вып. 1. – Харьков, 1953. – С. 145–160.
35. *Оборин В.А.* Памятники родановской культуры у с. Таборы // Краткие сообщения института истории материальной культуры. – 1965. – Вып. 65. – С. 107–118.
36. *Перевозчикова С.А.* Височные украшения Верхнего Прикамья конца IV–IX вв.: историко-генетический подход : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. – Ижевск, 2009.
37. *Плетнёва С.А.* От кочевий к городам. – М., 1967. – 198 с. – (МИА; № 142).
38. *Подосёнова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья : дис. ... канд. ист. наук : рукопись. – Казань, 2009.
39. *Подосёнова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья : автореф. дис. ... канд. ист. наук : на правах рукописи. – Казань, 2009а. – 26 с.
40. *Подосёнова Ю.А., Данич А.В.* Височные украшения Баяновского могильника ломоватовской археологической культуры // Археология евразийских степей. – 2019. – № 6. – С. 46–63.
41. *Руденко К.А.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. – Казань : НМРТ, 2000. – 155 с.
42. *Святкин С.В.* Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н. э. – Саранск, 2001.
43. *Семёнов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. – Ижевск : НИИ при СовМинУДАССР, 1980. – С. 5–135.
44. *Семёнов В.А.* Городище Весья-Кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов, 1985а.
45. *Семёнов В.А.* Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов : НИИ при СовМинУДАССР, 1985. – С. 92–118.
46. *Семёнов В.А.* Тольянский могильник IX – начала X в. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. – Ижевск : УДИИЯЛ УрО РАН, 1988. – С. 25–28.
47. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. – М. : АН СССР, 1952. – 276 с. – (МИА; № 28).
48. *Соловьёв А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск : Наука, 1987. – 192 с.
49. *Сунгатов Ф.А.* К вопросу о датировке Варнинского и Тольянского могильников // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа : УНЦ ИИЯЛ РАН, 1993. – С. 93–101.
50. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М. : МГУ, 1966. – 276 с.
51. *Хоружая М.В.* Катаомбные захоронения главного Верхне-салтовского могильника (раскопки 1984 г.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время : сб. науч. тр. / гл. ред. А.В. Евглевский. – Донецк : ДонНУ, 2009. – С. 259–294.
52. *Худяков Ю.С.* Вооружение енисейских кыргызов. – Новосибирск, 1980.
53. *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986.
54. *Хузин Ф.Ш.* Древняя Казань и проблемы ее возникновения // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. – Казань, 1999. – С. 196–226.

Сектор А

Сектор Б

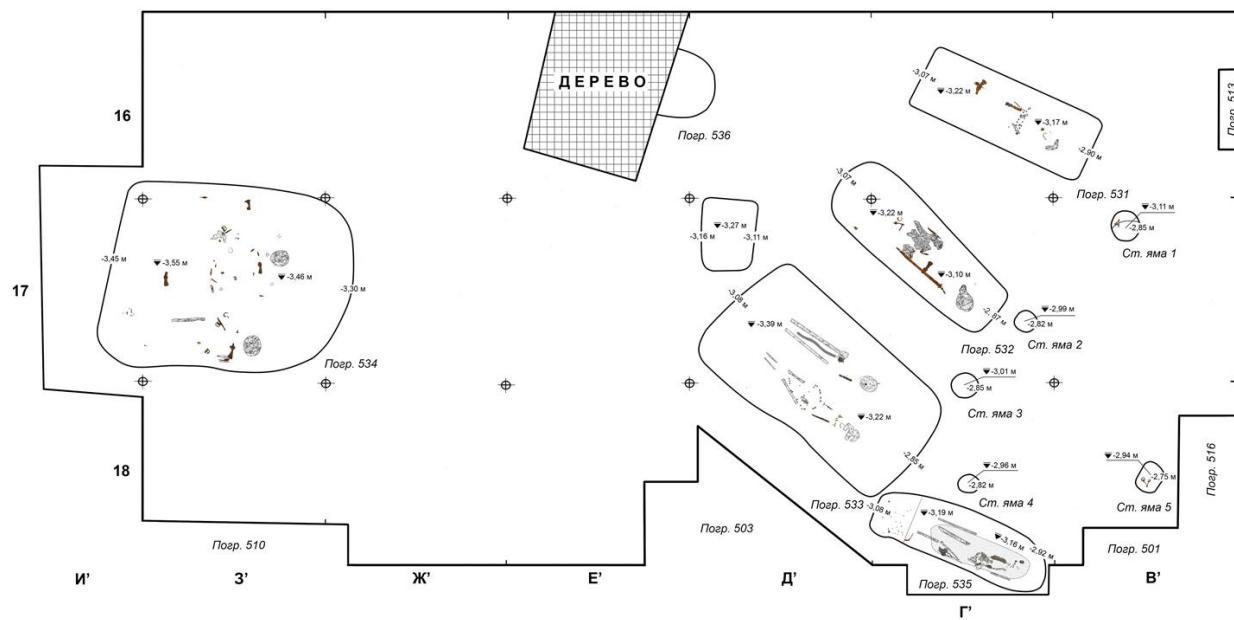
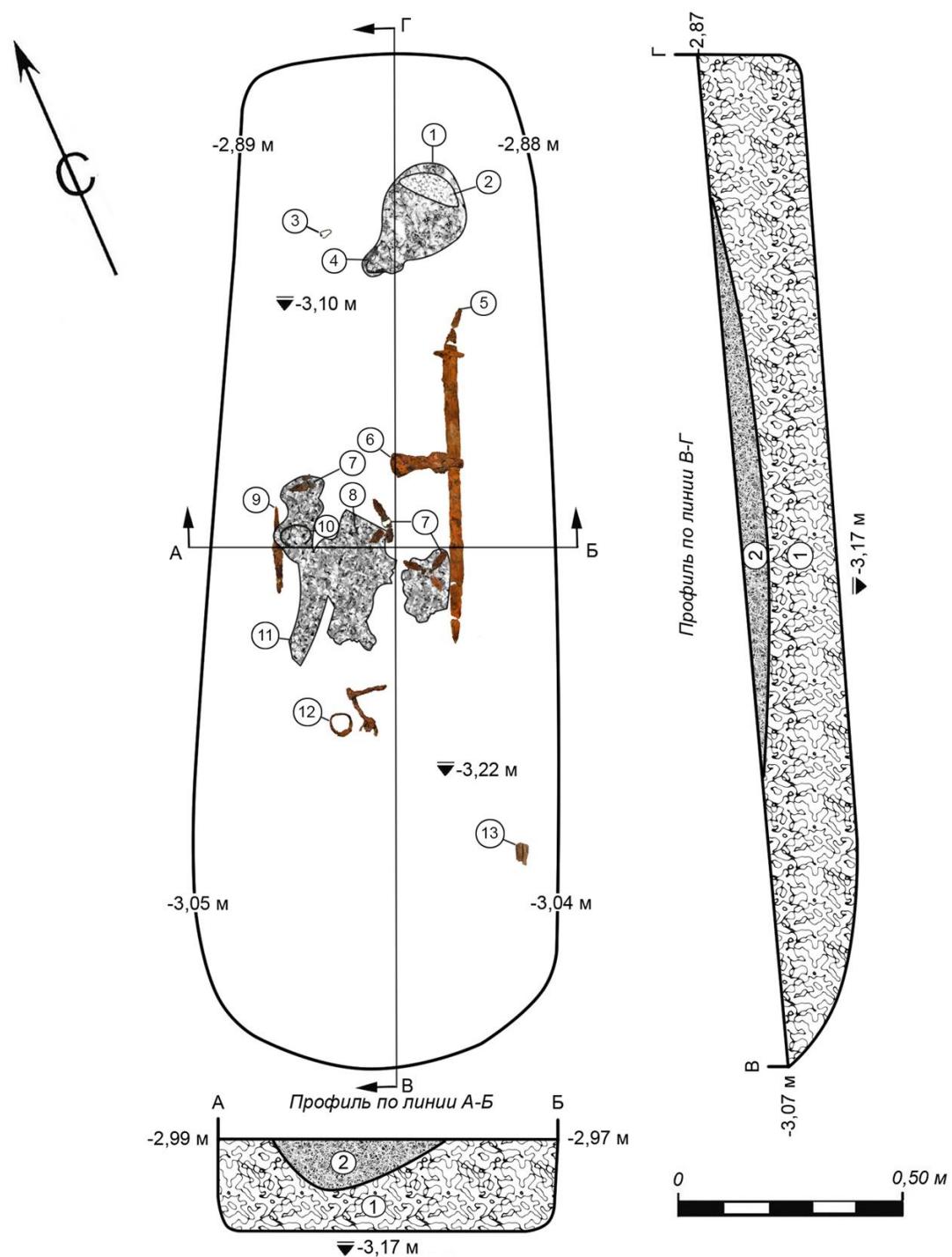

Рис. 1. Баяновский I, могильник. Раскоп I. Сектора А и Б 2024 г.

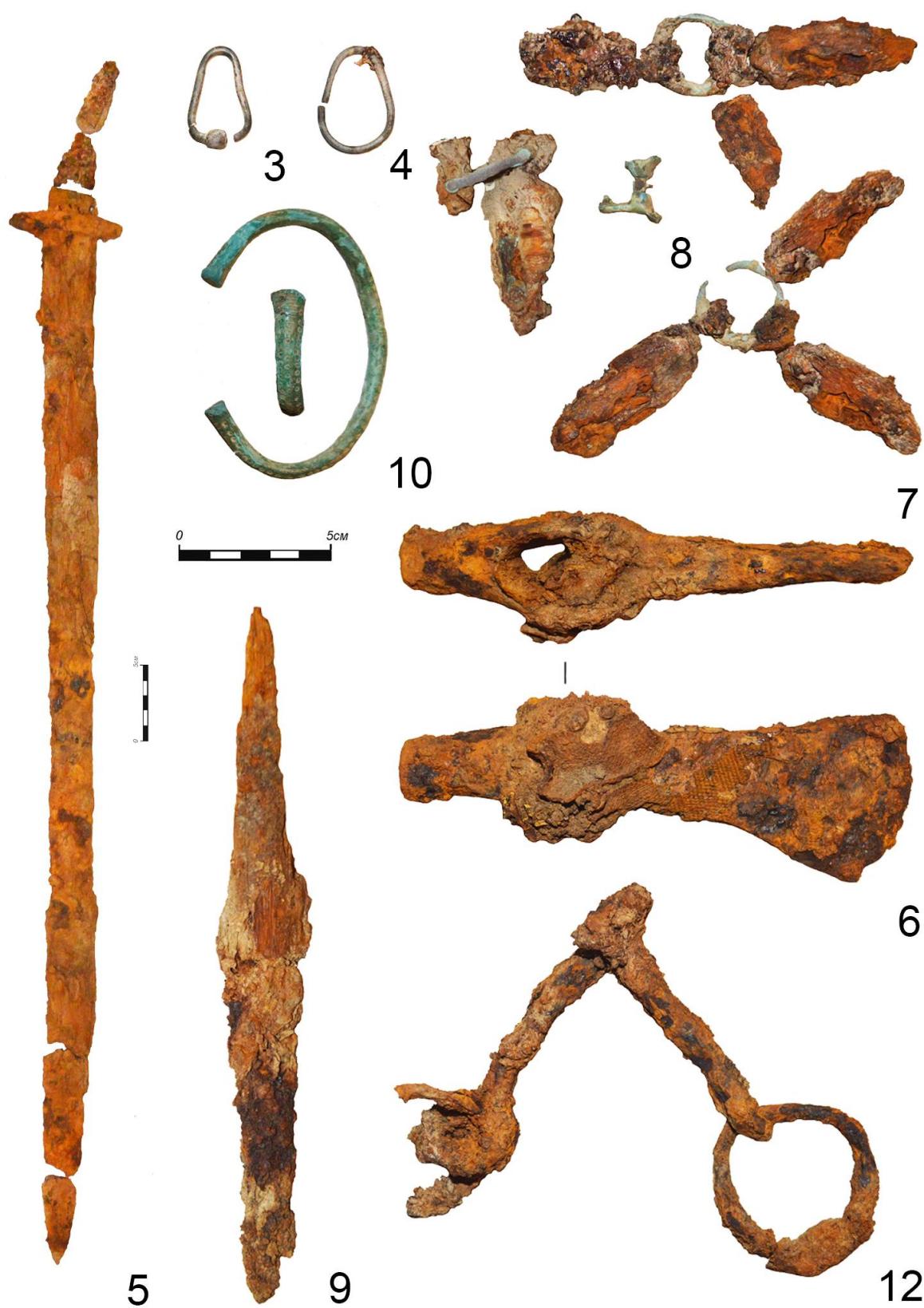

Рис. 3. Вещевой материал погребения № 532

Рис. 4. Реконструкция поясного ремня из погребения № 532

Рис. 5. Погребение № 532

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-26-51-57

М.К. Мингалева¹, М.Л. Перескоков¹, В.В. Мингалев², П.С. Козыякова¹
РОДАНОВСКИЙ ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС ТРОИЦКОГО ГОРОДИЩА
В ГОРОДЕ ЧЕРДЫНЬ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2024 ГОДА)

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Российская Федерация

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь,
Российская Федерация

Аннотация. Представлены краткие результаты спасательных археологических работ на объекте культурного наследия, памятнике археологии «Троицкое городище», расположенному в г. Чердынь. Раскопки проводились осенью 2024 г. отрядом Камской археологической экспедиции под руководством М.Л. Перескокова. Работы носили охранный характер, предваряя строительство смотровой площадки на территории памятника. Троицкое городище – многослойный памятник, относящийся к периоду существования в Прикамье ломоватовской и родановской культур (VII–XIV вв.), а также к более поздним процессам русской колонизации региона (XV–XVI вв.). В настоящей работе авторы presentуют часть материала из раскопок 2024 г., которая характеризует ранний период существования памятника. Историографический обзор предыдущих исследований городища также дается с акцентом на вещах, отнесенных исследователями к ломоватовской и родановской культурам. В 2024 г. на Троицком городище наряду с отдельными предметами впервые за все время исследований были найдены объекты, которые можно отнести к родановскому периоду. В трех ямах были найдены фрагменты лепных керамических сосудов, в том числе орнаментированные венчики с характерным для родановской культуры декором. Немногочисленный, но выразительный комплекс родановских вещей, найденный в 2024 г., укладывается в хронологические рамки от X до XIV в.

Ключевые слова: Троицкое городище, город Чердынь, археологические работы, раскоп, находки, родановская культура, культурный слой

M.K. Mingaleva¹, M.L. Pereskakov¹, V.V. Mingalev², P.S. Koz'yakova¹
ARTIFACTS BY RODANOVO PERIOD FROM TROITSKOYE HILLFORT
IN THE CITY OF CHERDYN (BY EXCAVATIONS IN 2024)

¹Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

²National Research University «High School of Economics», Perm, Russian Federation

Abstract. The article presents first results of rescue archaeological works at the archaeological site the Troitskoye hillfort in the city of Cherdyn. Excavations were carried out in the autumn of 2024 by a detachment of the Kamskaya archaeological expedition of Perm state university, led by M.L. Pereskakov. Troitskoye hillfort is dating back to the period of the Lomovatovo and Rodanovo cultures in the Kama region (9th–14th centuries), as well as to later processes of Russian colonization of the region (15th–16th centuries). In this work, the authors present part of the material from the 2024 excavations, which characterizes the early period of the site existence. A historiographical review of previous studies of the hillfort is also given with an emphasis on things attributed by researchers to the Lomovatovo and Rodanovo cultures. In 2024, at the Troitskoye hillfort, along with individual items, for the first time in the entire history of research, objects were found that could be

attributed to the Rodanovo period. Fragments of molded ceramic vessels were found in three pits, including ornamented parts with decor typical of the Rodanovo culture. The small but typical complex of Rodanovo items found in 2024 dates back to the 10th to 14th centuries.

Keywords: *Troitskoye hillfort, the city of Cherdyn, archaeological work, excavation, finds, Rodanovo culture, cultural layer*

В 2024 г. Камской археологической экспедицией проведены раскопки на Троицком городище в г. Чердынь. Целью работ являлось исследование культурных напластований на участке, отведенном под строительство смотровой площадки в рамках проекта благоустройства. Кроме раскопок была проведена переборка отвалов от разрушений, зафиксированных на площадке памятника. Повреждение культурного слоя на глубине 0,1–0,3 м произошло в результате расчистки для устройства туристической дорожки.

Троицкое городище расположено на высоком мысу правого берега р. Колвы. С севера и с юга площадка ограничена логами. В западной части фиксируется высокий вал.

Памятник является не только объектом археологического и культурного наследия, но и значимым компонентом туристической индустрии региона: благодаря историческому контексту (на городище располагался кремль г. Чердынь), удобному расположению (почти в центре города) и живописным видам (с высокого мыса открывается прекрасная панорама на долину р. Колвы и на гору Полюд) Троицкий холм стал центром притяжения туристов и местом для реализации различных проектов исторических реконструкций, музеефикации и благоустройства.

Выделяются три этапа функционирования площадки памятника: в качестве поселения местного автохтонного населения в VII–XIV вв., в качестве Чердынского кремля в XV–XVIII вв., как часть городского пространства с церковью и кладбищем в XIX в.

Несмотря на то что исследователи, проводившие на памятнике земляные работы, отмечали в своих научных отчетах находки вещей ломоватовской и родановской культур [Шмыров, 1973; Оборин, 1985; Корчагин, 2005, 2007; Головчанский, 2018, 2019], а в некоторых случаях стратиграфически выделяли дорусский культурный слой [Оборин, 1985; Корчагин, 2005], в историографии больше внимания уделено второму периоду функционирования городища. Это объясняется сильной разрушенностью ранних слоев из-за насыщенной строительной деятельности в последующие периоды и исследовательскими задачами археологических работ, которые часто состояли из необходимости локализации остатков Чердынского кремля для его реконструкции.

Результаты раскопок 2024 г. также показывают значительное разрушение раннего средневекового культурного слоя и, напротив, мощные напластования периода функционирования кремля.

Цель статьи – публикация материалов 2024 г., относящихся к раннему периоду Троицкого городища, а также краткая ретроспектива комплекса вещей ломоватовской и родановской культур, описанных предыдущими исследователями, для того чтобы актуализировать в научном поле раннюю историю памятника.

Первые упоминания о родановских находках мы встречаем в отчете И.А. Талицкой, с разведки которой в 1947 г. началась история археологического исследования Троицкого городища. Земляные работы она не проводила, датировка памятника была сделана по архивным данным и предметам, хранящимся в Чердынском музее: «...вал насыпан в XV–XVI вв. Вполне вероятно, что городище являлось в это время форпостом, охраняющим Чердынь. Но не исключена возможность, что оно существовало значительно раньше. Это подтверждается находкой на нем двух бронзовых подвесок XII в., хранящихся в Чердынском музее» [Талицкая, 1948, с. 2]. Подвески эти найдены на Троицкой горе при копании могилы на кладбище [Талицкий, 1953, с. 89].

В 1949 г. проведено повторное обследование памятника О.Н. Бадером и В.А. Обориным [Бадер, 1953, с. 16], в результате которого была найдена родановская керамика и кости рыб.

В 1972 г. на городище проведена разведка с земляными работами под руководством директора Чердынского краеведческого музея В.А. Шмырова. Тремя шурфами и траншеей, прорезающей вал, он исследовал 22 м². Целью работ было выявление точного местоположения строительных конструкций кремля в связи с предполагавшейся музееификацией Троицкого городища. В результате были выявлены местонахождение двух стен кремля (юго-западной и северо-западной), следы пожаров, устройство вала. В.А. Шмыров зафиксировал два разновременных культурных слоя, разделенных угольными прослойками. Нижний он датировал X–XII вв. по обломку топора и амулету из просверленной пястной косточки [Шмыров, 1973, с. 9]. Позднее, описывая результаты этих разведочных работ, следующий исследователь памятника – В.А. Оборин – интерпретирует найденные В.А. Шмыровым слои «как русский, так и родановский (последний очень тонкий, без находок типичной керамики)» [Оборин, 1985, с. 14].

В.А. Обориным были проведены первые раскопки на памятнике в 1984 г. Он заложил три раскопа: на северном склоне, в восточной части мыса и у подножия вала с напольной стороны, а также два шурфа. Общая площадь работ составила 160 м². Кроме очевидных слоев, относящихся к периоду существования Чердынского кремля, «обнаружен сохранившийся слой родановской культуры, ранняя дата которого ... восходит к IX в.». Керамика и вещи родановской культуры IX–XV вв. найдены им в слое светло-серого суглинка, который местами был разрушен углистыми прослойками. Мощность слоя составляла 0,12–0,3 м [Оборин, 1985, с. 32, 44]. В кабинете археологии ПГНИУ в коллекции 1984 г. (№ 1432) хранится 11 фрагментов лепной керамики, в том числе венчик с гребенчато-кружковым орнаментом по шейке и отступающим гребенчатым штампом по венчику. Большую часть лепной керамики В.А. Оборин отнес к лаврятскому этапу родановской культуры (IX–XI вв.), а венчик – к рождественскому (XII–XIV вв.) [Оборин, 1985, с. 39]. Также в родановском слое найдены: костяной наконечник копья, заготовка костяного наконечника стрелы с ромбическим сечением, ожерелье из просверленных позвонков рыб, костяной амулет из просверленного клыка медведя, железное тесло с несомкнутой втулкой, три керамических пряслица, кресало, продатированное В.А. Обориным XIV–XVI вв., железная душка от котелка, железный фигурный пружинный замок булгарского типа в виде стилизованной фигурки коня, четыре рукояти для ножей, медная оковка ножен железного кинжала из согнутого листа меди, отнесенная В.А. Обориным к IX–X вв., крупная колоколовидная гладкая пронизка и голубая стеклянная бусина с желтыми глазками, датируемые им не позднее IX в.,строенная трубчатая пронизка с ребристой поверхностью из белого сплава, круглая бусина с рельефным орнаментом и бусина из непрозрачного стекла с крупными глазками, датируемые им не позднее XII в. [Оборин, 1985, с. 39–43].

В 2004 и 2006 гг. раскопки на памятнике произвел П.А. Корчагин. Всего за два года работ было исследовано 295 м². В результате было определено место одной из кремлевских башен, изучены остатки фундамента храмового крыльца Троицкой церкви, а также каменной вымостки площадки перед папертью и восточная часть колокольни. Обнаружены погребения кон. XVIII – нач. XIX в. [Корчагин, 2005, с. 5, 55]. Самый ранний слой памятника датируется П.А. Корчагиным по находкам VII–XV вв., в том числе по типичным фрагментам родановских украшений. Одна из пронизок в виде крылатого пса относится к VII в. [Корчагин, 2005, с. 15, 20]. Несколько железных ножей П.А. Корчагин относит к родановской эпохе [Корчагин, 2005, с. 26]. К ранним находкам он относит: калачевидное кресало, фрагмент пластинчатого браслета, колчанный якорьковый крючок, фрагмент серьги, металлические бусины, бубенчик, кубическую янтарную бусину, сердоликовую шаровидную бусину [Корчагин, 2005, с. 27, 31]. А вот родановская керамика в раскопках П.А. Корчагина представлена всего двумя фрагментами, что заставило его сомневаться в жилом характере Троицкого городища [Корчагин, 2007, с. 16].

В 2017–2018 гг. раскопки на Троицком городище проводил Г.П. Головчанский. За два года было исследовано 136 м². В результате выявлены следы сгоревших построек, которые автор раскопок с осторожностью относит с кремлевской стеной, а также погребения кон. XVIII – нач. XIX в. Ни ломоватовский, ни родановский слои Г.П. Головчанский стратиграфи-

фически не выделяет, но находки, характеризующие эти культуры, были им найдены: шумящая подвеска, прядица, бусы, пронизка, щипчики, привеска-колокольчик и 12 фрагментов (5 из которых венчики) лепной керамики, которая была им датирована лаврятским и рожденственским этапами родановской культуры [Головчанский, 2018, 2019].

Стратиграфия раскопа 2024 г. преимущественно состоит из строительных ярусов, относящихся к Чердынскому кремлю и к хозяйственной деятельности в Новое и Новейшее время: напластования XX в.; верхний строительный ярус XVII–XIX вв. в основном прослежен остатками сгоревших построек; нижний строительный ярус XVI–XVII вв. связан с функционированием Чердынского кремля, который был полностью разобран в XVII в. Наиболее детально его стратиграфию удалось изучить на восточных участках раскопа, где зафиксированы остатки стены Чердынского кремля и прилегающая к ней постройка с остатками печи-горна. Конструкция стены представляла собой «городни» – срубы, засыпанные землей. С внутренней стороны к стене пристраивались хозяйственные постройки. Весь комплекс этих сооружений относится к XVI в. Вероятно, пожар, уничтоживший данный участок стены и постройку, можно также датировать этим временем, так как самые поздние монеты на этом участке относятся к эпохе правления Ивана IV, до венчания на царство 1533–1547 гг.

Слои раннего периода сильно разрушены, но все же были нами зафиксированы. Их сохранность в связи с сильнейшим антропогенным воздействием на площадку памятника в период создания Чердынского кремля и дальнейшего освоения в Новое время крайне неудовлетворительна. В связи с чем у некоторых исследователей возникла гипотеза, согласно которой городище не было жилым, а выполняло функции святилища, так как в ходе раскопок не было найдено объектов, связанных с родановской культурой, а лишь отдельные находки. Сплошной слой родановского времени на исследованных нами участках действительно практически отсутствует, что не удивительно ввиду плотной застройки его как в XVI в., в период Чердынского кремля, так и в более позднее время. Тем не менее в раскопе 2024 г. впервые за всю историю исследования Троицкого городища нами были найдены несколько ям, которые относятся к объектам родановского периода. Наиболее интересным объектом является яма на участке С/71, частично уходящая в северо-восточную и юго-восточную стенки раскопа. Стратиграфия на этом участке аналогична описанной в раннем строительном ярусе, так как на нем проходит край постройки, прилегающей к стене кремля. На уровне дна постройки на угловом участке фиксировалось крупное пятно прокала. Первоначально складывалось ощущение, что это часть прокала – от развалин самой постройки, когда же она была разобрана, стало понятно, что в ходе пожара прокалился более ранний слой заполнения ямы, на котором впоследствии была возведена более поздняя постройка. Вещевой материал ямы состоит из 22 фрагментов лепной керамической посуды, в том числе двух венчиков, орнаментированных гребенчатым штампом (рис. 1/2, 7), и орнаментированной стенки (рис. 1/9). Яма была выкопана в известняковой толще, заполнена желто-серым суглинком.

Еще два объекта, заглубленные в материк, также можно отнести к родановскому периоду. В столбовой яме № 2 найдены три фрагмента лепных керамических сосудов, один из которых – орнаментированный венчик (рис. 1/4). При разборе столбовой (?) ямы № 15, которая была выявлена после полного разбора конструкции печи, найдено три фрагмента лепных орнаментированных керамических сосудов: два фрагмента стенок с гребенчатым штампом (рис. 1/3, 8) и один венчик с гребенчато-кружковым орнаментом (рис. 1/5).

Еще два фрагмента – орнаментированные стенка (рис. 1/6) и венчик (рис. 1/1) – были найдены не в объектах, а при зачистке последнего горизонта на участке П/74. Всего нами найдено 32 фрагмента керамики родановской культуры. Формовочная масса керамики имеет традиционный состав теста для Прикамья: глина + шамот + растительные примеси + ракушка. Встречается как сильно толченая ракушка, так и крупная. Вся лепная керамика имеет среднюю толщину стенок. У всех венчиков орнаментирован срез, в трех случаях – отступающим гребенчатым штампом и в одном – перпендикулярными вдавлениями. Плечико и верхняя часть турова орнаментированы рядом ямок, наколотых трубча-

той птичьей косточкой, линиями, выполненными гребенчатым штампом, прокаткой гребенчатого штампа, отступающим гребенчатым штампом и наклонным гребенчатым штампом внутри гладкого штампа.

Кроме керамики к вещевому комплексу родановской культуры относятся 11 предметов (рис. 1/10–20), датируемых по материалам прикамских и зауральских памятников.

Коническая колоколовидная пронизка с «поясками» на тулове (рис. 1/14) широко представлена в материалах позднего этапа родановской культуры (Плотниковский могильник) и могильников вымской культуры (Жигановский, Вымский и Кичилько-сийский могильники) [Крыласова, Брюхова, 2017, с. 137; Савельева, 2010, с. 83–84; Савельева, 1987, с. 89; Савельева, 2019, с. 28, рис. 23, 10]. Может быть датирована XII–XIV вв.

Пронизка-птичка от шумящей подвески. Имеет дутое туло и обрамление гладким пояском, в передней части основы поперек продольной оси туло припаяны два разомкнутых ушка для крепления цепочек, головка сделана схематично, с двумя ушками («рожками»), шейка украшена спиралевидными валиками вдоль оси (рис. 1/15). Датируется XII–XIV вв. по большому количеству аналогий с памятников Прикамья, северо-востока России и Западной Сибири [Вострокнутов, 2020, с. 93–96].

Поясная выпуклая «геральдическая» накладка без прорези в виде перевернутого «варяжского» (?) геральдического щита с растительным бабочковидным орнаментом (рис. 1/13). Аналогичные накладки широко представлены в материалах лаврятского этапа родановской культуры (Рождественский археологический комплекс, Гырчиковское городище, Агафоновский II и Огурдинский могильники) и датируются кон. X – XI в. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 414; Мельничук, Головчанский, Скорнякова, 2018, с. 279, 287; Голдина, Ютина, 2012, с. 470; Белавин, Крыласова 2012, с. 155, рис. 65, 22–24].

Пронизка с двумя прорезными вздутиями (рис. 1/11) характерна для памятников лаврятского этапа родановской культуры (Рождественский археологический комплекс, Огурдинский могильник) и вымской культуры, датируется кон. X – XII в. [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 141, 11; Белавин, Крыласова 2012, с. 145, рис. 62, 34–36; Археология …, 1997, рис. 18, 21].

Крупная граненая бипирамидальная усеченной формы хрустальная бусина (рис. 1/10) представлена на памятниках родановской и вымской культур. Исследователи склоняются к датировке данного типа хрустальных бус XII в. [Савельева, 2010, с. 82, рис. 319, 56; рис. 63, 182б; Абдулова, 2001, с. 43–44; Голдина, Королева, 1983, с. 61], хотя стоит отметить, что менее крупные хрустальные бусы такого типа могут быть датированы и более ранним временем (VII–VIII вв.) [Голдина, 2010, с. 45].

Перстень с прямоугольным щитком (рис. 1/20). Похожий тип перстней представлен на памятниках родановской и вымской культур [Савельева, 2019, с. 21, рис. 20; Крыласова, Брюхова, 2017, с. 117, рис. 92] и может быть датирован XI–XIV вв., хотя орнамент их довольно разнообразен и точной аналогии найти не удалось. Декор в виде переплетения лент и геометрических узоров выполнен с помощью гравировки, с чернением и золочением.

Фрагмент умбоновидной подвески (рис. 1/18) датируется IX–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 376].

Привеска-бубенчик с одной прорезью имеет широкие аналогии и датировку от VIII до XIV в. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 403].

Наконечник ремня с верхним концом в виде «ласточкина хвоста», закругленным нижним концом, двумя круглыми выемками в центральной части и волнистым бордюром по краю датируется XI–XII вв. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 426].

Представленный вещевой комплекс укладывается в рамки от X до XIV в.

Дальнейший анализ всех найденных на городище материалов, относящихся к его ранней истории, поможет в изучении Троицкого городища не только как форпоста русской колонизации, но и как памятника средневековых культур Прикамья.

Библиографический список

1. *Абдулова С.И.* Бусы могильника Огурдино // Труды КАЭЭ. Вып. 1-2. – Пермь : ПГГПУ, 2001. – С. 42–46.
2. *Археология республики Коми.* – М. : ДиК, 1997. – 758 с.
3. *Бадер О.Н.* Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947–1952) // Ученые записки Молотовского государственного университета им. А.М. Горького. – 1953. – Т. IX, вып. 3. – С. 3–88.
4. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь, 2008. – 603 с.
5. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Огурдинский могильник. – Пермь : ПГГПУ, 2012. – 259 с.
6. *Вострокнутов А.В.* Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV века нашей эры: культурно-хронологическая и технологическая идентификация. – СПб. : Матмов, 2020. – 327 с.
7. *Голдина Е.В.* Бусы могильников неволинской культуры (кон. IV–XI вв.). – Ижевск, 2010. – 264 с.
8. *Голдина Р.Д., Королева О.П.* Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 1983. – С. 40–72.
9. *Голдина Р.Д., Ютина Т.К.* О датировке и хронологии комплекса Агафоновского могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция : материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск : УдГУ, 2012. – С. 447–472.
10. *Головчанский Г.П.* Отчет о раскопках на памятниках археологии «Мелехино I, могильник» и «Троицкое городище» в Чердынском районе Пермского края в 2017 году. В 2 т. – Пермь, 2018. – Т. 1 : 93 с. : 215 ил. ; Т. 2 : 183 ил. // Архив Кабинета археологии ПГНИУ.
11. *Головчанский Г.П.* Отчет о раскопках на памятнике археологии «Троицкое городище» в г. Чердынь Чердынского района Пермского края в 2018 году. – Пермь, 2019. – 57 с. : 138 ил. // Архив Кабинета археологии ПГНИУ.
12. *Корчагин П.А.* Отчет об археологических исследованиях на Троицком городище в г. Чердыни и на городище-святилище Искор в Чердынском районе Пермской области в 2004 году. – Пермь, 2005. – 58 с. : 154 рис. : 10 прил. // Архив Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края. Ф. 3. Оп. 2. Д. 152.
13. *Корчагин П.А.* Отчет об охранных археологических исследованиях на памятниках археологии «Троицкое городище» и «Чердынь. Посад. Культурный слой» в г. Чердыни, «Пермь губернская. Поселение. Исторический культурный слой» в г. Перми в июне-августе 2006 г. – Пермь, 2007. – 47 с. : 87 ил. : 2 л. прил. // Архив Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края. Ф. 3. Оп. 2. Д. 204.
14. *Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г.* Плотниковский могильник. – Пермь : ПГГПУ, 2017. – 259 с.
15. *Мельничук А.Ф., Головчанский Г.П., Скорнякова С.В.* Гырчиковское (юсьвенское) городище – памятник родановской культуры в бассейне р. Иньва // Труды КАЭЭ ПГГПУ. – Вып. XIV. – Пермь, 2018. – С. 274–287.
16. *Оборин В.А.* Отчет о раскопках в г. Чердыни Пермской области в 1984 г. – Пермь, 1985. – 45 с. : 31 л. ил. // Архив Кабинета археологии ПГНИУ.
17. *Савельева Э.А.* Вымские могильники XI–XIV вв. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 200 с.
18. *Савельева Э.А.* Жигановский могильник. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2010. – 456 с.

19. Савельева Э.А. Кичилькоуский I могильник XI–XIII вв. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2019. – 232 с.
20. Талицкая И.А. Отчет о работе Чердынского отряда Камской археологической экспедиции в 1947 году. – М., 1948 // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Р-1. Д. 159. Л. 26.
21. Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 27. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Выпуск III. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – С. 33–96.
22. Шмыров В.А. Отчет о разведочных работах на территории Троицкой горы г. Чердыни в 1972 году. – Пермь, 1973. – 11 с. : 7 с. ил. // Архив Кабинета археологии ПГНИУ.

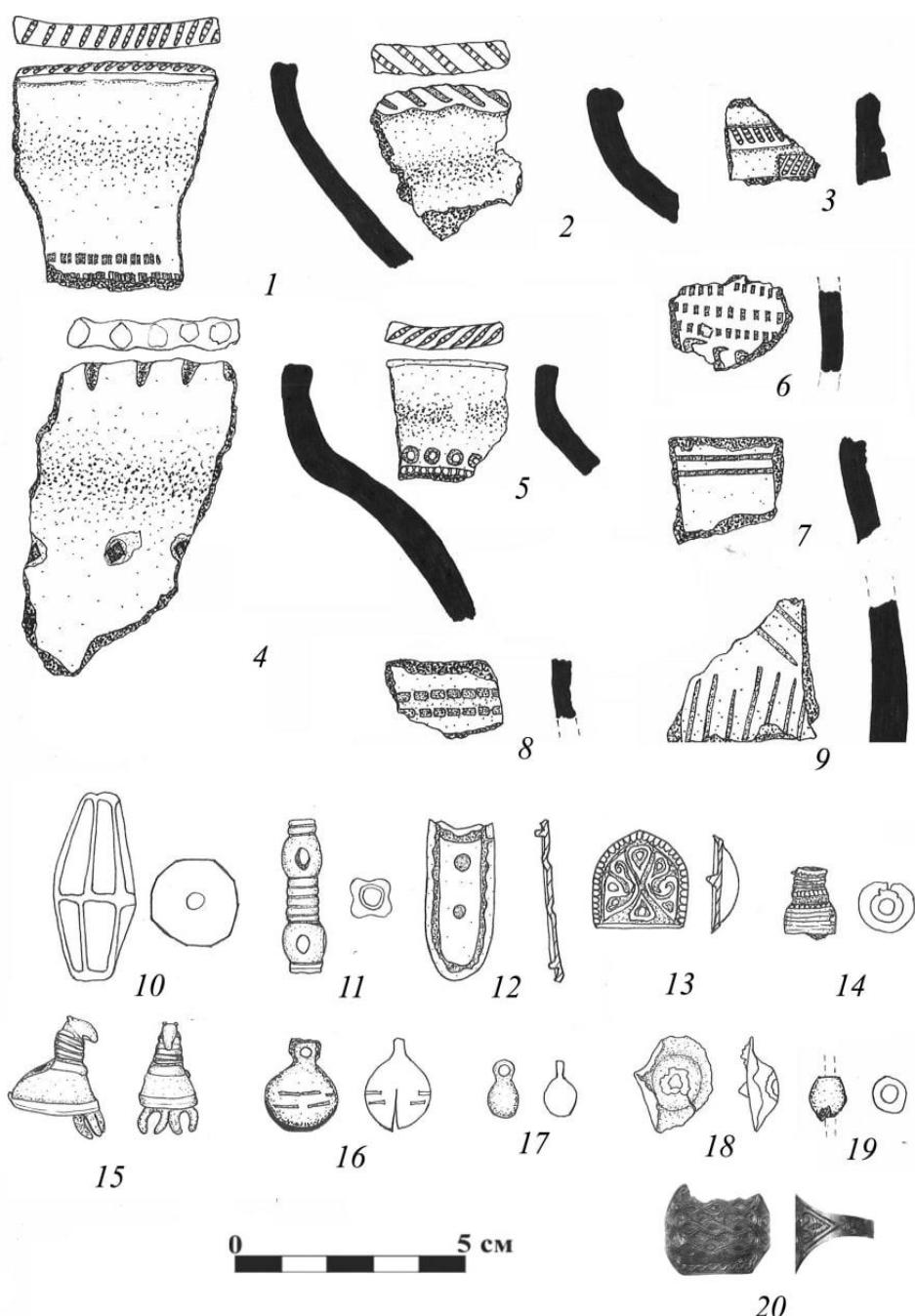

Рис. 1. Вещевой комплекс предметов родановской культуры:
1–9 – керамика; 10–20 – металл

УДК 903.222

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-26-58-64

А.А. Можаева

КАМЕННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ С ПАМЯТНИКОВ ЮРТИКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА (КАМСКО-ВЯТСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ)

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
Российская Федерация

Аннотация. Представлен анализ каменных наконечников с памятников юртиковской культуры эпохи энеолита, расположенных в пределах Камско-Вятского региона. В ходе работы был проведен типологический анализ, а также дано описание сырья, вторичной обработки, метрических параметров, пропорций. В результате было изучено 100 экземпляров наконечников и их фрагментов с восьми памятников. Для изготовления наконечников характерно применение технологии бифасиального расщепления. Большинство орудий имеют листовидную форму с округлым либо приостренным основанием. Реже встречаются изделия иволистных, ромбических и черешковых форм. На памятниках единично представлены треугольные и пятиугольные наконечники. Наконечники с округлым/приостренным основанием преобладают над наконечниками с усеченным основанием, отсутствуют орудия с вогнутым основанием. Среди изделий доминируют экземпляры широких форм, для большинства из них характерна длина до 3,5 см, ширина до 1,5 см и толщина до 0,4 см. Результаты сравнительного анализа наконечников юртиковской и гаринской культур показывают, что определение юртиковской культуры как локального варианта гаринской культуры является возможным. Полученная в ходе исследования информация требует дальнейшего понимания и осмысливания.

Ключевые слова: каменные наконечники, технология вторичного бифасиального утончения, типология, энеолит, юртиковская культура, Камско-Вятское междуречье

А.А. Mozhaeva

STONE ARROWS FROM SITES OF THE YURTIKOV CULTURE OF THE CHALCOLITHIC (KAMSKO-VYATKA INTERFLUVE)

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of stone arrows from the sites of the Yurtikov culture of the Chalcolithic, located within the Kama-Vyatka region. In the course of the work, a typological analysis was carried out, as well as a description of raw materials, secondary processing, metric parameters, and proportions. As a result, 100 specimens of arrows and their fragments from eight sites were studied. The production of ferrules is characterized by the use of bifacial cleavage technology. Most implements have a leaf-shaped shape with a rounded or pointed base. Willow-leaved, rhombic, and petiole-shaped arrows are less common. Triangular and pentagonal arrows are rarely represented on the sites. Arrows with rounded/pointed bases predominate over truncated bases, and there are no implements with concave bases. Wide-shaped specimens dominate among the products, most of them are characterized by a length of up to 3,5 cm, a width of up to 1,5 cm and a thickness of up to 0,4 cm. The results of a comparative analysis of the arrows of the Yurtikov and Garin cultures show that the definition of the Yurtikov culture as a local variant of the Garin culture is possible. The information obtained during the research requires further understanding and reflection.

Keywords: stone arrows, technology of secondary bifacial thinning, typology, Chalcolithic, Yurtikov culture, Kama-Vyatka interfluvе

Введение

Энеолитический период на территории Камско-Вятского междуречья представлен памятниками юртиковской культуры. Археологическое изучение энеолита данного региона производилось Т.М. Гусенцовой, Р.Д. Голдиной, Л.А. Наговициным и Н.П. Девятовой (Карповой), под руководством которых было изучено около 40 памятников юртиковской культуры [Наследие народов Прикамья ..., 2012, с. 14]. Сопоставление кремневых и керамических комплексов энеолитических культур Прикамья (схожесть в материальной культуре, близость к гаринской общности) привело исследователей к выводу о том, что юртиковская культура является собой локальный вариант гаринской культуры в пределах удмуртского Прикамья [Можаева, 2023б, с. 169].

Несмотря на появление первых медных изделий в эпоху энеолита, основная масса орудий по-прежнему представлена предметами из камня. Для каменной индустрии юртиковских комплексов характерно изготовление орудий на отщепах из серого кремня. В орудийном наборе распространены наконечники стрел и копий, скребки, ножи, шлифованные орудия, скобели, проколки, сверла, отбойники, грузила, ретушеры [Наговицин, 1987, с. 32–33].

Как для энеолитических памятников региона, так и для памятников сопредельных территорий свойственно широкое распространение каменных наконечников различных форм, выполненных в рамках технологии бифасиального расщепления. Этот признак является характерной чертой эпохи энеолита [Можаева, 2024б, с. 88–89], поэтому на данный момент важным становится тщательное изучение различных категорий бифасиальных орудий, в первую очередь наконечников.

Целью данной работы является проведение подробного анализа каменных наконечников с энеолитических памятников Камско-Вятского междуречья, введение их в научный оборот, а также обобщение и систематизация имеющейся информации по наконечникам юртиковской культуры. Предварительные результаты исследования были освещены ранее [Можаева, 2023б; Можаева, 2024а].

Материалы и методы

В процессе работы с археологическими коллекциями памятников юртиковской энеолитической культуры, находящихся на хранении в фондах Удмуртского государственного университета (УдГУ) и Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН), нами было изучено 100 изделий с восьми памятников: Усть-Лудяна II (38 экз.), Чернушка I (2 экз.), Чернушка II (17 экз.), Усть-Курья (20 экз.), Усть-Криуши (1 экз.), Моторки II (3 экз.), Лобань I (3 экз.), Арбажский Льнозавод (16 экз.). Целые формы составляют 98 экз., 2 экз. отнесены к фрагментам (острия).

Анализ наконечников проводился по предложенной нами методике [Можаева, 2023а, с. 62–63; Можаева, Лычагина, 2022, с. 32–34]. Основным методом исследования был выбран типологический, он подразумевает описание внешних признаков изделий и характера технологии изготовления. Выделяются группы (I – бесчерешковые, II – черешковые), типы (1 – листовидные, 2 – иволистные, 3 – треугольные, 4 – ромбические, 5 – пятиугольные), виды (с округлым (1.1, 4.1), усеченным прямым (1.3, 3.3, 4.3, 5.3), усеченным скошенным (1.4, 5.4) и приостренным (1.5, 2.5, 3.5, 4.5) основанием). Внутри типологии выделяются варианты (в составе видов) по признаку вторичной обработки (1.1-б, 4.1-б, 1.5-б). В процессе изучения отдельное внимание акцентировалось на характеристике метрических параметров, пропорций, вторичной обработки, формы продольного и поперечного сечения изделий [Можаева, 2024б, с. 90].

Результаты исследования

Ведущую роль в изготовлении наконечников играл кремень преимущественно серых и темных оттенков (98 экз. – 98 %), лишь 2 наконечника были изготовлены из светлого окремнелого известняка (2 %). В качестве заготовок для изготовления наконечников могли использоваться отщепы, случайные сколы, отдельности сырья, плитки, уплощенные гальки. Только у 16 экз. удалось определить изначальную форму заготовки – отщеп.

Производство орудий происходило в процессе технологии вторичного бифасиального утончения, по ходу которой первоначальная форма заготовки изменяется и перерабатывается – создается бифасиальное ребро и формируется линзовидная форма в сечении. В связи с этим затруднительно определить, какая именно применялась заготовка. В ходе вторичного утончения происходит выравнивание поверхности изделия, серийное снятие сколов и отжим чешуек, осуществляемое с обеих поверхностей расщепления в направлении от краев к центру, подготовка усеченного основания [Можаева, 2024в, с. 75–76]. В оформлении распространена плоская, отжимная, разнофасеточная, бифасиальная ретушь – 95,9 % (табл. 1). Доминирует контрпоперечное направление фасеток, менее представлена контрдиагональная ориентация фасеток (скорее всего, имеет случайный характер).

Имеется 4 экз. наконечников, обработанных двусторонней краевой ретушью (табл. 1). Эти изделия были выполнены на пластинчатых отщепах (2 экз.) и отщепах (2 экз.). В составе анализируемых орудий также встречаются наконечники на отщепах, на которых фиксируются следы частичной бифасиальной ретуши (не полностью покрывает всю поверхность орудия). Вероятно, речь может идти о незавершенных формах орудий, которые находились на предпоследней стадии расщепления.

Таблица 1

Вторичная обработка

Ретушь	Ориентация фасеток относительно продольной оси изделия	Количество	
		абс., шт.	отн., %
Бифасиальная	Контрпоперечная	92	93,9
	Контрдиагональная	2	2,0
	Диагонально конвергентная	–	–
Двусторонняя краевая	–	4	4,1

Среди всех изделий абсолютно преобладают бесчертковые орудия. В составе наконечников более половины представлены листовидными формами (61,3 %), в числе которых преобладают орудия с округлым либо приостренным основанием, менее представлены изделия с усеченным основанием (табл. 2). Два экземпляра были отнесены к вариантам листовидных наконечников, они были выполнены на отщепе и пластинчатом отщепе и оформлены двусторонней краевой ретушью. В целом листовидные наконечники (рис. 1: 1–10, 13–19) преобладают на всех рассмотренных памятниках.

Ромбическая форма наконечников (рис. 1: 20–27) является вторым количественно выраженным типом орудий (16,4 %). Среди изделий доминируют наконечники с округлым либо приостренным основанием, единичны экземпляры с усеченным основанием. Единичный экземпляр был отнесен к варианту наконечника ромбической формы – он был сделан на отщепе и обработан двусторонней краевой ретушью. Наибольшее число ромбических форм зафиксировано на поселениях Усть-Лудяна II, Чернушка II и Арбажский Льнозавод (табл. 2).

Иволистные формы наконечников (рис. 1: 11–12) являются одним из малочисленных типов изделий (4,1 %), для всех экземпляров характерно приостренное основание. Данный тип наконечников был встречен в коллекциях поселений Усть-Лудяна II и Арбажский Льнозавод (табл. 2). Треугольные наконечники с усеченным основанием (рис. 1, 28) представлены лишь двумя экземплярами из коллекций поселений Усть-Курья и Арбажский Льнозавод

(табл. 2). Такие формы изделий весьма редки для энеолита Камско-Вятского региона и встречаются в материалах памятниках единично [Можаева, 2024а, с. 27–28]. Малочисленны и пятиугольные наконечники с усеченным основанием – 5,1 % (рис. 1: 33–35). Эти формы изделий имеются лишь в единичных экземплярах в коллекциях поселений Чернушка II, Усть-Курья, Лобань I, Арбажский Льнозавод (табл. 2).

Черешковые наконечники составляют 11,1 % от общего массива изделий (табл. 2). Они представлены листовидной и треугольной формой, как правило, с приостренным либо усеченным основанием (рис. 1: 29–32). Один экземпляр отнесен к варианту листовидно-черешкового наконечника, он был выполнен на пластинчатом отщепе и обработан краевой двусторонней ретушью. Интерес представляет треугольно-черешковый наконечник с приостренным основанием, у которого черешок оформлен двумя выемками, аналогий подобным изделиями нами не встречено [Можаева, 2023б, с. 171]. Наибольшее число черешковых наконечников зафиксировано на поселениях Усть-Лудяна II, Чернушка II и Усть-Курья.

Таблица 2

**Количественное соотношение целых форм каменных наконечников
с энеолитических памятников Камско-Вятского междуречья**

Группа	Тип	Вид	Вариант	Типология / Памятники								Итого	
				Поселение Усть-Лудяна II	Поселение Чернушка I	Поселение Чернушка II	Поселение Усть-Курья	Поселение Усть-Криуши	Поселение Моторки II	Поселение Лобань I	Поселение Арбажский Льнозавод	абс., шт.	отн., %
I	1	1.1		12	1	3	6	–	2	–	4	28	28,6
		1.1-6		–	–	1	–	–	–	–	1	2	2,0
		1.3		8	–	2	4	–	–	2	2	18	18,4
		1.4		1	–	–	–	–	–	–	–	1	1,0
		1.5		5	–	1	2	1	1	–	1	11	11,3
	2	2.5		3	–	–	–	–	–	–	1	4	4,1
		3.3		–	–	–	1	–	–	–	1	2	2,0
		4.1		1	1	–	–	–	–	–	1	3	3,1
		4.1-6		–	–	1	–	–	–	–	–	1	1,0
	3	4.3		–	–	1	–	–	–	–	1	2	2,0
		4.5		3	–	3	2	–	–	–	2	10	10,3
II	1	5.3		–	–	2	1	–	–	1	–	4	4,1
		5.4		–	–	–	–	–	–	–	1	1	1,0
		1.3		1	–	2	1	–	–	–	–	4	4,1
		1.4		–	–	–	1	–	–	–	–	1	1,0
	3	1.5		–	–	–	–	–	–	–	1	1	1,0
		1.5-6		–	–	–	1	–	–	–	–	1	1,0
		3.3		1	–	–	1	–	–	–	–	2	2,0
		3.5		1	–	1	–	–	–	–	–	2	2,0
Итого				36	2	17	20	1	3	3	16	98	100

Из всего состава наконечников доминируют орудия с длиной до 3,5 см, шириной до 1,5 см и толщиной до 0,4 см (табл. 3). Полученные результаты не противоречат показателям метрических характеристик, присущих наконечникам как юртиковской, так и гаринской культуры [Можаева, 2024а, с. 27]. В выборку не вошли лишь 3 экз. наконечников копий, их размеры: 4,7–6,5 × 1,5–2,5 × 0,8–0,9 см.

Анализ пропорций (табл. 4) показал, что превалируют широкие формы наконечников (56,2 %), менее распространены узкие (26,5 %) и средние (17,3 %) экземпляры. В числе широких наконечников имеются все обозначенные типы, кроме иволистных. Среди узких изделий встречаются наконечники листовидных (17 экз.), иволистных (4 экз.), ромбических (2 экз.), пятиугольных (1 экз.) и листовидно-черешковых (2 экз.) форм. В составе средних экземпляров преобладают листовидные наконечники (13 экз.), к остальным отнесены ромбические (3 экз.) и треугольно-черешковые (1 экз.) орудия.

Таблица 3

Метрические характеристики

Показатель		Количество	
		абс., шт.	отн., %
Длина	Короткие (до 2,4 см)	41	43,6
	Средние (2,5–3,5 см)	37	39,4
	Длинные (3,6 см и более)	16	17,0
Ширина	Очень узкие (до 1,1 см)	59	62,8
	Узкие (1,2–1,5 см)	27	28,7
	Средние (1,6–2 см)	2	2,1
	Широкие (2,1 см и более)	6	6,4
Толщина	Очень плоские (до 0,4 см)	70	74,5
	Плоские (0,5–1 см)	24	25,5

Таблица 4

Пропорциональное соотношение длины и ширины изделий

Показатель	Группа							Итого			
	I					II					
	Тип										
	1	2	3	4	5	1	3	абс., шт.	отн., %		
Широкие (количество)	30	–	2	11	4	5	3	55	56,2		
Средние (количество)	13	–	–	3	–	–	1	17	17,3		
Узкие (количество)	17	4	–	2	1	2	–	26	26,5		

Обсуждение результатов

Л.А. Наговицын при разработке периодизации энеолитических памятников бассейна р. Вятки выделил два этапа в развитии юртиковской культуры. Для раннего этапа (Юртик, Аркуль IV, Курекгурт III) характерны наконечники листовидных (иволистные и лавролистные), ромбических и треугольно-черешковых форм. Для позднего (Усть-Лудяна II, Аркуль III, Чернушка I, Лобань I, Буй I) – наконечники листовидных (лавролистные, иволистные), треугольно-черешковых, ромбических и треугольных форм [Наговицын, 1984, с. 105–111]. Автором отмечается, что внутри каждого типа имеются экземпляры с индивидуальными

особенностями. В целом большой разницы по типам наконечников в каждом из этапов не фиксируется. И действительно, результаты, полученные в ходе настоящего исследования, не противоречат данным Л.А. Наговицына. Нами они лишь дополняются – помимо вышеперечисленного, были выделены пятиугольные и листовидно-черешковые типы наконечников.

Ближайшие аналогии проанализированным наконечникам можно встретить в материалах комплексов гаринской энеолитической культуры [Бадер, 1961, с. 181–185].

Возвращаясь к вопросу соотнесения каменных изделий юртиковской и гаринской культур, стоит обратиться к результатам сравнительного анализа каменных наконечников, представленных нами ранее [Можаева, 2023б, с. 171–172; Можаева, 2024а]. Сравнение гаринских и юртиковских наконечников позволило нам отметить наличие сходств в традициях изготовления (бифасиальное расщепление) и параметрах размеров и пропорций, что в большей степени взаимосвязано между собой (характер обработки непосредственно диктует размеры завершенного орудия, а также его формы). Отличия же отмечены в используемом минеральном сырье (использование разных сырьевых баз) и формах наконечников (преобладание изделий с округлым/приостренным основанием, отсутствие наконечников с вогнутым основанием, единичные экземпляры пятиугольных орудий, увеличение доли черешковых форм изделий в составе комплексов юртиковской культуры).

Анализируя наконечники юртиковской и гаринской культур и принимая во внимание наличие большинства сходств и отличий (по характеру сырьевых баз и различий по ряду типов наконечников), мы приходим к выводу, что юртиковскую культуру можно интерпретировать как локальный вариант гаринской культуры, а не как отдельную энеолитическую культуру.

Заключение

Наконечники с бифасиальной обработкой характерны для юртиковской культуры эпохи энеолита. В ходе исследования нами было изучено 100 экз. наконечников и их фрагментов с восьми поселений. В их составе превалируют листовидные наконечники широких форм с округлым либо приостренным основанием, менее распространены изделия ромбических форм с округлым/приостренным основанием, черешковые наконечники с приостренным либо усеченным основанием. Редко встречаются наконечники пятиугольных, иволистных и треугольных форм. Орудия аналогичных форм можно встретить не только на территории Верхнего и Среднего Прикамья [Можаева, 2024б], но и в пределах Нижнего Прикамья и Европейского Северо-Востока.

Библиографический список

1. Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // Материалы и исследования по археологии. – 1961. – № 99. – 200 с.
2. Можаева А.А. Итоги изучения наконечников с энеолитических памятников Камско-Вятского региона // LVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых : материалы всерос. науч. конф. – Уфа : Самрау, 2024а. – С. 26–28.
3. Можаева А.А. Каменные наконечники с энеолитических памятников бассейна Средней Камы // Самарский научный вестник. – 2024б. – Т. 13, № 2. – С. 88–97.
4. Можаева А.А. Наконечники гаринской энеолитической культуры // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2023а. – С. 62–63.
5. Можаева А.А. Некоторые итоги изучения каменных наконечников с энеолитических памятников Средней Вятки // XVI Бадеровские чтения : сб. науч. ст. по материалам Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения О.Н. Бадера. – Пермь : ПГНИУ, 2023б. – С. 169–174.

6. Можсаева А.А. О проблеме изучения бифасиальной обработки в энеолите на территории Верхнего и Среднего Прикамья // Актуальная археология 7 : материалы междунар. науч. конф. молодых ученых. – СПб. : ИИМК РАН, 2024в. – С. 74–76.

7. Можсаева А.А., Лычагина Е.Л. Типология каменных наконечников стрел стоянки Чашкинское озеро II // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2022. – № 12. – С. 30–37.

8. Наговицын Л.А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Серия: Археология СССР. – М., 1987. – С. 28–34.

9. Наговицын Л.А. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. – Ижевск : Изд-во АН СССР УО Удмурт. ИЯЛИ, 1984. – С. 89–123.

10. Наследие народов Прикамья – Heritage of Prikamye peoples – Kulturerbe der Völker von Prikamie: древности Прикамья из собраний УдГУ: [каталог] / Р.Д. Голдина, Н.А. Лещинская, Е.М. Черных, В.А. Бернц. – Изд. 2-е, перераб. – Ижевск : Ижевск. респ. тип., 2012. – 196 с.

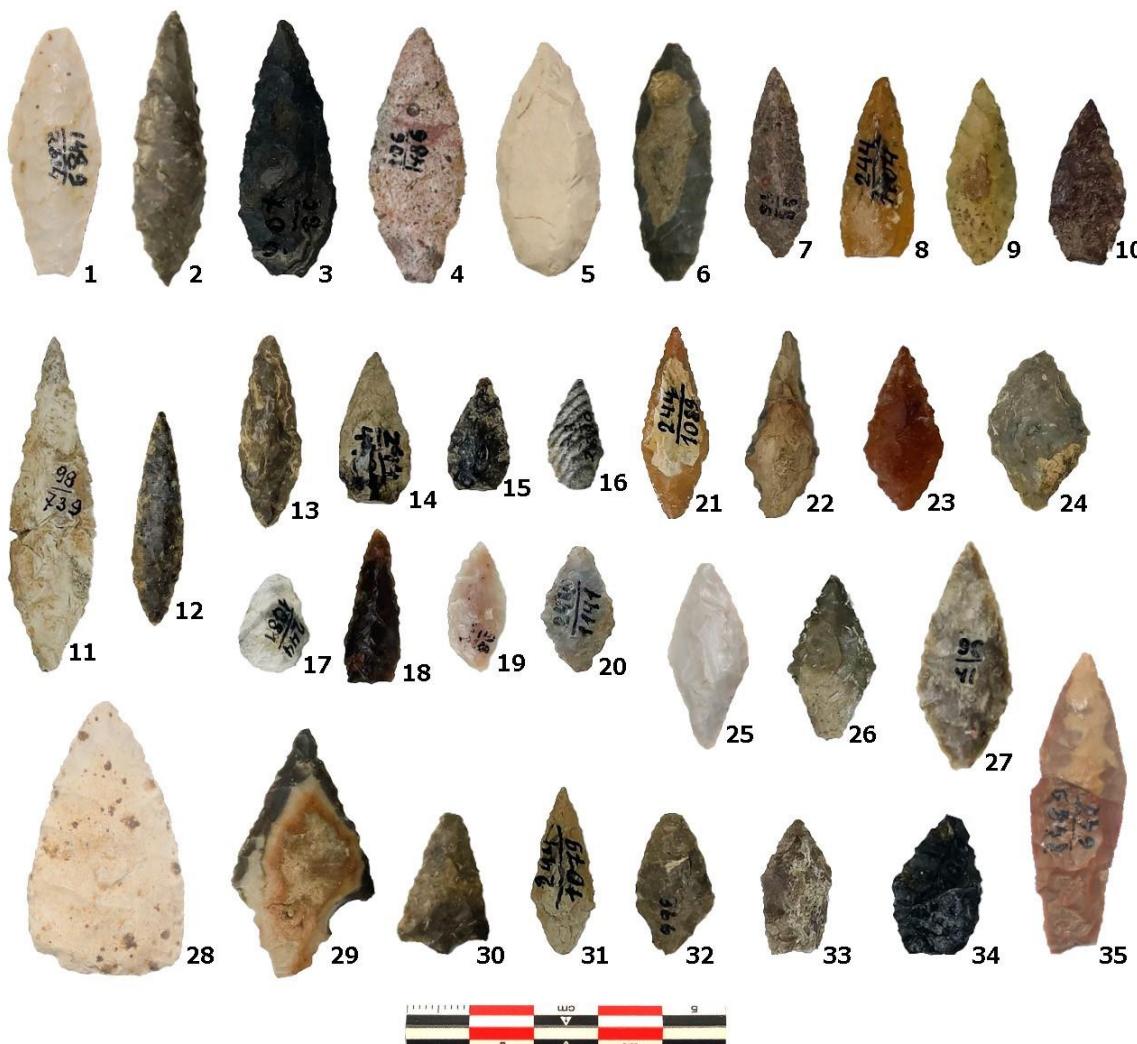

Рис. 1. Каменные наконечники, обнаруженные на энеолитических памятниках Камско-Вятского междуречья: 2, 3, 6, 7, 9–13, 15, 16, 18, 19, 23, 24, 27, 29, 30, 32 – Усть-Лудяна II; 4, 22 – Чернушка I; 8, 14, 17, 20, 21, 26, 31, 33, 34 – Чернушка II; 1, 5, 28, 25, 35 – Арбажский Лынозавод. Листовидные – 1–10, 13–19; иволистные – 11–12; треугольные – 28; ромбические – 20–27; пятиугольные – 33–35; листовидно-черешковые – 32; треугольно-черешковые – 29–31

УДК 902/904/81'373.6 /39

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-26-65-73

П.В. Хаярова¹, А.В. Голдобин²
О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ПРЕДМЕТОВ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПЛАСТИКИ
В ЖИЗНИ НАРОДОВ ПРИКАМЬЯ I ТЫС. ДО Н. Э. – I ТЫС. Н. Э.

^{1, 2}Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
 Российская Федерация

Аннотация. Основной целью работы является включение дополнительных источников информации для раскрытия семантики ПЗС. Приведен пример исследования по объяснению семиотики некоторых видов ПЗС с использованием предложенной методологии. Представлена аргументация изучения культового литья посредством соотнесения с аналогами окружающих Прикамье территорий, что расширило пространство изучения.

Предлагается комплексный междисциплинарный подход, предполагающий применение результатов изучения традиций и мировоззрения прикамского населения и соседних к нему территорий. Исследование основано на данных обрядовых практик, отраженных в археологических и этнографических материалах, интегрированных с лингвистикой и фольклорными сведениями.

Задействование современных лингвистических данных нескольких финно-угорских народов (удмуртского, коми-зырянского, коми-пермяцкого, хантыйского и мансийского) продемонстрировало значительное совпадение в аспекте общих мировоззренческих понятий. Языковое различие компенсировано межъязыковыми омонимами, что также отражено в различном зооморфизме культового литья.

Представлено схождение элементов погребальной обрядности народов Предуралья и западной Сибири. Двухкомпонентный зооморфизм души в родственных этносах объясняется фратриальностью.

Результат сопоставления также указывает на наличие общей культурной составляющей, что обуславливает близкое взаимодействие этносов на протяжении длительного времени.

Ключевые слова: пермский звериный стиль (ПЗС), культовое литье, человеколось, душа-птица, межъязыковые омонимы, вориуд, фратрии

P.V. Khayarova¹, A.W. Goldobin²
ABOUT THE PURPOSE OF SOME TYPES OF ARTISTIC METAL PLASTIC
OBJECTS IN THE LIFE OF THE PEOPLES OF THE KAMA REGION
I THOUSAND B. C. – I THOUSAND N. Y.

^{1, 2}Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Abstract. The main purpose of the work is to include additional sources of information to reveal the semantics of the CCD. An example of a study explaining the semiotics of some types of CCD using the proposed methodology is given. The argumentation of the study of cult casting is presented by correlating it with analogues of the territories surrounding the Kama region, which expanded the space of study. A comprehensive interdisciplinary approach is proposed, involving the application of the results of studying the traditions and worldviews of the Kama population and neighboring territories. The research is based on data from ritual practices reflected in archaeological and ethnographic materials integrated with linguistics and folklore information.

The use of modern linguistic data from several Finno-Ugric peoples (Udmurt, Komi-Zyryan, Komi-Permyak, Khanty and Mansi) demonstrated significant overlap in terms of common ideological concepts. The linguistic difference is compensated by interlanguage homonyms, which is also reflected in the different zoomorphism of the cult cast. The convergence of the elements of funeral rituals of the peoples of the Urals and western Siberia is presented. The two-component zoomorphism of the soul in related ethnic groups is explained by phratry. The result of the comparison also indicates the presence of a common cultural component, which determines the close interaction of ethnic groups for a long time.

Keywords: Permian animal style (CCD), cult casting, human, soul-bird, interlanguage homonyms, vorshud, phratries

Л.В. Лбова приравнивает историю развития культуры к истории «выражения духовных способностей», отраженной «в материальных предметах» [Лбова, 2008, с. 8]. Как правило, первобытный религиозный культ тотемов преобразовывался в культуры местных антропоморфных божеств, в которых присутствовала вторая зооморфная сущность. То есть на какой-то ступени развития социума проявляются значительные отличия в мировосприятии (растений и животных) [Сафонова, 2017, с. 169–170]. В связи с этим смыслы, вкладываемые в материальные предметы, в каждой культуре приобретали оригинальные черты, выделяя ее среди других.

В традиционных культурах вещь имеет символическое, сакральное значение. Изучение символизма современными исследователями затруднено при отсутствии письменных источников.

Раскрытие семантики «культового искусства Прикамья» (по периоду его бытования нет письменных источников) А.П. Смирнов предложил осуществлять посредством «реконструкции отвлеченных представлений... идеологии населения Прикамья... почти за тысячелетний период» [Смирнов, 1952, с. 250]. Л.В. Лбова убеждена в продуктивности предложенного синтеза археологических и этнографических знаний – системном подходе, «предполагающем изучение социокультурного явления (объекта) как системы» [Лбова, 2008, с. 17].

Однако такой междисциплинарный синтез предполагается результативным при условии реконструкции «мировоззренческих (осмысленных и неосмысленных) универсалий на основе выявления закономерностей в его функционировании и структурировании вещного мира» [Лбова, 2008, с. 13–14].

Необходимо сопоставить археологические предметы, которыми пользовался когда-то живой мыслящий и верящий в их некие возможности человек несколько веков или тысячелетий назад, с преобразованными аналогами, находящимися в использовании на данный момент, т.е. у дисциплин (этнографии и археологии) разные методологии изучения. Таким образом, история пользования вещью и ее функционал раскрываются посредством объяснения соответствующего ей зафиксированного обряда, что подразумевает задействование других смежных дисциплин, также структурного подхода с двумя видами классификаций: «диахроническими и синхроническими» [Лбова, 2008, с. 13–14]. Соотнесение заключений, сделанных при «изучении семантики... в этнографии, археологии и фольклористике, может быть особенно эффективным» [Лбова, 2008, с. 16].

Междисциплинарное исследование будет более эффективно при изучении обрядовых практик, связанных с погребением, также с последующим уходом за умершими предками, что предполагает знание «архаичного концепта о мироздании, где вера в тотемических предков олицетворяла собой связь родовой общины с территорией» [Сафонова, 2017, с. 172]. Также исполнение погребального обряда запрашивает применение всего спектра представлений о мире, что сопоставимо «с высшим, мировоззренческим уровнем ментальности» [Лбова, 2008, с. 16].

Во II тысячелетии до н. э. волосовско-турбинская этнокультурная общность определила территории, на которых укоренилось пермское население. На них «от Прикамья до Карелии и Белого моря на основе волго-камского неолита сформировалась» [Оборин, 1990, с. 39–40] и выявляется древнепермская топонимия. Несколько позже здесь выделяются этнокультурные группы.

В эпоху ананьинской культуры, явившейся союзом группы родственных племен, «каждый поселок, по-видимому, принадлежалциальному роду, а расположенные поблизости от городищ и селищ могильники являлись родовыми кладбищами» [Збруева, 1952, с. 147]. Также функционировали главные святилища, на которых проходили общие обряды для всех родов (Гляденовское костище) [Збруева, 1952, с. 126]. Описываемые процессы этногенеза предполагают изменения в лингвистике, что влечет возможную трансформацию наименований местности.

Самые важные топонимы не изменяются. Утрата топонима предполагает уход населения с данной территории, либо происходит идеологическая замена наименований завоевателями, обусловленная значительной сменой мировоззрения и разговорного языка. На основании этого Е.И. Оятева предлагает для семантической дешифровки образов привлечение этнографии, фольклористики и лингвистики [Оятева, 1990, с. 110].

Поскольку «многие поселения и могильники, возникнув в ломоватовской культуре, сохранив древние гляденовские традиции, использовались тем же населением до конца родновской культуры (до XV в.), что говорит о сохранении древнего этнического ядра в сложении коми-пермяков и незначительной примеси смешанного тюрко-угорского населения» [Оборин, 1990, с. 43], то к приходу русских значительная часть топонимики должна была либо сохраниться в первозданном состоянии, либо измениться в виде прямого перевода значений.

В.А. Оборин указывает, что «большая часть рек Среднего Урала до прихода русских была освоена местным населением, давшим им свои названия. В XVI–XVII вв. нерусские названия рек составляли $\frac{4}{5}$ всех названий в Чердынском уезде, округе Ново-Никольской (Осинской) слободы и в Верхотурском уезде, $\frac{2}{3}$ – в вотчинах Строгановых и лишь в Соликамском уезде» [Оборин, 1990, с. 29].

Таким образом, топонимы Прикамья были переведены на языки автохтонного населения к XIII–XIV вв. К XVI–XVII вв. третья и пятая часть топонимов соответственно, в зависимости от территории, была заменена русскими наименованиями. При такой тенденции к XIX в. с автохтонными топонимами, вероятно, оставались крупные реки («Русские названия давались преимущественно небольшим речкам и значительной части озер» [Оборин, 1990, с. 29]), либо речки труднопроходимых малозаселенных территорий.

Население Прикамья железного века взаимодействовало с жителями Южного Урала и Сибири: «...нуждавшиеся в металле ананьинские земледельцы, а также и скотоводы гороховской культуры приходили со своими товарами на иткульскую территорию» [Викторова, 2002, с. 76]. Контакты обусловливали обмен технологиями, компонентами культуры, мировоззрением. И.Н. Смирнов предполагает, что культовое литье на новых территориях «адаптировалось»: «...заямствовалась лишь чужая техника, а потребности коренились в народной душе» [Смирнов, 1952, с. 22].

Ю.В. Балакин указывает, что элементы обрядности у племен могли различаться: «Урало-сибирское культовое литье – явление достаточно вариативное как во времени, так и в пространстве. Можно предполагать, что в основе его лежит несколько ритуальных архетипов» [Балакин, 1998, с. 9]. Таким образом, разные типы ПЗС могли иметь отличное друг от друга функциональное назначение.

Так как картографирование – это применение синхронного метода в археологии при условии использования материалов определенной датировки, можно условно отследить частоту встречаемости на определенной местности того или иного вида ПЗС.

Задача по расположению мест нахождения всех артефактов на карте сложна, так как превалирующее большинство предметов в Прикамье находились либо в составе кладов (часто только с примерным описанием местности), либо в виде случайных находок (в XIX в. крестьянами), что затрудняет датирование, также отсутствует контекст.

Перечень мест нахождения части предметов ПЗС разных подтипов также предоставляет возможность представить их географию. Например, вид «человеколоси» найдены: «15 – Пермский край, 2 – Республика Коми» [Павлюткин, 2024, с. 290]. Указываются подтипы, относящиеся территориально к междуречью Ухты и Печоры, к Свердловской области, также имеются предметы, найденные на «Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте на реке Море-Ю» [Павлюткин, 2024, с. 290] (Ненецкий автономный округ). Подтип орнитоморфный («крылатый») человеколоси [Павлюткин, 2024, с. 291] является не единственным синтезом образов звериного стиля с лосями. Недалеко от удмуртского с. Балезино обнаружена птица с лосиной мордой – «утка-лось» [Черных, 2024, с. 745, 750] (рис. 1).

Большинство предметов ПЗС, в отличие от территории современной Республики Коми, в Прикамье найдены отдельно от могильников (например, клады). Важно определить, что относить к ПЗС. Поскольку рассматривается не только Прикамье (исследователями этой территории принято только плакетки квалифицировать как ПЗС), то к культовому литью причисляются и зооморфные украшения (пронизки, подвески и т.д.).

При расширении географии исследования следует принять условия причисления предметов к культовому зооморфному литью (звериному стилю) и соседних с Прикамьем территорий. Также схожесть сюжетов, стилей, аналогичная многокомпонентность погребальной обрядности свидетельствуют об устойчивости древнего мировоззрения, а также о наличии общего культурного базового компонента и его носителей на территориях Зауралья и Приуралья [Хаярова, Голдобин, 2024б, с. 16].

Известно, что угорские народы Сибири по большей части сохранили языческие верования и мировоззрение, тем самым являясь феноменом для этнографов XIX–XX вв. [Кашлатова, 2015, с. 129–141]. У хантов «Лось связан с Верхним миром, небом, солнцем; не случайно Полярная звезда носит название Нёх ‘Лось’» [Новьюхова, 2019, с. 210]. По мифу, его создал владыка нижнего мира: «Им были созданы хищные звери и птицы, все рыбы, а также лось, олень и заяц, но впоследствии Ен видоизменил… животных… стали считаться его творениями» [Энциклопедия уральских …, 1999, с. 266].

По представлениям коми и удмуртов, у человека два вида души, что соотносится с воззрениями обских угров [Белавин, 2001, с. 18]. Расхождение в количестве одного из типов душ. Душа ‘лылы’ (у коми и удмуртов ‘лол’, ‘лул’) у угорских женщин представлена в четном количестве (4 или 6), у мужчин – в нечетном (5 или 7) [Иванова, 2018, с. 41]. Эта душа имела орнитоморфный облик, трактовалась как «дух, дыхание, жизнь» (общеп. ‘lol’ = доперм. ‘lewle’ – ‘дыхание’) [Волдина, 2016, с. 98]. Улетала на юг, юго-запад, «дорогой птиц» по млечному пути» [Хаярова, Голдобин, 2024, с. 83].

Важно, что по звучанию реинкарнирующая душа-птица ‘лол’ и ‘лола’ (с коми ‘лось’ [Матвеев, 2008, с. 158–159]) совпадают, также схожи ‘лось’ на удмуртском (‘койык’ – лось, лосинный [Удмуртско-русский …, 1983, с. 204]) и комар на хантымском (‘кайни’ [Волкова, 2016, с. 47]). Это насекомое у хантов имеет сакральное значение, поскольку «душа – основная носительница жизни – представляется в виде комара – кайоных… Если умерший был грешен, то его душа комар навсегда остается с ним» [Исаева, 1997, с. 124]. Вид насекомого или птицы определялся, возможно, территорией и родом, поэтому душа «представляется то как человек, то как птица, а у восточных хантов иногда и как комар (“эта душа выглядит совершенно как насекомое”). Порода птицы… различна (трясогузка, синица, ласточка, сорока, кукушка, куличок, глухарка и “какая-то неизвестная никому птица”)» [Волдина, 2016, с. 86].

У ненцев есть предание о том, что герой соболиного рода со священного озера Нумто стал духом-хранителем, покровителем этой группы «считается Касум ими, дух реки Казым, один из ее обликов – соболь... Герои превращаются в летающих гусей, т.е. становятся духами-покровителями в образе птиц» [Новьюхова, 2019, с. 213]. Таким образом, «соболь» приобрел гусиную ипостась, вероятно, после смерти.

Верхний мир представляли птицы и лоси. Что обуславливает их расположение на плашках над головой человека или животного (рис. 2 [Белавин, Игнатьева, Оятева, 2009, с. 58, рис. 2, 5] и 3 [Оборин, Чагин, 1988, с. 57]), либо в области грудной клетки, так как данный вид души размещается в голове и груди [Хаярова, Голдобин, 2024а, с. 10].

Интересно, что ‘лов’ (‘лол’) с коми также в одном из значений ‘голова’ [Коми-русский …, 1948, с. 114].

Важно то, как воспринимали реинкарнацию уральские и зауральские этносы, т.е. раскрыть этимологию слова: «У северных хантов понятие ‘реинкарнировать’ обозначают словом «l’aksati» происходит от слова ‘l’akti’ – «лепить», «шлепнуть» (прилепить), на среднеобском хантыйском ‘t’aksyttai’ – ‘при克莱иться’, как и на северомансиjsком ‘l’axtxati’. У обских и сосьвинских манси «это возвратный вид от глагола ‘lahti’ – ‘схватить’, т.е. ‘вцепиться’, ‘схватиться за что-нибудь’» [Волдина, 2016а, с. 97].

На коми-зырянском языке «Лов (лол), вов – душа; вовыны (ловзыны) – ожить; воскреснуть, привиться, прижиться» [Шахов, 1924, с. 36].

Таким образом, реинкарнирующая душа в образе лося или птицы «приклеивалась», «прилеплялась» к затылочной области носителя или к груди.

Происхождение слова у сургутских хантов обеспечивает понимание совпадения в звучаниях терминов: «У сургутских хантов, относящихся к восточной диалектно-этнографической группе, данный феномен обозначают словом ‘нämсintäп’, что переводится как ‘передача имени, передача названия’» [Волдина, 2016а, с. 97]. Передавались смыслы, звучание слова, животные при этом менялись в зависимости от языка или диалекта. Такие слова в лингвистике называются международными (межъязыковыми омонимами).

Комар, как и любой другой вид насекомого, принадлежал к нижнему миру. По мифу, их создал Куль-отыр [Яковлев, 2013, с. 61].

Дифференциация обликов душ является одним из показателей фратриальной структуры социума, как у «хантов и манси: пришлые и местные, но родственные по языку этносы … послужили друг для друга экзогамным брачным классом и позднее постепенно превратились во фратрии, называющие себя Пор и Мось» [Верещ, 2014, с. 44].

Двухкомпонентность представлений об уходе в загробный мир и о реинкарнации выражалась в том, что души представителей одной из фратрий летели на юг по Млечному пути, а души второй плыли на север по реке мертвых. Что соответственно отражалось в проведение погребального обряда: «у нижне – и среднесосьвинских манси – погребения ногами на север, а у верхнесосьвинских – ногами на юг» [Фёдорова, 1993, с. 87].

А.К. Матвеев трактует ‘лол’ – ‘душа’, транслирует вариант А.С. Кривошёковой-Гантман, которая объясняла ‘лола’ как ‘лось’ [Матвеев, 2008, с. 158–159]. Слова отражаются в сохранившейся топонимии: наименование р. Лолым «происходит от ‘лол’ – ‘душа’, ‘ым’ – устье реки, т.е. души, живущие у устья реки» [Хаярова, Голдобин, 2024, с. 83]. Одноименное городище I тыс. н. э. находится в 18 км от устья реки Лолым.

У удмуртов соответствующая душа звучит как «лул» [Удмуртско-русский …, 1983, с. 261–262]. Недалеко от Балезинского могильника, где была обнаружена «утка-лось», протекает р. Лулым, на ее берегу находилась одноименная деревня. В этимологиях наименований Лолым и Лулым нет сходства по слову ‘лось’, так как на языках коми и коми-пермяцком ‘йёра’ и ‘лола’ – ‘лось’ – относят только к общекоми.

В удмуртских преданиях шестиногий (иногда восьми) лось Койык соединял миры мертвых и живых. Также ‘Юра’ (коми ‘йёра’ – ‘лось’ > ‘Юра’ с удмурт. – ‘голова’ [Удмуртско-русский …, 1983, с. 177]) – «исчезнувшая воршудно-родовая группа удмуртов. В районе

Нижние Юри и Средние Юри» [Атаманов-Эграпи, 2010, с. 77], где «воршуд – род, поколение, относящееся исключительно к лицам женского пола» [Атаманов-Эграпи, 2010, с. 76].

Известно, что «некоторые родовые имена удмуртов восходят к именам животных, очевидно, тотемов... В эпоху патриархального строя... культ воршуда слился с культом умерших предков, и воршуд получил человекообразную форму; появились... идолы» [Атаманов-Эграпи, 2010, с. 76]. То есть воршудная группа ‘йёра’ удмуртов была создана до отделения удмуртов в качестве этноса от предков коми-зырян и коми-пермяков, так как наименование лося у нее прaperмское.

Л.С. Грибова предлагает подвергать комплексному анализу в первую очередь наиболее сложносочиненные образы ПЗС, рассматривая их в формате целостного системного явления [Грибова, 1975, с. 23, 53]. При таком подходе возможна утрата важных элементов мировоззрения, которые могут быть отражены в смежных дисциплинах.

По этой причине прежде всего рассмотрены относительно простые «базовые» образы ПЗС, поскольку они не подают двусмысленную информацию при соотнесении с фольклорными, лингвистическими и географическими данными.

Результат исследования – это вариант трактования вероятных воззрений, побудивших к созданию некоторых видов ПЗС. Методы исследования и алгоритм их использования могут быть иными при изучении разных типов ПЗС.

Библиографический список

1. Атаманов-Эграпи М.Г. Происхождение удмуртского народа : моногр. – Ижевск : Удмуртия, 2010. – 576 с.
2. Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. – Новосибирск : Наука, Сиб. предприятие РАН, 1998. – 283 с.
3. Белавин А.М. Об этнической принадлежности пермского средневекового звериного стиля // Труды КАЭЭ. Вып. 1-2. – Пермь : ПГГПУ, 2001. – С. 14–24.
4. Белавин А.М., Игнатьева О.В., Оятева Е.И. Пермский звериный стиль в сокровище Государственного Эрмитажа. – Пермь : ОТ и ДО, 2009. – 160 с.
5. Вереш П. Этиологический миф обских угров: происхождение фратриальной организации и модель мира // Труды Карельского научного центра РАН. – 2014. – № 3. – С. 43–52.
6. Викторова В.Д. Почему на птицевидных изображениях появились личины // Уральский исторический вестник. – 2002. – № 8. – С. 74–93.
7. Волдина Т.В. Комплекс представлений обских угров о душе в контексте реинкарнации // Вестник угроведения. – 2016. – № 1 (24). – С. 83–95.
8. Волдина Т.В. Основные принципы реинкарнации у обских угров // Вестник угроведения. – 2016а. – № 3 (26). – С. 96–110.
9. Волкова А.Н. Краткий русско-хантыйский словарь: (сургутский диалект) : ок. 720 слов. – Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2016. – 100 с.
10. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль: Проблемы семантики – М. : Наука, 1975. – 147 с.
11. Збуруева А.В. История населения Прикамья в ананыинскую эпоху. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V // МИА. – 1952. – № 30. – 326 с.
12. Иванова В.С. Сущность души в представлениях северных манси (сопутствующая лексика) // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2018. – Т. 12, № 1. – С. 38–44.
13. Исаева Т.А. Погребальный обряд восточных хантов: особенности взаимоотношений с духами предков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 1997. – № 1. – С. 123–125.

-
14. *Кашлатова Л.В.* История изучения женских божеств и духов обско-угорских народов // Культурные и филол. аспекты генезиса и трансформации : коллектив. моногр. – Тюмень : Сити-пресс, 2015. – С. 129–141.
15. *Коми-русский словарь* / Акад. наук СССР, Науч.-исслед. база в Коми АССР ; [отв. ред. А.И. Подорова, А.И. Кипрушева и др.]. – Вып. 1. – Сыктывкар : Коми гос. изд., 1948. – 296 с.
16. *Лбова Л.В.* Погребальные комплексы неолита – раннебронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – 248 с.
17. *Матвеев А.К.* Географические названия Урала : топонимический словарь. – Екатеринбург : Сократ, 2008. – 351 с.
18. *Новьюхова Г.Б.* Зооморфные персонажи в хантыйском фольклоре // Филологический аспект. – 2019. – № 10 (54). – С. 209–215.
19. *Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 168 с.
20. *Оборин В.А., Чагин Г.Н.* Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1988. – 185 с.
21. *Оятева Е.И.* Бронзовая фигурка медведя из собрания Строгановых (опыт семантической дешифровки) // АСГЭ. Вып. 30. – СПб. : Государственный Эрмитаж, 1990. – С. 107–115.
22. *Павлюткин И.Д.* Результаты картографирования отдельных сюжетов пермского звериного стиля. Человеколоси – от Прикамья до полярного Севера // Актуальная археология 7. – СПб., 2024. – С. 289–292.
23. *Сафонова Н.В.* Формирование зооморфных представлений и специфика их развития в древнеегипетской культуре // Вестник РГГУ. Серия: История. – 2017. – № 10-2 (31). – С. 169–174.
24. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – 276 с.
25. *Удмуртско-русский словарь* : ок. 35 000 слов / под ред. В.М. Вахрушева. – М. : Рус. яз., 1983. – 592 с.
26. *Фёдорова Е.Г.* Материалы к погребальному обряду северных манси // Материалы полевых этнографических исследований 1990–1991 гг. – СПб., 1993. – С. 77–97.
27. *Хаярова П.В., Голдобин А.В.* Схождение космогонических представлений уральских народов в аспекте исторической преемственности. Ч. 2 // Вестник НАСА ПГГПУ. – 2024. – № 1 (20). – С. 76–87.
28. *Хаярова П.В., Голдобин А.В.* Угорский компонент в аборигенных социумах Волго-Камья эпохи ВПН. Ч. 1 // Гуманитарные исследования. История и филология. – 2024а. – № 14. – С. 7–15.
29. *Хаярова П.В., Голдобин А.В.* Угорский компонент в аборигенных социумах Волго-Камья эпохи ВПН. Ч. 2 // Гуманитарные исследования. История и филология. – 2024б. – № 14. – С. 16–26.
30. *Черных Е.М.* Изображения водоплавающих птиц в металлической пластике Балезинского могильника VI–VII вв. // Уфимский археологический вестник. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 743–753.
31. *Шахов Н.А.* Краткий коми-русский словарь : с прил. ст. А.С. Сидорова «Морфологическая структура коми языка». – Усть-Сысольск : Коми, 1924. – 85 с.
32. Энциклопедия уральских мифологий. – Т. 1: Мифология Коми. Т. 1 / рук. авт. коллектива Н. Конаков ; науч. ред. В.В. Напольских. – М. ; Сыктывкар : ДИК, 1999. – 480 с.
33. *Яковлев Я.А.* «Мы с тобой одной крови – ты и я» : науч.-популяр. очерк. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. – 68 с.

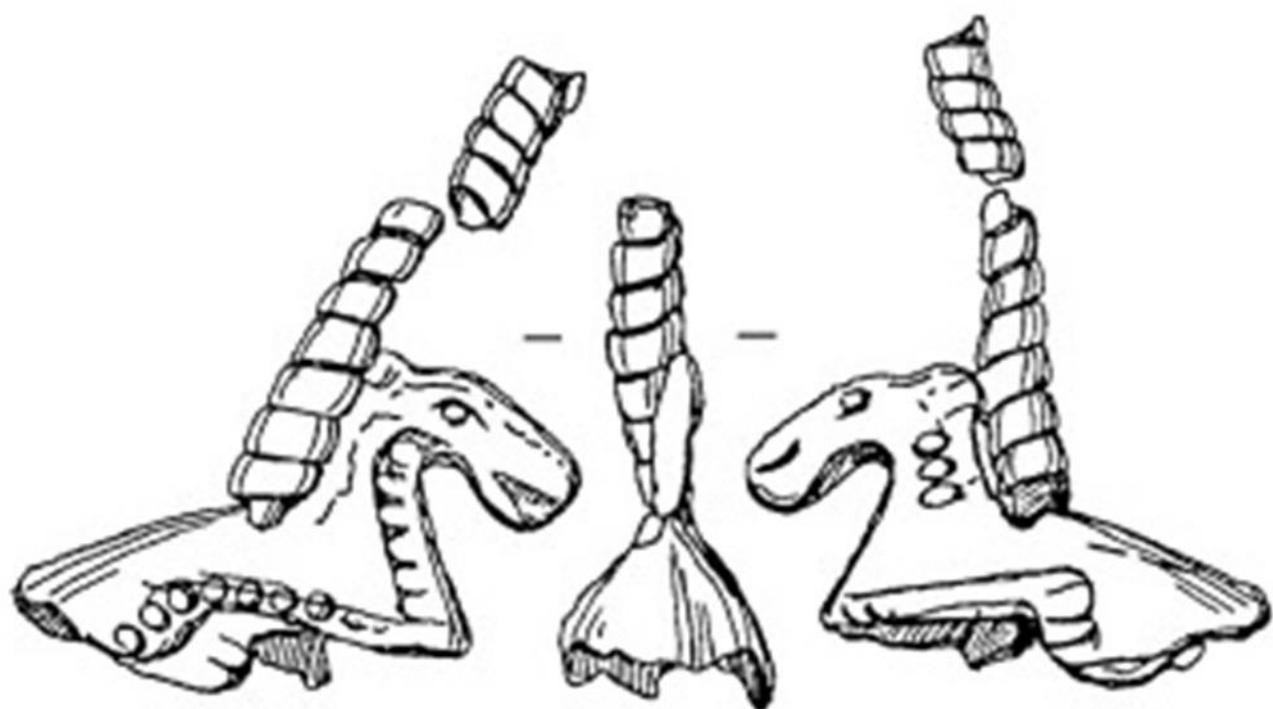

Рис. 1. Балезинский могильник. Пронизка с образом «утки-лося» из разрушенного погребения [Черных, 2024, с. 746, рис. 1, 1]

Рис. 2. Ухтинский клад (ГЭ 3998/1) [Белавин, Игнатьева, Оятева, 2009, с. 58, рис. 2, 5]

1

2

3

4

Рис. 3. 1 – птицевидный идол. IX–XI вв. «Крылья распахнуты полукружием и орнаментированы по верхнему краю насечками. Голова, туловище и ноги выпуклой формы. Эта форма – одна из древнейших. Аналоги обнаружены в росписях камня Писаного» [Оборин, 1988, с. 57] (д. Омелино /Лукояново Чердынского р-на Пермской обл.). Бронза, литье. 3,3 × 3,5 см. ЧКМ-955/59; 2–4 – «Фигурки летящих птиц. XI в. На груди у каждой – человек в полный рост.

Такие совместные изображения встречаются очень часто....» [Оборин, 1988, с. 57].

Из коллекции Теплоуховых (Гайнский р-н Пермской обл.); 9 – 4,3 × 6,7 см. ПОКМ-10302/25; 10 – 5,1 × 6 см. ПОКМ-10302/24; 11 – 5,5 × 5 см. ПОКМ-10302/23

УДК 737(470.41) «12/13»

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-26-74-78

А.И. Бугарчев¹, С.В. Ушакова²
ДЖУЧИДСКИЕ МОНЕТЫ XIII–XIV вв. ИЗ ДЖУКЕТАУ
(ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

¹Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук

Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация

²Государственный исторический музей, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Представлено описание небольшого монетного комплекса, хранящегося в Государственном историческом музее (Москва). Монеты были обнаружены в 1970–1971 гг. при раскопках городища Джукетау. Всего было найдено 2 дирхама и 12 пулов, чеканенных в период 1240–1360-х гг. В статье отдельно рассматривается метрология медных динаров с именами ан-Насира и Мунке в количестве 98 монет из разных лет находок. Выявлена мода $2,2 \pm 0,2$ г, которая совпадает с модой аналогичных монет, происходящих с Болгарского городища. В конце статьи приводится фототаблица.

Ключевые слова: дирхам, пул, динар, монета, метрология, Джукетау, Болгар, ГИМ, XIII–XIV вв.

A.I. Bugarchev¹, S.V. Ushakova²

JUCHID COINS OF THE XIII–XIV CENTURIES FROM JUKETAU
(FROM THE FUNDS OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM)

¹Institute of Archeology named after A.Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

²State Historical Museum, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a small coin complex stored in the State Historical Museum (Moscow). Coins were discovered in 1970–1971 during the excavation of the settlement of Juketau. In total, 2 dirhams and 12 pools minted in the period 1240^s–1360^s were found. The article separately examines the metrology of copper dinars with the names of an-Nasir and Munke in the amount of 98 coins from different years of finds. A fashion of 2.2 ± 0.2 g was revealed, which coincides with the fashion of similar coins originating from the Bulgarian settlement. At the end of the article is a photo table.

Keywords: dirham, pool, dinar, coin, metrology, Juketau, Bolgar, SHM, XIII–XIV century

Одним из крупнейших городов Золотой Орды в Восточной Европе был город Джукетау. Научное изучение городища Джукетау, расположенного на окраине г. Чистополь (Татарстан), началось в 1970 г. Тамарой Александровной Хлебниковой. Средневековые монеты, обнаруженные в результате раскопок под ее руководством, поступали в Болгарский музей-заповедник, в Национальный музей Татарстана (Казань), а также в Государственный исторический музей (Москва).

Ранее нумизматический материал из находок в Джукетау неоднократно публиковался [Лебедев, Бугарчев, Гумаюнов, 2008; Мухаметшин, 2009; Бугарчев, 2015; Емельянов, Бугарчев, 2019; Бугарчев, 2020].

В нашей статье мы рассмотрим небольшой комплекс ранее не опубликованных золотоордынских монет, которые хранятся в фондах ГИМ под шифром 102395 / кп-1578120-1578133. Монеты были обнаружены в результате раскопок 1970–1971 гг. экспедицией Болгарского историко-архитектурного заповедника (ныне – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник) и Института языка, литературы и искусства Академии наук СССР под руководством Т.А. Хлебниковой. Это два дирхама и 12 пулов периода от середины XIII в. до 1360-х гг. Приведем состав комплекса.

Монеты из находок в Джукетау (из фонда ГИМ)

№	Эмитент	Монетный двор	Время чеканки	Вес, г	Примечание
1	С именем ан-Насира	Не указан	(1240-е – 1250-е)	2,23	102395/5*
2	Анэпиграфная	Не указан	(1300–1320)	1,37	Серебро. С/195** 102395/8
3	Анонимная (новый тип)		(I четверть XIV в.)?	1,36	Серебро. «Двуногая» тамга, перекладина справа. 102395/12
4	Анонимная (тамга в звезде)	Булгар	(1330-е)	2,06	Вариант «Булгар/пули». 102395/10*
5–7	Анонимная (лев и солнце)	Сарай	(После 1336)	1,80; 1,35; 1,26	3 экз.*: 102395; 102395; 102395/9
8	Анонимная (булгарская решетка)	Булгар	(Рубеж 1330-х – 1340-х)	1,83	102395*
9	Анонимная (розетка)	Сарай ал-Джадид	(1350-е)	2,23	102395/2*
10	Анонимная (розетка)	Сарай ал-Джадид	752 (1351–1352)	2,27	102395/14*
11	Хызр хан	(стерто)	(Начало 1360-х)	2,99	102395/7*
12	Хызр хан	Сарай ал-Джадид	(Начало 1360-х)	3,17	102395*
13	Хызр хан	(стерто)	(Начало 1360-х)	3,08	102395/1*
14	(Стерто)	Стерто	XIV в.	1,74	102395/3*

Примечание: *все монеты, кроме двух серебряных, медные; **шифр С/195 приводится по монографии А.З. Сингатуллиной [Сингатуллина, 2003, с. 149].

Медный динар с именем ан-Насира был выпущен в 1240-х гг., остальные пулы чеканились в период с 1320-х до 1360-х гг. Укажем на монетные дворы, чья продукция представлена в комплексе: Булгар, Сарай и Сарай ал-Джадид (Новый Сарай). На дирхамах начала XIV в. место чеканки не указано, однако они уверенно относятся к Булгарскому вилайету.

Отдельно рассмотрим гистограмму медных динаров с именами халифа ан-Насира и каана Мунке, которые чеканились в 1240-е – 1250-е гг. (рисунок)

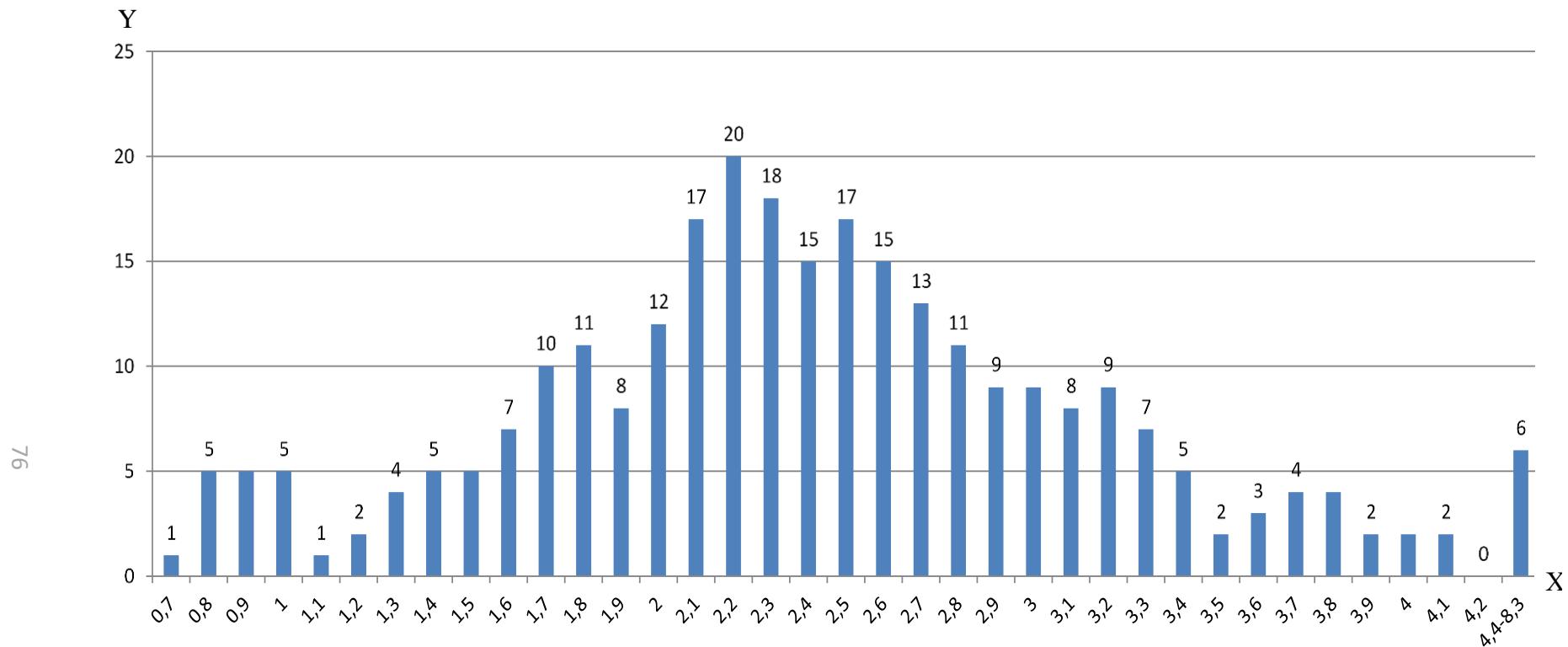

Рис. Зависимость количества медных динаров ан-Насира и Мунке от значения их веса (Джукетау)

Учтено 98 экз. (статья В.П. Лебедева и др., 2008 – 23 экз.; статья Д.Г. Мухаметшина 2009 г. – 28 экз.;

БГИАМЗ – 1 экз.; ГИМ – 1 экз.; фотоархив авторов – 45 экз.). Шаг 0,3 г. Ось X – вес в г; ось Y – кол-во в экз.

Мода_{max} $2,2 \pm 0,2$ г, 20 экземпляров (20,4 % от всех учтенных монет). Выявлены второстепенные моды на значениях $3,2 \pm 0,2$ г – 9 экз., $2,5 \pm 0,2$ г – 17 экз. и $1,8 \pm 0,2$ г – 11 экз.

Приведем для сравнения показатели веса «меди» XIII в. с Болгарского городища (учтено 765 монет). Из гистограммы, построенной по материалам этого сбора, следовало, что максимум соответствует значению $2,1 \pm 0,2$ г. Необходимо указать и на второстепенные пики – 3,1, 2,7 и 1,5 г [Бугарчев, 2020]. Очевидно, что значения веса булгарских динаров ан-Насира и Мунке с учетом допуска совпадают по всем показателям. Поступенное понижение фактического веса медных монет может свидетельствовать об инфляции в региональном денежном обращении в XIII в.

Метрология С/195: учтено 65 экз. (с учетом ГИМовского дирхама), мода $1,31 \pm 0,01$ г (35,4 % от всех учтенных дирхамов). Средний вес 1,310 г. По нашему мнению, анэпиграфные дирхамы С/195 чеканились с указанным весом 1,39 г. и представляли номинал в $4 \frac{1}{2}$ весового данга. С/195 встречается в кладах № 33, 31 и 35, что позволяет датировать их выпуск 1300–1320 гг. [Бугарчев, Петров, 2018, с. 136–137]. По нашему мнению, дирхамы С/195 обращались до 1330 г., до реформы Узбек хана.

Вторая монета нами ранее не встречалась ни в публикациях, ни в музейных фондах (фототаблица на рис. 1, новый тип). По весу она также соответствует номиналу $4 \frac{1}{2}$ данга и, скорее всего, обращалась до 1330 г.

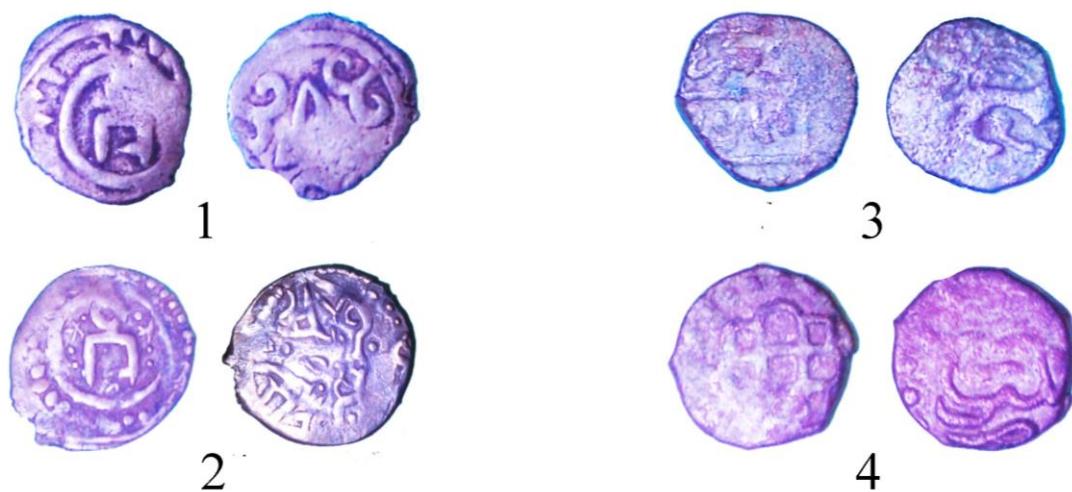
Медные монеты с именем Хызр хана чеканились на монетных дворах Сарай ал-Джадид и Гулистан. На каком из них выпущены экземпляры со стертым монетным двором (таблица, № 11 и 13) – установить не удалось.

При сопоставлении метрологии Болгара и Джукетау можно говорить о равнозначных явлениях в денежном обращении обоих средневековых городов.

Публикация коллекции ГИМ является важным шагом для составления нумизматического паспорта Джукетауского городища.

Библиографический список

1. Бугарчев А.И. Дополнительные материалы по денежному обращению Джукетау в XIII – начале XIV в. // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция : тез. докл. и сообщ. / отв. ред. И.В. Ширяков. – М., 2015. – С. 68–70.
2. Бугарчев А.И. О метрологии медных булгарских монет XIII в. из Джукетау (Татарстан) // На пути открытий в жизни и науке : сб. науч. ст. и воспоминаний к юбилею ученых-археологов Иванова Владимира Александровича и Обыденновой Гюльнары Талгатовны / отв. ред. А.И. Кортунов. – Уфа, 2020. – С. 14–19.
3. Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой трети XIV вв. : моногр. – Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 336 с.
4. Емельянов В.П., Бугарчев А.И. Джучидские монеты из Джукетау (новые материалы) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2019 года : материалы докл. и сообщ. / отв. ред. Е.В. Захаров. – М., 2019. – С. 74–77.
5. Лебедев В.П., Бугарчев А.И., Гумаюнов С.В. Монетное обращение Джукетау по нумизматическим данным // Труды Международных нумизматических конференций / под ред. П.Н. Петрова. – М. : Нумизмат. лит., 2008. – С. 39–49.
6. Мухаметшин Д.Г. Нумизматический материал как источник по изучению денежного обращения Джукетау // Изучение и сохранение историко-культурного наследия Чистопольского муниципального района РТ. Вып. 2. – Чистополь : Новая типография, 2009. – С. 21–27.
7. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. – Казань : Заман, 2003. – 192 с.

*Рис. 1. 1 – анэпиграфный дирхам С/195; 2 – анонимный дирхам, новый тип;
3 – пул Сарай «лев и солнце»; 4 – пул Булгара «решетка»*

УДК 811.161.1

DOI: 10.24412/2658-7637-2025-26-79-86

И.А. Подюков
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭККЛЕЗИОНИМОВ
ПЕРМСКОГО КРАЯ*

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь,
Российская Федерация

Аннотация. Рассматриваются характерные для ономастики Пермского края названия культовых объектов (эклезионимов, имена православных храмов). Исследуются способы образования религиозных топонимов, наиболее продуктивные модели их создания, тематические группы названий (восходящих к именам святых, названиям православных праздников и икон). Прослеживается и объясняется активность отдельных названий края (храмонимов) на пермской территории, описывается их символизм и культурная коннотированность. Отмечается активное использование экклезионимов для создания названий населенных пунктов, разнообразие применяемых для этого словообразовательных средств. делаются выводы о хорошей сохранности исконных православных топонимов (как храмонимов, так и ойконимов), предположения о причинах повышенной частотности в крае ойконимов религиозного происхождения.

Ключевые слова: ономастика, экклезионимы, локальная топонимическая традиция, лингвокультурологическое описание православных топонимов

I.A. Podyukov
ABOUT SOME FEATURES OF ECCLESIONYMS PERM REGION

Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russian Federation

Abstract. The article examines the names of religious objects (ecclesionyms, names of Orthodox churches) characteristic of the onomastics of the Perm region. The methods of formation of religious toponyms, the most productive models of their creation, thematic groups of names (dating back to the names of saints, names of Orthodox holidays and icons) are investigated. The activity of individual names of the region (temple names) in the Perm territory is traced and explained, their symbolism and cultural connotation are described. The active use of ecclesionyms to create names of settlements is noted, as well as the variety of word-formation tools used for this purpose. Conclusions are drawn about the good preservation of the original Orthodox toponyms (both chrononyms and oikonyms), and assumptions about the reasons for the increased frequency of oikonyms of religious origin in the region.

Keywords: onomastics, ecclesionyms, local toponymic tradition, linguistic and cultural description of Orthodox toponyms

Названия религиозных объектов и названия топообъектов религиозной тематики составляют особый пласт топонимии, прежде всего из-за своей сакральной окрашенности. Их назначение для религиозного человека – устанавливать связь места с Высшими Силами (Бо-

гом). В них отражены образцы веры и религиозные приоритеты. Кроме того, по ним можно судить об истории освоения территории, ее культурной специфике. В христианский ономастикон Прикамья входит значительное количество названий культовых мест (храмов, монастырей, часовен) и топонимических реминисценций из Библии и Евангелия (деревня *Ерусалимы* в Ильинском районе, название которой связано с символом Небесного града, «городом Бога»). Название поселку *Фавор/Фаор*, Еловский район (ранее *Фаворская Спасо-Преображенская монашеская пустынь*), было дано в честь библейской горы Фавор: поднявшись на нее вместе с своими учениками, Иисус Христос преобразился и стал сиять неzemным светом, наглядно показав этим свою Божественную суть. Религиозными коннотациями наделены используемые в топонимах названия священнослужителей: *Поповка* (кунгурское), *Кутейники* (Пермский район – от обозначения служителя, ведающего приготовлением кутии, блюда, которым было принято поминать умершего не только в кругу семьи и знакомых, но и приносить в храм). Селение могло быть определено и простым указанием на наличие в нем культового сооружения (д. *Часовенна*, позже село Вознесенское, Верещагинский район, д. *Часовня / Старочасовенна*, Краснокамский район). В качестве ойконима активно используется онимизированный апеллятив *Монастырь*. Так называется деревня в Гайнском районе (по основанному в 1539 г. Свято-Троицкому монастырю, ср. также д. *Монастырек* в Карагайском и Кунгурском районах; деревня *Монастыцы* в Сивинском районе (основана выходцами из Обвинского монастыря), известно также с. *Монастырка* в составе Осинского района. Обозначение религиозной общины монахов переходило в класс топонимов в связи с соседством с реальным монастырем (можно также предположить, что Монастырем могли назвать деревню в пустынной, незаселенной местности, тем более что в таких лесных селениях жили по строгому уставу). Е.Л. Березович считает библейские по происхождению топонимы достаточно выразительной и весьма раритетной группой в традиционной топосистеме [Березович, 1997, с. 86].

В настоящей статье основное внимание обращено на традиции именования храмов в Прикамье*. Одна из форм взаимоотношения человека и веры – строительство храмов (храмоздательство), деятельность, результаты которой имеют, помимо материального и духовного, языковое выражение. В ойконимии (и даже оронимии) Прикамья они используется достаточно часто, что связано, безусловно, с расположением края на границе Европы и Азии, с непростыми процессами христианизации здешних народов и с историей промышленного освоения территории. Храмы, отделяя праведническое бытие верующих от греховных соблазнов, всегда воспринимались как твердыни веры, как маркеры христианского мира. В России они часто возводились на стыке границ с «иноплеменниками». Так, «рубежские» церкви с именами святых покровителей Руси отмечены на Вологодчине (напр., Георгиевский храм на Рубежье, между Новгородскими и Ростовскими землями). В Прикамье (г. Усолье) также стоит Рубежская (Владимирская, т.е. *Владимирской иконы Божией Матери*) сильно разрушенная церковь. Ее название связывают с нахождением храма на границе соляных промыслов и административного центра Усолья в слободе Рубеж. Предполагаем, что название Рубеж могло быть мотивировано также необходимостью обозначить пограничное место (в прошлом на севере Урала славянские поселения соседствовали с чудскими, а Усолье, как и Соликамск, было исконной землей коми-пермяков). Практика построения храмов в честь защитников Русской земли на границах России, на местах сражений, контактов с иноверцами сохраняется и в позднее время (самая северная и самая древняя Борисоглебская церковь

* Названия извлекались из изданий: *Пермский край, полный список и карта храмов и монастырей* [Электронный ресурс]. URL: Народ.ру (дата обращения: 13.09.2024); Шумилов Е.Н. Православные и единоверческие храмы Пермского края. Краткий исторический справочник. Пермь, 2003. 71 с.; Шумилов Е.Н. Исчезнувшие населенные пункты Пермского края : краткий ист. справ. Изд. 2-е, испр. и доп. Пермь, 2008; Справочная книга Пермской епархии на 1912 год / сост. диакон Петр Ершов. Пермь, 1911. 289 с.

находилась в центре Кольского полуострова, на земле саами; после взятия Казани один из первых храмов, возведенных в этом городе, был посвящен великомуученикам Борису и Глебу [Кибирева, 2011, с. 129, 130]).

Имя храма выбирал либо жертвователь, на деньги которого строился храм, либо священство, при этом учитывалась также коллективная воля прихожан [Корчагин]. Процесс храмоименования выступал как сакральная защита территории: часто в выборе имени учитывали имя святого, память о котором отмечалась в праздники, близкие к дню закладки или освящения храма (*Церковь во имя святого пророка Ильи* в селе Ильинском Пермской губернии была освящена перед праздником Ильи пророка, в июле 1775 г., *Церковь Николая Чудотворца* в п. Николаевский Чернушинского района была заложена 8 июня 1854 г., после **дня памяти святого**). В последующем имя храма понималось не только как посвящение, оно становилось пространственным и духовным ориентиром. Многие имена объектов культового назначения (храмов, церквей, монастырей) становились названиями тех населенных пунктов, где они находились («*топонимическая карта России* содержит 5–7 % названий, образованных от экклезионимов» [Аринина, 2007, с. 220]). В наши дни в Пермском крае насчитывается 235 православных храмов и 34 часовни, и не менее 25 религиозных имен-храмонимов легли в основание названий населенных пунктов (с учетом использования одного и того же имени для разных сел в вариантной форме их намного больше).

Способы образования экклезионимов описаны достаточно полно [Гомырова, 2013; Аринина, 2008]. Выделяют храмонимы от агионимов, посвященные Господу Иисусу Христу, Пресвятой Богородице, святым угодникам Божиим; имена от эортонимов (названий церковных праздников); названия от иконимов (названий икон). В первом случае прославляется сакральная деятельность божества или святого – покровителя храма, отмечается суть заключенной в святом Божией благодати. Так, в названиях храмов увековечено имя Стефания Пермского, признаваемого Апостолом Пермской земли (*Церковь Стефана Пермского*, Верх-Юсьва Кудымкарского района, *Церковь Стефана Пермского*, п. Сылва Пермского района, кафедральный собор *Стефана Пермского* в п. Южном Перми и храм-часовня в Перми, *пещерный храм Свято-Троицкого Стефанова монастыря* в Мотовилихинском районе Перми). Имя просветителя пермских и вятских земель, местных язычников носят Скит и *Церковь Трифона Вятского* в с. Пыскор (Трифон Вятский был постриженником Пыскорского Преображенского монастыря).

Часто название соотносит храм с тем или иным евангельским событием или сюжетом, выражает посвящение праздникам (обычно двунадесятым). Не менее 35 храмов Прикамья своими названиями связаны с праздником Троицы (Осинский, Берёзовский, Кишертский, Кунгурский, Еловский, Карагайский, Ильинский, Юсьвинский, Горнозаводский, Чердынский, Кочёвский, Красновишерский, Нытвенский, Оханский, Очёрский районы, гг. Пермь и Соликамск). Приходящийся на время проводов весны и встречи лета праздник, религиозный смысл которого – обновление людей благодаря сошедшему Святому Духу, соединяет в себе народное начало с церковно-христианским (в народном календаре Троица воспринималась как праздник растительности: на Троицу приходилось завершение весенних земледельческих работ). Считается, что чаще всего Троицкие храмы ставили в местах, где были сильны языческие верования: они напоминали о главном догмате веры – триединстве Бога. По *Свято-Троицкой церкви* назван кунгурский *Троицк*, с. *Троица* в Пермском районе, *Свято-Троицкий монастырь* (Гайнский район). Свято-Троицкие храмы, по мнению П.А. Корчагина, статистически третьи в России, в Пермском крае – вторые [Корчагин].

Церковь Вознесения Господня (по ней названо село в Верещагинском районе) прославляет восшествие Иисуса Христа во плоти на небо, *Крестовоздвиженская церковь* (с. Сылвенск, Кунгурский район, ранее с. *Крестовоздвиженское*), *Храм Воздвижения Креста Господня* (Верх-Боровая, ранее с. *Крестовоздвиженское*, Соликамский район), собор *Воздвижения Креста Господня* в Соликамске напоминают о чудесном обретении Креста, на котором был распят Иисус Христос. Память о чуде богоявления, которое произошло во время крещения Спасителя (на Христа с небес сошел Дух Святой в облике голубя, и глас

с неба назвал младенца Сыном) запечатлена в названии *Богоявленской церкви Карагайского района*. *Храм Успения Пресвятой Богородицы* (Чердынь) связан с одним из двунадесятых праздников в память об отшествии Богородицы из земной жизни и блаженном соединении ее с со своим Сыном и Богом. Имена не менее 17 храмов происходят от названия православного праздника Покрова Пресвятой Богородицы – в Чернушинском, Осинском, Ординском, Б.-Сосновском, Кишертском, Октябрьском, Пермском, Соликамском, Усольском, Чусовском районах, в Перми и Чердыни. По *Покровской церкви* названо с. *Покровка* Берёзовского района (до ее построения в 1840 г. деревня Тетюева), с. *Покровское* в Осинском районе (старое название деревня Красный Яр). Активность экклезионима – яркое свидетельство того, что Покров день – один из самых почитаемых православных праздников в честь Божьей Матери, даровавшей людям свою защиту. Помимо актуализации в празднике идеи Богородицы защитницы, важно и то, что праздник в честь *Покрова*, заключая в своей обрядности немало дохристианских элементов, также связан с временем смены сезонов, начала зимы (его народное имя *Батюшка Покров*).

Третья группа названий храмов подчеркивает значимость особо чтимой иконы. *Храм Знамения иконы Божией Матери* (Городище, Соликамский район), *Церковь Знамения Пресвятой Богородицы* (с. Н. Шакшер Чердынского района) названием напоминает о спасительном чуде: когда осажденные новгородцы вынесли на городскую стену образ Богоматери, одна из стрел нападавших на них владимиро-суздальцев вонзилась в иконописный лик. Из глаз Богородицы потекли слезы, и на врагов напал ужас, они стали сражаться друг с другом. Чудотворная икона Богородицы, явившаяся в Казани в 1579 г. вскоре после взятия Казанского царства Иоанном Грозным, символизирующая защиту государства, домашнего очага и православия, отмечена в названии *Церковь Казанской иконы Божией Матери* (с. Оса, с. Калинино Кунгурского района, с. Фёдоровск Куединского района, с. Крохалево Юсьвинского района, с. Дробины Большесосновского района, ст. Бисер Горнозаводского района, с. Острожка Оханского района, Казанский Ключ Очёрского района, п. Бахаревка Перми).

Экклезионим, следовательно, содержит определение церкви по имени святителя, названию праздника или особо чтимой иконы. Официальные названия храмов чаще всего являются составными и могут содержать в своем составе дополнительные компоненты, дающие качественную характеристику культовым объектам, напр., *Михаило-Архангельская церковь* из с. Ново-Михайловское Сивинского района (в прошлом деревня Нетелева), указание на их пространственное расположение (село Сылвинско-Троицкое – название дано по главному приделу церкви и указано на реку Сылва, на левом берегу которой построен храм). Имя того святого, в честь которого сооружен храм, часто сопровождается устойчивой его характеристикой – часовня *Пантелеимона Целителя*, Гремяча, Осинский район, *Всехсвятская церковь* Чердынского уезда, официально *Церковь во имя Всех Святых*, *Церковь Прокопия Устюжского* села Кузнечиха Осинского района, *церковь Афанасия Великого*, с. Большая Уса Куединского района (в честь одного из Отцов Церкви). Многочленная структура экклезионимов включает также компоненты *во имя, в честь*; дополнительные характеристики святого – *благоверный, мученик, священномученик*. По сокращенным моделям образуются неофициальные названия, используемые в повседневной речи: *Никольская церковь*, с. Редикор Чердынского района вместо *Храм Николая Чудотворца*, *Георгиевская церковь*, с. Серегово Чердынского района вместо *Церковь во имя великомученика и Победоносца Георгия*. Существуют сложные субстантивные номинации с соединительными гласными (*Богородице-Казанская церковь*, давшая название с. *Казанка*, Оханский р-н – в честь иконы Пресвятой Богородицы «Казанская», *Иоанно-Богословская церковь*, г. Чердынь). В составе названия храма может быть сохранен компонент, указывающий на прославившие святого добродетели (часовня *Пантелеимона Целителя*, д. Гремяча, Осинский район, *Церковь Илии Пророка*, пос. Ильинский). Реже встречается присоединение существительного в форме родительного падежа со значением определения по принадлежности (*церковь Андronика*, Чернушинский район – в честь новомученика Андronика, архиепископа Пермского, *Церковь*

Власия – Храм в честь Святого Власия Севастийского в с. Шляпники Ординского района, *Церковь Екатерины* – церковь св. Екатерины в д. Кижи Еловского района, часовня *Татианы* часовня в честь святой мученицы Татианы, Кунгурский район. Заметим, что часовни в честь св. Татианы созданы и в других территориях – Н. Новгороде, Канске Красноярского края, Оренбурге, Ханты-Мансийске; имя кунгурской кладбищенской часовни, построенной любящим мужем в честь своей умершей жены *Татьяны*, имеет двойную мотивированность. Возможность использования в названиях имени без каких-либо конкретизаторов здесь связана с легко восстанавливаемыми по его формам коннотациями книжности (форма Татиана применялась в церковнославянских текстах).

Имена храмов пермской земли в совокупности представляют собой достаточно сложный ландшафт. Введение христианства и строительство храмов в Перми Великой началось во второй половине XV в., в заселенном предками коми-пермяков крае [Чагин, 2011]. С востока пришедшими на север Прикамья русским угрожало Сибирское, с юга – Казанское ханства. Первый каменный храм был воздвигнут при Иоанно-Богословском монастыре в Чердыни, здесь в первом русском городе на Урале в 1462–1463 гг. епископ Пермский Иона крестил местных жителей. Чердынская земля была обильно уснащена церквями (в бывшем Чердынском уезде насчитывалось 53 церкви и 48 часовен). Постепенно создаются православные храмы в других северных территориях (в том числе на месте языческих капищ коми-пермяков, например, по реке Каме, в погосте Пянетег и д. Керчево, см. [Оборин, 1990, с. 84–90]). Большое количество чердынских храмонимов связано с названиями праздников: *Воздвиженская церковь*, с. Верх-Боровая Чердынского уезда, *Воскресенский собор*, *Преображенская*, *Успенская*, *Богоявленская* церкви в Чердыни, церкви Чердынского района *Благовещенская* (с. Покча), *Знаменская* (с. Шакшер), *Богоявленская* (с. Чигироб), *Крестовоздвиженская* (с. Бондюг), *Введенская* (с. Камгорт), *Преображенская* (с. Янидор). Ориентация на праздники в названиях связана, вероятно, с тем, что в прошлом они были одновременно церковными и гражданскими, их следовало знать каждому православному христианину.

Чердынские названия храмов перекликаются с храмонимами других территорий Пермского края, что так или иначе связано с ролью Перми Великой в освоении Прикамья в целом. Напр., названию *Собора Воскресения Христова* (был заложен в Чердыни в 1750 г.) соответствуют *Воскресенские церкви* в Соликамске, Уинске, Карагайском, Кишертском (с. Посад), Суксунском, Частинском районах. По этим церквям были названы села *Воскресенское* (Уинский район – сначала деревня Смурыгина, или Смурыги) и *Воскресенск* (Карагайский район – сначала селение называлось деревня Фёдорово). Названию чердынской *Богоявленской церкви* соответствует название карагайского села *Богоявленск* (раньше село Серынское – от р. Сэрынь, вероятно, восточного гидронима Сарма, который применяется для обозначения рек с перекатами и омутами). Традиция именования храмов по праздникам выражена и в так называемых строгановских селах нынешнего Карагайского района: с. Рождественское, с. Воскресенское. Заметим, что многие храмы здесь строились по проектам талантливого архитектора Трефила Тудвасева, крепостного Строгановых (он создавал храмы и другие каменные сооружения в Соликамске и Усолье). Экклезионимы на территории, смежной с занятymi коми-пермяками землями, выстраиваются в некий условный ряд: *Храм Воскресения Христова*, с. Воскресенск, *Церковь Рождества Христова*, с. Рождественск, *церковь во имя чудотворцев Козьмы и Дамиана*, Козьмодемьянск, *Храм Николая Чудотворца*, с. Никольское, утраченная *Богоявленская церковь*, с. Богоявленское. Также отличается плотностью отэкклезионимных названий граничащая с Коми-Пермяцким округом территория Ильинского района: с. Ивановское (по *Храму Иоанна Предтечи*), с. Ильинское (*Храм Илии Пророка*), с. Сретенск (*Церковь Сретения Господня*).

В более позднее время православные храмы появляются и на территориях обитания татар и башкир на юге Прикамье. Здесь они нередко соседствуют с мусульманскими мечетями (*Церковь Сергия Радонежского* и мечеть *Рахман* в п. Октябрьский, *Соборная мечеть* и *Церковь Георгия Победоносца* в с. Уинское, *Церковь Стефана Великопермского и Махалля-мечеть* в п. Куеда). Храмы более южных территорий нередко выполнены в более совре-

менном стиле, чаще всего, это уральское барокко с усложненным декором. Богато декорирована, например, церковь *Введения Пресвятой Богородицы во Храм* (*Введенская церковь*) в Октябрьском районе (с. Мостовая, 2 половина XIX в.); *Введенский храм* в Соликамске (нач. XVIII в.) отличается скромностью отделки. В стиле «уральского барокко» создана церковь *Николая Чудотворца* в селе Медянка Ординского района (специалисты усматривают в ней черты утраченных построек Пыскорского монастыря, в том числе Никольского храма).

Высокая плотность использования христианских имен отличает заводы Горнозаводского Урала, которые возводились в неосвоенном человеком пространстве. Как отмечает А. Вострокнутов, название в честь небесного покровителя Архистратаига Михаила носил Архангело-Пашийский железноделательный завод (основан в 1786 г.), основанное в 1825 г. село Крестовоздвиженское (или Золотые Промысла) с храмом в честь Воздвижения Креста Господня (православные названия имели здесь и улицы: *Богоявленская, Никольская, Архангельская, Троицкая, Прокопьевская, Преображенская, Петропавловская*). Христианские названия носила первая доменная печь «Вознесенская» (на тот момент самая высокая на Урале), многие рудники (*Тихвинский, Богородский, Никольский, Покровский, Введенский*), части рудников (*Богородская шахта, Екатерининский шурф*). В даче Бисерского завода из 63 железных рудников и золотых приисков 21 (т.е. $\frac{1}{3}$) носил православные названия [Вострокнутов, 2021, с. 62–63].

При появлении храма нередко менялось название села, оно сохранялось и при утрате церкви или появлении другой. *Сретенск* (старое название села Вотчина) был назван по *Церкви во имя Сретения Господня* (в названии отражен религиозный сюжет о том, как старец Симеон и Пророчица Анна узнали о приходе в мир Бога в Младенце, рожденном от Девы). Название села *Григорьевское* (Нытвенский район) было дано по единоверческой *Григориевской-Богословской церкви* (в честь Григория Святителя, создателя богословского учения). В настоящее время в селе действует *Церковь Троицы Живоначальной*. Вероятно, первой была построена *церковь Покрова Богородицы* в с. Покровское Нытвенского района (позже здесь появляется *Петропавловская церковь*, однако престольным праздником до сих пор местные жители считают *Покров*). Известны также случаи вытеснения религиозных ойконимов. Село *Георгиевское* в Ильинском районе на речке Кривчанка (известно с 1579 г. как деревня Кривая Наволока) сейчас носит название Кривец. Село Ленск (Кунгурский район), известное в прошлом как деревня Степаново Городище, называлось также по церкви во имя Иоанна Предтечи село *Предтеченское* (переименовано в ноябре 1922 г. в память о Ленском расстреле).

Переход в ойконимы осуществлялся по своим моделям – с использованием суффиксов -ка, -овка, -овское, -ский, -ское: *Богоявленка* Карагайского района, *Казанка* Оханского района в честь Храма в честь иконы Пресвятой Богородицы «Казанская», *Филипповка* Кунгурского района (храм был освящен во имя Святителя Филиппа Митрополита Московского чудотворца), с. *Рождественское* Карагайского района, с. *Архангельское* в Юсьвинском районе по храму Михаила Архангела, с. *Рождественское* по Христо-Рождественской церкви, п. *Николаевский* в Чернушинском районе, по *Храму в честь святителя Николая Чудотворца*. Как можно увидеть, отдельные компоненты эклезионима при этом редуцируются (с. *Архангельское* от названия *Храма Михаило-Архангельский*). Известны также ойконимы в форме сложных слов: село *Новорождественское* (Лысьвенский район; с. Верх-Култым с *Христо-Рождественской церковью* получило это название после строительства нового храма); с. *Спас-Барда / Спасо-Барда* (Кишертский район),

В крае насчитывается 48 храмов и часовен в честь святителя Николая, а имя чудотворца запечатлено в названиях 3 сел: п. *Николаевский* в Чернушинском районе, с. *Никольское* Карагайского района (до 1898 г. деревня Новоселы) с *Церковью Николая чудотворца* (церковь освятили в честь коронования Николая II, поэтому назвали ее в честь небесного покровителя царя), деревня *Никольск* в Бардымском районе Пермского края с *Николаевской церковью*. Особое отношение к имени наиболее чтимого на Руси святого (считавшегося даже Русским Богом), вероятно, мотивировано и сохранением в народном сознании архаичной

связи Николы с культурами плодородия в народной культуре [Успенский, 1952, с. 75]. Как отмечает О.А. Лукина, имя святителя Николая Чудотворца пользуется наибольшей популярностью при назывании православных культовых сооружений и в Беларуси (125 культовых объектов) [Лукина, 2015, с. 102].

Приведем примеры других отэклезионимных ойконимов, восходящих к агионимам: п. *Ильинский* по церкви Илии Пророка, с. *Богородское* по Собору Пресвятой Богородицы (Ильинский район), с. *Богородск* (в прошлом д. Арий, Октябрьский район), с. *Богородское* по Рождество-Богородицкой церкви (теперь с. Фоки, Чайковский район), с. *Богородское* в Кунгурском районе. В честь апостолов Петра и Павла назван *Петропавловск* Большесосновского района, переназвана деревня Усть-Маш Октябрьского района. П. *Павловский* Очёрского района назван по имени владельца здешнего завода графа Павла Александровича Строганова (название так или иначе связано с именем небесных покровителей графа, в честь которых названа построенная здесь *Петропавловская церковь*). Двойственная мотивация также усматривается для названия с. *Аннинское* в Пермском районе (по местной *Анно-Успенской церкви*, которая была освящена в честь Успения праведной Анны; мать Богородицы воспринималась как небесная покровительница жены хозяина Аннинского завода графа И.Г. Чернышева Анны Александровны. Возможно также, что село было названо в честь дочери графа И.Г. Чернышева Анны Ивановны [Вострокнутов, 2021, с. 157].

Системность религиозных топонимов (их структурная оформленность, связь тематических групп, частотность названий) ярко иллюстрирует тот факт, что Церковь не есть механическое собрание индивидуумов, «не внешнее объединение разнородных элементов, а единое живое целое... члены которого находятся во внутреннем согласии» [Давыденков]. Лингвистические характеристики эклезионимов (как и связанных с ними ойконимов), дополненные историко-культурологическим их комментарием, детализируют наши представления о системности культурной традиции, путях ее развития и локальном своеобразии. Эклезионимы, как и отэклезионимные названия населенных пунктов, – важная составная часть культурного ландшафта Пермского края, изучение этих религиозных имен должно учитывать культурный фоновый контекст. Эклезионим считается сложным прецедентным знаком, смысл которого заключается не только в выделительной, адресной функции, но и в способности актуализировать значимые для территории культурно-символические смыслы.

Библиографический список

1. Аринина Е.П. Содержательное и структурное своеобразие русских эклезионимов в типологическом аспекте. – Самара : Самар. гос. ун-т, 2008. – 20 с.
2. Аринина Е.П. Эклезионимы как разновидность наименований в русской ономастической системе // Вестник СамГУ. – 2007. – № 5/2 (55). – С. 215–221.
3. Березович Е.Л. Библейская лексика в топонимии Русского Севера // Известия Уральского государственного университета. – 1997. – № 5. – С. 77–87.
4. Вострокнутов А.В. Особенности наименования храмов горнозаводских поселков Пермского края // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XIX. – 2021. – С. 153–166.
5. Гомырова Ю.Ю. Комонимы на основе религиозной лексики на материале Ярославской области // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 1, т. I. – С. 150–154.
6. Давыденков О., протоиерей. Единство церкви. Догматическое богословие [Электронный ресурс]. – URL: Dzen.ru (дата обращения: 01.10.2024).
7. Кибирева В.В. Храмы в честь Бориса и Глеба в культурном пространстве русского Севера // Вестник Поморского университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 128–131.
8. Корчагин П.А. Частотность эклезионимов [Электронный ресурс]. – URL: bogi.permartmuseum.ru>article/8 (дата обращения: 10.09.2024).

-
9. *Лукина О.А.* Агионим – экклезионим: проблемы взаимодействия (на материале названий культовых сооружений Беларуси) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. – 2015. – С. 100–104.
 10. *Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – нач. XVII в. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 168 с.
 11. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. Филологические разыскания в области славянских древностей. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1952. – 248 с.
 12. *Чагин Г.Н.* Пермь Великая и первые века ее христианизации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2011. – Вып. 5. – С. 7–13.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактории	3
Лычагина Е.Л. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА ОЗЕРА НЮХТИ КРАСНОВИШЕРСКОГО г. о. ПЕРМСКОГО КРАЯ	4
Демаков Д.А., Павлюткин И.Д., Малыцев В.С. ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ ПО ЛЕВОМУ БЕРЕГУ РЕКИ ВЕСЛЯНЫ В ГАЙНСКОМ МУНИЦИПАЛЬНОМ ОКРУГЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ	11
Смертина А.Ю., Смертин А.Р. РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ НА ГРУППЕ ПОСЕЛЕНИЙ КАМЕННОГО ВЕКА «ПРОТОКА I–III» НА СРЕДНЕЙ КАМЕ	16
Половников Л.В. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В БАССЕЙНЕ р. ЛОЛОГ В ПРЕДЕЛАХ КОЧЕВСКОГО И КОСИНСКОГО МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОКРУГОВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ В 2020 ГОДУ	23
Смертина (Батуева) Н.С., Смертин П.Р., Шмырина М.Е. ИТОГИ РАБОТ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИИ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ (2023–2024 гг.)	30
Данич А.В. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА БАЯНОВСКОМ I, МОГИЛЬНИКЕ В 2024 ГОДУ	39
Мингалева М.К., Перескоков М.Л., Мингалев В.В., Козыякова П.С. РОДАНОВСКИЙ ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС ТРОИЦКОГО ГОРОДИЩА В ГОРОДЕ ЧЕРДЫНЬ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2024 ГОДА)	51
Можаева А.А. КАМЕННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ С ПАМЯТНИКОВ ЮРТИКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА (КАМСКО-ВЯТСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ)	58
Хаярова П.В., Голдобин А.В. О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ПРЕДМЕТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПЛАСТИКИ В ЖИЗНИ НАРОДОВ ПРИКАМЬЯ I ТЫС. ДО Н. Э. – I ТЫС. Н. Э.	65
Бугарчев А.И., Ушакова С.В. ДЖУЧИДСКИЕ МОНЕТЫ XIII–XIV вв. ИЗ ДЖУКЕТАУ (ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)	74
Подюков И.А. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭККЛЕЗИОНИМОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ	79

ТРУДЫ КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск XXVI

Электронный сборник научных трудов

Под общей редакцией
Крыласовой Натальи Борисовны
Смертиной Надежды Сергеевны

Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений, цитирования и использованных иллюстративных материалов.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Стиль и пунктуация авторов статей в основном сохранены

Корректор – *O.B. Вязова*

Дата размещения на сайте: 10.12.2025

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, 44, каб. 310
Тел. (342) 215-18-52 (доп. 394)
e-mail: rio.pspu@yandex.ru